ВЕЧЁРНІЕ ЧАСЫ,

ИЛИ

ДРЕВНІЯ СКАЗКИ СЛАВЯНЪ

древлянскихъ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія,

1788.

СКАЗКИ ДРЕВЛЯНСКІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЕЧЕРЪ XIII.

Въ обыкновенное время Сказывальщикъ началъ.

Продолженіе повѣсти Вадимовой.

Приближились они подъ скрытыми имянами въ столичный Квадскаго Королевства городъ Эбуродунъ (*). Сердца ихъ кипѣли рвеніемъ отмстить ихъ злодѣю. Но развѣдавъ у обывателей, узнали они, что Раславъ съ тѣхъ поръ, какъ отлучился странствовать, не возвращался въ свое отечество; что хотя разнесся слухъ о похищеніи имъ въ Болгарахъ Княжеской дочери, но извѣстіе оное не подтверждено, и Князь Булгарскій не требовалъ о выдачѣ похитителя; и что преста-

(*) Нынѣ Олмицъ.

рѣлый ихъ Король, угрожаемый войною отъ *Маркомановъ*, безпрестанно оплакиваетъ отлученіе своего сына. Три друга заключили по таковомъ неудачномъ покушеніи странствовать по всѣмъ Дворамъ Сѣверныхъ Государей, въ надеждѣ провѣдать что либо о своихъ возлюбленныхъ, или искать помощи противу неправедныхъ похитителей *Вадимова* и *Арпадова* наслѣдія. *Бурновей* не хотѣлъ ихъ оставить; онъ пожертвовалъ дружбѣ своею любовію, и удовольствовался только написать убѣдительное письмо къ своей *Озанѣ*, въ которомъ, возобновляя клятвы о вѣчной къ ней вѣрности, просилъ о сохраненіи оныя и съ ея стороны; обѣщая возвратиться къ ней, какъ скоро судьба позволитъ ему предаться побужденіямъ постоянной его къ ней любви. Они предпріяли ѣхать въ Херсонесъ Кимврическій, и вопервыхъ испытать щастія своего при Дворѣ *Готфскомъ* (*).

Они

(*) Херсонъ Кимврическій въ древности назывался тотъ великій полуостровъ, гдѣ нынѣ находится Швеція, Данія и Норвегія. — Готфы, праотцы нынѣшнихъ Шведовъ; обитаніе ихъ было въ нынѣшней Голландіи; а собственно Кимвры, жили въ Ютландіи. Коданы при Шведскомъ заливѣ; Готфы соединясь со Свіонами, дали названіе нынѣшней Швеціи.

Они безъ всякихъ противныхъ приключеній достигли въ область Сусоловъ, гдѣ претерпѣли они нападеніе отъ пьяныхъ земледѣльцовъ. Когда приближались они къ столичному городу сего Княжества, выѣхало къ нимъ изъ стороны восемь человѣкъ, великорослыхъ мужиковъ съ дубинами, которые, безъ всякой причины начавъ бранить высокихъ нашихъ путешественниковъ, вступили по томъ и въ драку. *Простай* отъ трусости подалъ къ тому поводъ; онъ соскочивъ съ лошади, сталъ предъ ними на колѣни и просилъ о милости. Таковая покорность понравилась пьянымъ; они требовали того же и отъ богатырей. *Вадимъ* старался оныхъ сумазбродныхъ людей привести въ себя; но они, ничего не принимая, нападали, и принудили проѣзжихъ нашихъ приняться за оружіе. Нѣсколько данныхъ имъ ранъ обратили эту пьяную сволочь въ бѣгство. *Простай*, увидѣвъ, что господа его взяли верьхъ, не мѣшкавъ обнажилъ свою саблю, и погнавшись за бѣгущими, далъ великую рану по спинѣ одному изъ оныхъ. Должно было послать *Урмана* остановить таковую его неблаговременную храбрость. Освободясь, прибыли они въ первую попавшуюся имъ на дорогѣ деревню, объявили старостѣ о претерпѣнномъ ими нападеніи, и требовали управы, ежели обидѣвшіе ихъ находятся въ его вѣдомствѣ. Казалось, что сей крестьянинъ былъ прочихъ

разумнѣе; онъ пригласилъ ихъ въ свой домъ, и послалъ искать тѣхъ самовольниковъ: но по возвращеніи оныхъ свѣдавъ, что собственной сынъ его былъ въ томъ участникъ, и умеръ отъ данной *Простаемъ* раны, чрезмѣрно озлился. Онъ связавъ нашихъ странственниковъ, отправилъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ Митаву, какъ убійцъ, гдѣ оные, не взирая ни на какія справданія, посажены были въ крѣпкую темницу. Болѣзнь, одержавшая въ то время Сусольскаго Князя, была причиною, что они содержались безъ всякаго рѣшенія, и къ вящшему огорченію сидѣли они въ розныхъ отдѣленіяхъ одной башни.

Уповая на свою невинность, *Вадимъ* не унывалъ, и въ праздное время сочинилъ пѣсню, въ которой изобразилъ нещастную любовь свою къ *Брячиславѣ*, и горестную съ нею разлуку; онъ разпѣвалъ оную во время тихой вечерней зари. Въ одно утро увидѣлъ онъ вошедшаго въ темницу свою благороднаго юношу, которой ему сказалъ: нѣкоторая знатная особа, вслушавшаяся во вчерашнее пѣніе ваше, проситъ васъ сдѣлать ей повѣренность и открыть, о какой *Брячиславѣ* упоминали вы? также и собственное ваше имя. *Вадимъ* не уповая, чтобъ голосъ его могъ быть слышенъ кому нибудь, кромѣ сидящаго съ нимъ объ стѣну *Арпада*, жалѣлъ о своей неосторожности. Донеси, сказалъ

залъ онъ, приславшей тебя особѣ, что *Брячислава* была прелестнѣйшая на свѣтѣ Княжна; а я нещастной *Вадимъ*, невинно страждущій съ своими спутниками отъ несправедливыхъ Сусоловъ, которые вмѣсто страннопріимства, не изслѣдовавъ нашего преступленія, содержатъ въ темницѣ. Прибавь, прошу тебя и то, что ежели приславшая тебя особа можетъ имѣть сожалѣніе о нашемъ невинномъ страданіи, чтобъ постаралась о скорѣйшемъ представленіи нашемъ на судъ, предъ коимъ бы оправдавшись, могли продолжать путь нашъ.

Присылавшая къ *Вадиму* была самая дочь Сусольскаго Князя, особа прекраснѣйшая своего времяни; она выслушавъ донесеніе своего посланнаго, и сравнивъ съ тѣмъ выраженіе словъ въ пѣсни *Вадимовой*, заключила, что онъ человѣкъ не низкаго происхожденія. Она не мѣшкавъ пошла къ своей родительницѣ, и обьявивъ о догадкѣ своей, что у нихъ въ темницѣ находятся знаменитые чужестранцы, представляла ей, что надлежало бы съ оными осторожнѣе обойтиться, и что таковая грубость можетъ иногда приключить непріятныя слѣдствія. Княгиня, выслушавъ ее, пошла къ своему супругу, коему отъ болѣзни было уже облегченіе, и пересказала ему обо всемъ, что слышала. Князь немедленно послалъ при-

 ве-

вести предъ себя одного изъ оныхъ чужестранцовъ: почему и былъ представленъ къ нему *Бурновей*. На вопросъ Княжій, для чего сдѣлали они въ области его смертоубійство, отвѣчалъ онъ: мы не имѣемъ, Свѣтлѣйшій Князь, причины запираться, что это правда, но мы учинили оное въ свою оборону, претерпѣвъ нападеніе отъ пьяныхъ крестьянъ, и единственно въ защищеніе собственной жизни. Смѣлой отвѣтъ *Бурновеевъ* Князю понравился, и подтверждалъ истинну оправданія; онъ спрашивалъ у него: кто онъ таковъ, и что за люди его товарищи, также куда они шествуютъ. Мы нещастные, отвѣчалъ онъ, и уроженцы разныхъ странъ, и находимся въ такомъ состояніи, что истинныхъ нашихъ имянъ открыть не можемъ. Однакожь будьте, Свѣтлѣйшій Государь, увѣрены, что скромность наша, и странствованіе по свѣту, не отъ преступленія, но отъ злочастія нашего произходитъ. Мы странствующіе богатыри, облегчающіе бремя нашей печали путешествіями. Но чтобъ вы, Свѣтлѣйшій Князь, не подумали объ насъ противнаго, я могу открыть вамъ, что между нами находится ближній родственникъ Славянорусскаго Князя; о прочемъ позвольте мнѣ умолчать. Что надлежитъ до пятаго нашего товарища, оный составляетъ единственнаго при насъ слугу, которой своею простотою и болтливостію разгоняетъ нашу

ску-

скуку. Слова *Бурновеевы* лишь возбудили любопытство Князя Сусольскаго; онъ уповалъ лучшее получить объясненіе отъ простосердечнаго слуги: и для того приказалъ онаго представить.

Простай вошелъ въ великой робости; онъ считалъ, что уже пришелъ послѣдній часъ его жизни, а особливо когда Князь съ притворнымъ гнѣвомъ сказалъ ему: кто тебѣ разбойникъ позволилъ нападать на моихъ подданныхъ? —— Ахъ, Господинъ Судья! отвѣчалъ онъ; когда это мое нападеніе, или наскаканіе заслужило смертную казнь, то за это должна отвѣчать моя лошадь; она наскакивала, а я только на ней сидѣлъ. И никогда бы не осмѣлился напасть на тѣхъ пьяныхъ мужиковъ, которые убили было насъ дубьемъ до смерти, ежелибъ не увидѣлъ, что они отъ насъ дрогнули. Притомъ же и ихъ до смерти не убивалъ, а только давалъ имъ раны. Кто виноватъ, что они померли? Я имъ умирать не приказывалъ; развѣ господа мои велѣли. Но ежелибъ я нашелъ господъ моихъ: они бы за себя и за меня умѣли отвѣчать, такъ чтобъ тебѣ было стыдно! . . . Однако (продолжалъ онъ убавя голосъ и подступя къ Князю) Господинъ Судья, я кланяюсь тебѣ моей лошадью, лишь не пускай дѣло въ огласку и освободи моихъ господъ. —— Слова *Проста-*

свы весьма развеселили Князя. По довольномъ смѣхѣ, спросилъ онъ у него, показавъ на *Бурновея*, знакомъ ли ему сей господинъ? *Простай*, не видавши онаго отъ страху, обрадовался, усмотрѣвъ, и громко закричалъ: ба! . . . какъ не знать! это такой богатырь, которой въ Вандалѣ всѣхъ другихъ богатырей разгонялъ; а зовутъ его *Бурновеемъ*. Ну! теперь скажи мнѣ, гдѣ мой господинъ? и его ---- --- Тогда *Бурновей* опасаясь, чтобъ онъ всего не высказалъ, далъ ему знакъ къ молчанію; но догадливой *Простай* продолжалъ: а! знаю! ты не велишь мнѣ называть Князя *Арпада*? Хорошо! я никому не скажу. Вслушавшись Государь Сусольскій, уразумѣлъ, съ какими людьми онъ дѣло имѣетъ; ему чувствительно было, что знатныя особы претерпѣли въ столицѣ его обиду. Я вижу, сказалъ онъ *Бурновею*, что имѣю высокихъ особъ въ заточеніи; равно и то, что оныя ни въ чемъ невинны. Послѣ чего извинился онъ въ неосторожности, которой причиною поставляетъ прошедшую болѣзнь свою. Послѣ чего убѣждалъ его открыть о настоящемъ произхожденіи прочихъ его товарищей, для того, чтобъ въ невѣденіи не оказать какихъ либо невѣжливостей при пріемѣ оныхъ. Слова Княжія привели въ замѣшательство *Бурновея*; онъ опасался обидѣть нескромностію своею друзей своихъ:

ихъ: и для того отвѣчалъ, что онъ не больше, какъ слуга оныхъ, и не смѣетъ безъ дозволенія ихъ учинить того. — Да! изрядной ты слуга! сказалъ *Простай*; скажи: кто на дорогѣ-то лошадей сѣдлалъ? Изрядно, что ты самъ себя слугою сдѣлалъ! Мнѣ же будетъ легче; я твоихъ сапоговъ не буду чистить, да еще ты мнѣ будешь пособлять.

Сколь ни непохоже было на шутку разглагольствованіе Князя Сусольскаго съ *Бурновеемъ*, но не могъ никто удержаться отъ смѣха, однако первый прекратилъ оный, повелѣвъ своимъ придворнымъ поспѣшить въ темницу, и снявъ съ чужестранныхъ оковы, препроводить во Дворецъ его съ честію. Князь самъ вышелъ онымъ на встрѣчу, и извинялся предъ ними, сколько могъ, въ произшедшей отъ невѣденія грубости. *Вадимъ*, зная, что Сусолы не были никогда благосклонны *Гардорику*, не имѣлъ причины скрывать отъ Князя ихъ о себѣ, равно и *Арпадъ*; они открыли о всѣхъ своихъ приключеніяхъ, и подвигли въ сожалѣніе сего Государя. Онъ обѣщалъ имъ помощь свою, когда вступится подкрѣпить ихъ право какой нибудь сильнѣйшій Монархъ, и обласкавъ многими другими знаками своей благосклонности, упросилъ ихъ взять на недѣлю отдохновеніе въ его столицѣ. Во всѣ оные дни онъ старался замѣнить прошедшую невѣ-

вѣ-

вѣжливость оказанiемъ для нихъ различныхъ почестей и увеселенiй. Княжна равномѣрно оказывала имъ благосклонность; и естьли бы не была оная уже обручена за нѣкотораго Нѣмецкаго Короля, то можно бы подумать, что *Вадимъ* учинилъ въ сердцѣ ея впечатлѣнiе. Надлежало отдать справедливость и ея просвѣщенiю; она была совершенна во всѣхъ дарованiяхъ. *Вадимъ* открывался друзьямъ своимъ, что одна только *Брячислава* ея прекраснѣе; а *Арпадъ* съ *Бурновеемъ* почитали ее второю по *Предславѣ* и *Озанѣ*.

По прошествiи четырехъ дней пребыванiя ихъ при Дворѣ Сусольскаго Князя, предложилъ оный имъ повеселиться звѣриною ловлею. *Вадимъ* и *Бурновей* охотно приняли сiе приглашенiе, и всѣ отправились, кромѣ одного *Арпада*, которой за приключившеюся ему болѣзнiю не могъ въ томъ участвовать. *Вадимъ* чрезмѣрно жалѣлъ о семъ, любя его больше самаго себя; разстался съ нимъ почти со слезами, и обѣщаясь чрезъ двѣнатцать часовъ его увидѣть. Избранъ къ тому находившiйся не въ дальности отъ столицы лѣсъ, въ которомъ главный-ловчiй сдѣлалъ уже всѣ разпоряженiя для гоньбы звѣрей. *Простай*, примѣтившiй отмѣнную честь, оказываемую его господину, такъ возгордился, что ни

од-

одного изъ придворныхъ не удостоивалъ своего взгляду; онъ видя, что по приближеніи въ лѣсъ всѣ начали занимать мѣста, и врознь разъѣхались, поскакалъ и самъ на своемъ чубаромъ. Однако удаляясь отъ людей внутрь лѣсу, наткнулся на волчицу, которая бѣжала отъ гоньбы съ своими молодыми. Онъ слыхалъ, что есть на свѣтѣ звѣри, но ни одного еще не видывалъ: и по тому не разумѣлъ, что бы то за звѣрь былъ. Тотчасъ примѣтилъ онъ, что звѣри тѣ его боятся, потому что бѣгутъ отъ него прочь; а онъ, какъ и всѣ трусы, имѣлъ привычку предъ нападающими на него становиться на колѣна, и просить пощады, за убѣгающими же гнаться: почему стегнулъ своего чубарова коня, наскакалъ, и стоптавъ одного волченка, задавилъ. Ему очень это понравилось; онъ съ радости кричалъ и смѣялся, надѣясь и другихъ волчатъ лошадью передавить, а тѣмъ отъ всѣхъ охотниковъ получить себѣ славу. Но радость и надежда его въ великой страхъ обратилась: старая волчица, увидѣвъ смерть своего дѣтенка, бросилась на него. Естьли бы страхъ не принудилъ его обомглѣть, онъ бы могъ по крайней мѣрѣ ускакать, поворотивъ свою лошадь но онъ опустилъ руки и далъ время звѣрю прыгнувъ укусить за ногу. Безъ сомнѣнія былъ бы онъ сорванъ съ сѣдла волчицею,

цею, естьлибъ чубарой не оборонилъ его копытами; а онъ между тѣмъ, ухватясь за вѣтьвь и вскочилъ на дерево. Волчица обратилась въ бѣгство, подхвативъ мертваго, а лошадь *Простаева* не тронулась съ мѣста, и стояла подъ деревомъ, служа вмѣсто часоваго и примѣты, по которой бы храбраго сего рыцаря сыскать было можно. Онъ бы и въ два дни не слѣзъ съ дерева, когда бы не случилось *Вадиму* общe съ Княземъ Сусольскимъ и его дочерью проѣзжать мимо. *Вадимъ* усмотрѣлъ коня благоразумнаго слуги своего, и подъѣхавъ, увидѣлъ подъ деревомъ лежащую саблю его съ оборваннымъ поясомъ, и шапкою. Князь Сусольскiй сказалъ, что должно тому человѣку, чье оружiе и шапка, быть растерзану отъ какого нибудь лютаго звѣря; но *Вадимъ* узнавъ, что оныя надлежатъ *Простаю*, не уповалъ, чтобъ слуга его отважился вдаться въ такое опасное сраженiе. Но проѣхавъ нѣсколько, усмотрѣлъ много крови отъ раздавленнаго волченка и лоскутъ отъ платья *Простаева*, заключилъ и самъ, что онъ сожранъ дикими звѣрями. Онъ началъ тужить, и говорилъ: сколько жаль ему сего урона! Я радъ былъ бы, продолжалъ онъ, хотябъ найти тѣло его, чтобъ погребсти съ честiю. —— Сидящiй на деревѣ и разсматривающiй рану свою *Простай*, вслушался въ сло-

слова его, и громко закричалъ: ну! когда вы меня живаго хотите погребать, такъ я вовѣки вамъ не скажу, гдѣ я! Печаль *Вадимова* обратилась въ смѣхъ; онъ понуждалъ его слѣзть съ дерева, но *Простай* не повиновался. у меня и на умѣ не бывало слѣзть къ вамъ, пока вы не скажете сущую правду о томъ, естьли еще въ этомъ лѣсу свирѣпые и лютые звѣри. Когда ужь ихъ нѣтъ, то я васъ послушаю, и позволю вамъ лѣчить мои смертныя раны. Надлежало въ томъ его обнадежить; послѣ чего онъ спустясь съ дерева, сѣлъ на землю. Князь Сусольскiй спрашивалъ у него, что съ нимъ сдѣлалось и что у него болитъ? Да! отвѣчалъ онъ, когдабъ я такъ же здоровъ былъ какъ ты, то и самъ бы у тебя также спрашивалъ. Посмотритко. . . . продолжалъ онъ, поднимая свой кафтанъ, и обнажая свои черныя голѣни, такъ что Княжна принуждена была отъѣхать. *Простай*, примѣтивъ это: кричалъ ей въ слѣдъ: дѣвушка! не опасайся, я еще цѣлой день проживу; вѣдь я не умеръ. —— Между смѣхомъ, приключеннымъ простотою его, усмотрѣли на ногѣ у него кровь. Князь Сусольскiй приказалъ одному изъ охотниковъ осмотрѣть и перевязать его рану; сей нашелъ однако, что у него только въ двухъ мѣстахъ оцараплена кожа, и донесъ о томъ своему Государю —— Ахъ ты лгунъ!

вскри-

вскричалъ *Простай*, вслушавшись въ слова его; ты говоришь, что только кожа оцарапелена: можно ли тому только быть отъ великихъ зубовъ льва, съ коимъ я сражался? —— Какъ! спросилъ его *Вадимъ*; ты со львомъ имѣлъ сраженіе? Точно такъ! отвѣчалъ онъ, и не токмо съ однимъ, но съ пятью, или больше; и раны мои получилъ отъ великой моей храбрости. Я увидѣлъ этого страшнаго льва, или можетъ быть слона, потому что заподлинно не знаю; за этитъ львомъ, или слономъ бѣжало еще много маленькихъ. Они бросились прочь, испугавшись моего взгляду. Хотя я и одинъ былъ, но никогда еще въ жизни моей не имѣлъ въ себѣ такой жадности къ славѣ: сердце во мнѣ закипѣло, и я рѣшился вдругъ напустить на всѣхъ львовъ. Я сунулся на нихъ такъ храбро, что одинъ изъ меньшихъ львовъ вмигъ стоптанъ былъ и умерщвленъ. Однако за это славное дѣло старой такъ на меня осердился, и бросился на меня, разинувъ такой большой ротъ, что могъ проглотить меня и съ лошадью: не можно было мнѣ выдержать таковой его лютости и кусанія; и хотя моя храбрость ни на волосъ не уменьшилась; хотя помнилъ я, что бодрому богатырю надлежитъ побѣдить, или умереть, какъ часто я отъ васъ слыхалъ; однако вотъ что меня остановило! По изте-

текающей изъ ноги моей крови, разсудилъ я, что уже мнѣ не много на свѣтѣ жить осталось: и для того хотѣлъ я при концѣ моемъ вамъ, господа, о моихъ храбрыхъ дѣлахъ изустно донести. А естьли бы я со львами еще началъ драться, можетъ быть они разорвали бы меня, и вы подумали бы, что я отъ нихъ струсилъ; отъ такова безславія убѣгая, собрался я съ умомъ, и вспрыгнулъ на это дерево. Надобно думать, что видъ мой очень былъ свирѣпъ; для того что сидѣвшія на семъ деревѣ птицы ужасно струсили, и закричавъ караулъ! караулъ! отъ меня полетѣли. —

Повѣствованіе его развеселило всѣхъ; спрашивали у него, можетъ ли онъ сѣсть на лошадь и показать, въ которую сторону тѣ львы побѣжали? Храброй человѣкъ, отвѣчалъ онъ, долженъ и умирая не поддаваться своему непріятелю, какъ-то сказывалъ нашъ богатырь *Бурновей*: и для того, хотя бы сердце въ моемъ тѣлѣ на десять частей разорвалось, я не оставлю гнать моихъ злодѣевъ. Послѣ чего вскочилъ онъ на чубарова, показалъ, гдѣ бѣжали мнимые львы, и напущенныя собаки по слѣду привели къ норѣ, гдѣ волчица съ дѣтьми укрылась. По лаю отъ собакъ узнали о томъ; призваны находившіеся при охотѣ работники съ лопатами, и приказано онымъ нору разры-

ватъ. Когда работа производилась, собаки сыскали побочной выходъ изъ норы, и ворвавшись передавили всѣхъ волковъ. Вытащенной оными первой волченокъ когда представился глазамъ *Простаевымъ*, соскочилъ онъ съ гнѣвомъ съ коня, обнажилъ свою саблю, отбилъ собакъ, и отрубивъ голову мертвому звѣренку, кричалъ: вотъ тотъ молодой левъ, за котораго старая львица такія опасныя раны мнѣ подѣлала! Слова его произвели смѣхъ; и когда начали увѣрять его, что былъ то волченокъ, а не левъ: онъ разсердясь, поскакалъ прочь; хотя впрочемъ не выпускалъ охотниковъ изъ виду, и разъѣжалъ вблизи отъ оныхъ стороною. — —

Часъ, опредѣленный для слушанія Сказокъ, кончился; *Изборъ* пошелъ, сказавъ, что *Голованъ* отчасу лучше разсказываетъ, и что глупости *Простаевы* очень его увеселили. — Въ этомъ случаѣ вкусъ Вашего Величества, отвѣчалъ Сказывальщикъ, весьма отличенъ отъ многихъ Читателей сея повѣсти; вы отдаете справедливость забавнѣйшему мѣсту въ семъ приключеніи. Но они говорятъ, будто бы шутка, употребленная Сочинителемъ очень жалка; что вранье дурака не можетъ увеселять разумнаго человѣка, и что включеніе шутовства въ важную богатырскую повѣсть учинено не кстати. — Это вкусъ древнихъ Писателей, отъ

въ

вѣчалъ *Изборъ*, и мнѣ оный нравится. — Тѣмъ лучше, сказалъ *Скалозубъ*; много и новѣйшихъ Писателей, кои, не имѣя въ своихъ сочиненіяхъ лицъ подобныхъ *Простаю*, сами заступаютъ его должность. — Много было между ими и другихъ разговоровъ по сему предмету; но какъ оные не надлежатъ до нашего намѣренія: Издатель увѣдомляетъ только, что въ назначенное время началось продолженіе разсказыванія.

ВЕЧЕРЪ XIV.

Между тѣмъ возобновившаяся гоньба понудила охотниковъ въ разныя стороны раздѣлиться. *Вадимъ* вскорѣ усмотрѣлъ великаго медвѣдя, за которымъ и поскакалъ со многими придворными Князя Сусольскаго; но какъ подъ нимъ лошадь была другихъ резвѣе, скоро потерялъ онъ ихъ изъ виду. Медвѣдь удалялся, но онъ не преставалъ достигать его. Звѣрь увидѣвъ, что за нимъ гонится только одинъ человѣкъ, обратился и напалъ на *Вадима*. Сей хотѣлъ пронзить его своимъ копьемъ въ разверзтую пасть, но звѣрь выбилъ оное изъ рукъ его, и ставъ на заднія ноги, старался сорвать его. *Ва-*

димъ выхвативъ свой тесакъ, двумя удачными ударами отрубилъ ему лапу и морду; чрезъ что обезсиленный звѣрь обратился въ бѣгство. *Вадимъ*, поднявъ копье свое, достигъ его, и безъ труда умертвилъ. Однако онъ такъ далеко заскакалъ отъ охотниковъ, что не уповалъ въ тотъ день сыскать ихъ на утомленномъ конѣ своемъ; что принудило его остановиться для отдохновенія на одномъ въ лѣсу находящемся лужку. Онъ хотѣлъ накормить коня своего свѣжею травою, и въ семъ намѣреніи принялся было онаго разсѣдлывать, какъ проливщийся къ нему не въ дальности происходящій крикъ принудилъ его опять сѣсть на онаго и скакать въ ту сторону. Но сколько онъ ужаснулся, усмотрѣвъ Княжну Сусольскую, преслѣдуему отъ страшнаго медвѣдя, которой почти достигалъ ее! *Вадимъ* тотчасъ остановилъ свирѣпство звѣря сего, пронзивъ онаго копьемъ своимъ, отъ чего оное переломилось. Не успѣлъ онъ совершить сего щастливаго удара, какъ два другихъ звѣря роду сего, бѣжавшіе по слѣду перваго, на нихъ напали. *Вадимъ*, потерявъ копье свое, принужденъ былъ обороняться своею саблею; онъ привлекалъ на себя ударами нападеніе обоихъ медвѣдей, и совѣтовалъ Княжнѣ спасаться бѣгствомъ. Однако великодушная Княжна не хотѣла оставить безъ

по-

помощи своего избавителя, она помогала ему своимъ легкимъ охотничьимъ копьемъ; но дрожащія отъ ужасу руки ея слабы были пробить твердую звѣрей тѣхъ кожу: она лишь раздразнила ихъ своими ударами. Иное произходило отъ руки *Вадимовой*; онъ давалъ имъ жестокія раны. Звѣри, увидѣвъ текущую кровь свою, въ большую пришли ярость, и испустивъ ревъ, наполнившій всѣ окрестности лѣсу, бросились съ такимъ стремленіемъ, что лошадь подъ *Вадимомъ* упала. Княжна хотѣла подать ему помощь, но и подъ нею лошадь была опровержена. Опасность ея усугубила силы *Вадимовы*; онъ успѣлъ вскочить и саблею своею защитить жизнь ея, но чрезъ то привлекъ на себя обоихъ звѣрей. оные выбили саблю изъ рукъ его, Княжна упала въ обморокъ, и оба они были бы разтерзаны, но въ самое то время прискакали къ нимъ два чужестранца, покрытые съ ногъ до головы бронею; они бросились на помощь, и копьями своими за одинъ разъ повергли обоихъ звѣрей мертвыми. Столь неожидаемая помощь чувствительна была *Вадиму* отъ особъ незнакомыхъ; онъ не зная, чемъ возблагодарить за то, въ торопливости снялъ съ руки своей перстень, и подарилъ тому, которой оказалъ ему больше помощи. Примите сей малой знакъ признанія моего, сказалъ онъ; но

одолженіе ваше такого роду, за которое при всякомъ случаѣ обязанъ я не щадить жизни моей для пользъ вашихъ. Незнакомый принялъ перстень, и посмотрѣвъ на оный, покраснѣлъ. Вполъ открытый личникъ шелома его допускалъ *Вадиму* примѣтить разныя въ лицѣ его перемѣны. — Государь мой! сказалъ тотъ незнакомый надѣвая перстень на руку свою: я долженъ былъ вамъ больше, нежели оказаніемъ столь малой услуги: но подарокъ вашъ учиняетъ то, что я не токмо оказывать вамъ помощь, но и знать васъ больше не желаю, дабы таковыми непріятными подарками впредь не былъ отъ васъ отягощаемъ. — *Вадимъ* хотѣлъ потребовать объясненія тѣмъ непонятнымъ для него словамъ; но увидѣвъ Княжну лежащую близь него въ обморокѣ, отъ жалости въ лицѣ перемѣнился, и оставивъ своего избавителя, бросился къ ней на помощь. Товарищь его избавителя подскочилъ къ нему, вынулъ изъ кармана сосудецъ съ нѣкіимъ лѣкарствомъ, и началъ Княжнѣ натирать онымъ виски. *Вадимъ* не хотѣлъ допустить, чтобъ чужестранецъ оказывалъ ей услуги; онъ въ замѣшательствѣ своемъ вырвалъ изъ рукъ отъ него лѣкарство, толкнулъ его такъ, что можно бы счесть за крайнюю невѣжливость, и началъ самъ Княжнѣ виски тереть. Не-

вня-

знакомой не осердился за оное; въ разсѣяніи своемъ *Вадимъ* могъ примѣтить, что поступокъ его приключилъ больше досады другому чужестранцу. *Вадимъ* узналъ свою неосторожность уже тогда, какъ незнакомые отъ него удалились, и когда Княжна пришла въ память. Онъ разсказывалъ ей о семъ приключеніи, жалѣя о своей неосторожности. Княжна сама огорчалась, что избавители ея удалились, не получивъ никакой отъ нее благодарности. Наставшая между тѣмъ ночь привела *Вадима* въ немалую о Княжнѣ заботу; она ослабѣла отъ претерпѣннаго страху, лошади же ихъ были отъ медвѣдей такъ изранены, что не могли съ мѣста тронуться: почему предстояла необходимость ночевать ей въ пустомъ лѣсу на голой землѣ. Онъ началъ было собирать траву и мохъ для пріуготовленія ей постели; въ сіе время услышали они голоса посланныхъ для сысканія ихъ, кои съ зазжеными свѣчами всюду ѣздили. По отзыву ихъ оные немедленно прискакали, и вывели ихъ изъ затрудненія; они сѣли на охотничьихъ лошадей, и благополучно достигли шатровъ, въ коихъ Князь въ разсужденіи множества найденныхъ въ томъ лѣсу звѣрей, намѣрясь продолжить на другой день охоту, ночевать расположился. Отсутствіе Княжны приключило родителямъ ея немалое безпокойство; они обрадовались, когда ее увидѣли,

и узнавъ, каковой вдавалась она, заскакавъ отъ своихъ людей, опасности, отъ которой избавлена была неустрашимостію *Вадимовою*, приносили ему великую благодарность. Княгиня слегка выговаривала дочери за неосторожность; но Князь, какъ великой охотникъ, не удержанъ былъ прошедшею опасностію ея, и не отмѣнилъ намѣренія своего продолжать ловлю.

По возхожденіи солнца звѣроловство опять началось. Всѣ разъѣхались, кромѣ Княгини, которая, устрашась прошедшею опасностію дочери своей, не отпустила оную отъ себя. *Простай* также отговорился полученными вчера ранами, и остался увеселять своими глупостими придворныхъ. *Вадимъ* въ сей день положилъ было не разлучаться съ *Бурновеемъ*, и весьма хотѣлъ поговорить съ нимъ о вчерашнемъ приключеніи и словахъ незнакомаго, наводящихъ ему безпокойство: но появившіеся съ гоньбы два лося нечувствительно принудили ихъ гнаться за собою. Звѣри побѣжали въ разныя стороны, и чрезъ то двухъ друзей сихъ разлучили. *Вадимъ* по пристрастію своему къ охотѣ забылъ все, чрезмѣрно удалился въ густоту лѣса, и до тѣхъ поръ скакалъ, пака утомившаяся подъ нимъ лошадь споткнувшись, убилась до смерти о древесную колоду. *Вадимъ* остался пѣшъ въ такомъ мѣстѣ, изъ коего не

зналъ выходу. Уже солнце далеко съ полдней уступило; но онъ утомясь, не имѣлъ пищи, чемъ бы подкрѣпить себя. Пошелъ онъ на удачу; лѣсъ отчасу становился густѣе, и бродя до самой ночи, принужденъ онъ былъ заночевать подъ деревомъ. Уединеніе, мрачность мѣста, и опасность отъ дикихъ звѣрей, произвели въ немъ ужасъ и множество печальныхъ размышленій. Нещастной *Вадимъ*! говорилъ онъ самъ себѣ; для чего неизвѣстной ужасъ обьемлетъ твое сердце? Не предстоитъ ли тебѣ смерть отъ лютыхъ звѣрей, коихъ лютость ты вчера испыталъ? Нѣтъ! ужасъ души моей (разсуждалъ онъ) не можетъ произходить отъ таковой причины; предстоитъ ей нѣчто горестнѣйшее!... Могуль я бояться звѣрей? могуль я бояться смерти? не ужь ли жизнь моя мнѣ драгоцѣнна? и есть ли что на свѣтѣ, могущее меня къ оной привязывать? Рожденный для престола, перешелъ въ темницу; спасся изъ оной, дабы подвергнуться гоненіямъ властолюбиваго брата, отъ коихъ спасаетъ меня только странствованіе. Любовь моя, обѣщавшая мнѣ въ сердцѣ прелестной *Брячиславы* сторичныя радости, нежели каковыхъ могъ я ожидать отъ короны, имѣла ли въ себѣ что, кромѣ бѣдствія? Возлюбленная моя умерла насильственною смертію: то могу ли я оной страшиться?

 Нѣтъ!

нѣтъ! оная составила бы мое блаженство, конецъ моимъ бѣдствіямъ. - - - Увы! нѣчто ужаснѣйшее смерти являетъ мнѣ болѣзненное мое предчувствованіе. - - - Живъ ли ты, единственный другъ мой *Арпадъ*? подобіе, оставшееся возлюбленной моей *Брячиславы*. Я оставилъ тебя въ болѣзни, предпочелъ безумное увеселеніе обществу твоему. Что со мною будетъ, ежели заподлинно предчувствованіе мое вѣщаетъ мнѣ конецъ твой? —— Мысли сіи произвели слезы, которыхъ онъ дотолѣ не проливалъ ни въ какихъ бѣдствіяхъ. Едва разсвѣло, пошелъ онъ и самъ куда не вѣдая, и не могши истребить ужасовъ, стѣсняющихъ сердце его. Большую часть дня препровелъ онъ въ безполезныхъ исканіяхъ дороги; силы его истощались, и искалъ онъ мѣста, гдѣ бы отдохнуть, какъ осматриваясь увидѣлъ онъ въ сторонѣ на полянкѣ осѣдланную лошадь. Обрадовался онъ, уповая при оной найти человѣка, которой можетъ показать ему дорогу изъ сего дремучаго лѣсу; но радость его еще болѣе умножилась, когда увидѣлъ онъ спящаго на травѣ *Бурновея*. По пробужденіи его, узналъ отъ него *Вадимъ*, что онъ, равномѣрно гнавшись за лосемъ, потерялъ охотниковъ и дорогу; что онъ также ночевалъ въ лѣсу, и препровелъ ночь въ ужасномъ предчувствованіи нѣкотораго невѣ-

извѣстнаго ему нещастія. Слова *Бурновее-вы* подтвердили мысли *Вадимовы*, объ опасности жизни *Арпадовой*; онъ открылъ ему оныя. Такъ, вѣрный другъ и товарищь моего нещастія, сказалъ онъ *Бурновею*; не для чего намъ медлить въ семъ Княженіи и провѣдывать объ его участи. Увѣдомимъ *Урмана*, въ какую страну изберемъ мы путь, по выходѣ изъ сего лѣсу; онъ насъ догонитъ съ *Простаемъ*. Сказавъ сіе, углубился онъ въ печаль, изъ которой многаго труда стоило *Бурновею* извлечь его. Оный принуждалъ его сѣсть на свою лошадь, а самъ хотѣлъ итти пѣшій; но *Вадимъ* никакъ на то не соглашался, и такъ побрели они оба пѣшіе. Путь ихъ продолжался медленно отъ великаго утомленія; потому что почти двое сутокъ ничего не ѣли, и уже къ сумерькамъ вспали они на малую тропинку, Шествуя оною нѣсколько, услышали они впереди большой шорохъ; опасаясь нападенія отъ воровъ, или дикихъ звѣрей, приготовились они къ оборонѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ выскочила къ нимъ собака, неслыханной величины, и какъ бы бѣшеная на нихъ бросилась. *Вадимъ* слыхалъ, что въ Сѣверныхъ странахъ разбойники почасту имѣютъ собакъ, помогающихъ имъ въ нападеніи; почему совѣтовалъ другу своему убить оную, прежде нежели хозяева ея по-

до-

доспѣютъ. Не было въ томъ затрудненія, и отъ нѣсколькихъ ударовъ собака пала мертвою. Они дожидались нѣсколько времяни другаго нападенія, но не видѣвъ никого, начали они осматривать въ той сторонѣ, откуда сія превеликая собака выскочила, и усмотрѣли малую древами закрытую хижину Подшедъ къ оной, нашли они глубокихъ лѣтъ старика, стоящаго на колѣнахъ въ смертельномъ ужасѣ; онъ просилъ ихъ о пощадѣ жизни его хотя до тѣхъ поръ, какъ окончитъ онъ свою молитву. *Вадимъ* и другъ его старались онаго увѣрять, что они не такого роду люди, отъ которыхъ бы могъ онъ ожидать себѣ озлобленія. Я не могу вамъ вѣрить, сказалъ старикъ, когда вы безъ жалости умертвили дѣтей, слугу и всѣхъ скотовъ моихъ. Слова его привели ихъ въ удивленіе; они подумали, что старикъ тотъ отъ древности своей въ умѣ помѣшался. Не считайте, сказалъ старикъ, примѣтивъ ихъ мнѣніе, слова мои сумасбродными: вы убили мою собаку, которая служила мнѣ вмѣсто дѣтей, слуги и домашней скотины; она носила мнѣ воду, дрова, ловила дичину оборонялa отъ лютыхъ звѣрей, коротко сказать, кормила и покоила лучше, нежели мои безбожныя дѣти. *Вадимъ* и другъ его оказывали великое сожалѣніе, что сверьхъ чаянія обидѣли сего пустынника; при чемъ спраши-

шивали у него, какая причина принудила его оставить человѣческое общество. — Я родился въ деревенькѣ, находящейся въ здѣшнемъ лѣсу, отъ одного угольника, и взросши упражнялся въ той же работѣ; по томъ женясь, имѣлъ семнатцать человѣкъ дѣтей. По кончинѣ родителей моихъ упражнялся я въ томъ же рукомеслѣ, и изъ возпитанныхъ мною дѣтей осталось только три сына, а прочіе померли обще съ женою моею. Неблагодарные сыновья мои, когда я ослабѣлъ и не могъ помогать имъ въ работѣ, сбили меня съ двора, давъ только въ помощники убитую вами собаку. Почти уже два года, какъ я обитаю въ семъ шалашѣ. Нѣсколько разъ покушался я возвратиться въ деревню, но безбожные сыновья мои запрещаютъ, грозя меня умертвить. Теперь я лишенъ и послѣдней помощи . . . . Посудите, господа добрые, объ моемъ состояніи. — Окончивъ повѣсть свою старикъ, воздохнулъ; жалостная участь его тронула *Вадима* и его друга. Они изъявляли сострадание свое, и предлагали ему постараться о покоѣ оставшихъ дней его, когда только согласится онъ переѣхать жить въ столичной городъ. Снизхожденіе ихъ обрадовало старика; онъ старался угостить ихъ суровою пищею, какая у него случилась, и обѣщался выпроводить ихъ на дорогу къ Митавѣ, куда согласенъ былъ за ними слѣдовать.

На

На другой день посадили они старика на свою лошадь, а сами пошли за его путеводительствомъ. Старикъ не однократно просилъ ихъ, чтобъ они не отдавали его во власть его дѣтямъ, кои, какъ достовѣрно, лишатъ его жизни, естьли они съ ними встрѣтятся. *Вадимъ* и *Бурновей* обнадеживали его, что онъ подъ ихъ охраненіемъ опасаться ничего не долженъ. Они разговаривали, шествуя, о неслыханной неблагодарности дѣтей сего нещастнаго; удивлялись, что Перунъ удерживаетъ громъ свой къ наказанію ихъ чудовищнаго злодѣянія: какъ вдругъ они увидѣли идущихъ на встрѣчу къ нимъ нѣсколькихъ угольниковъ. Старикъ поблѣднѣлъ и съ ужасомъ увѣдомлялъ своихъ охранителей, что трое изъ нихъ его сыновья, а прочіе внуки. Непотребные злодѣи сіи, узнавъ отца своего, окружили его съ своими топорами, и одинъ изъ нихъ закричалъ: кто тебѣ, старая собака, позволилъ противъ нашего запрещенія изъ твоей норы выползти? —— Мы! отвѣчали имъ раздраженные *Вадимъ* и *Бурновей*. Мы научимъ васъ вступаться въ чужія дѣла, вскричали злодѣи оные, напавши на нихъ съ своими топорами; однако мщеніе Небесъ посылало имъ казнь отъ руки *Вадима* и *Бурновея*: двое изъ нихъ упали отъ первыхъ ударовъ. Между тѣмъ третій изъ злодѣевъ всю ярость свою обра-

обратилъ на невиннаго отца своего, и раскололъ ему топоромъ голову, прежде нежели защитники его могли упредить то. Раздраженные богатыри исторгли въ ту же минуту мрачную его душу чрезъ тысячу ударовъ изъ окаяннаго его тѣла. Они жалѣли еще, что принялъ онъ столь легкую казнь за свое беззаконіе. Внуки нещастнаго старика, можетъ быть невинные въ порокѣ отцовъ своихъ, разбѣжались отъ страху. *Вадимъ* и другъ его, оплакавъ кончину нещастнаго, и проклявъ память отцеубійцъ въ троекратномъ призываніи страшнаго имяни Чернобогова, оставили плачевное оное мѣсто. Вскорѣ вышли они на дорогу, и слѣдуя оною, достигли великаго селенія, отстоявшаго отъ Митавы верстахъ почти во стѣ; такъ удалились они, заблуждая въ лѣсахъ. Ласковый обитатель того мѣста съ удовольствіемъ принялъ ихъ въ домъ свой, угостилъ и успокоилъ. Хотя мысли ихъ наполнены были примѣромъ безчеловѣчія могущаго случаться въ смертныхъ; хотя еще больше безпокоило ихъ воображеніе объ участи *Арпадовой*: но утомленіе принесло имъ сладостный сонъ. Еще не разсвѣтало, какъ безпокойныя движенія и тягостные вздохи спящаго *Вадима* пробудили друга его; оный желая освободить сего отъ мучащихъ сномечтаній, прервалъ сонъ его. Любезный

другъ! сказалъ онъ; горестныя воображенія простирались въ душѣ твоей и во время успокоенія твоего —— Увы, другъ мой! отвѣчалъ *Вадимъ*, воздохнувъ; никогда не видалъ я еще сна столько пріятнаго и столько мучительнаго. Духъ возлюбленной моей *Брячиславы*, представъ мнѣ, возхитилъ всѣ мои чувства; но когда обьятія мои къ ней стремились, оттолкнула она меня отъ себя съ гнѣвомъ, сказавъ: недостойной! удались; ты забывъ клятву о вѣчной ко мнѣ вѣрности, начинаешь искать новыхъ обязательствъ . . . . Въ сіе ужасное мгновеніе разбудилъ ты меня. *Бурновей* старался разогнать оставшуюся еще на лицѣ его печаль: ты видишь, что сонъ твой есть пустое мечтаніе (говорилъ онъ ему); мнѣ сердце твое извѣстно, и я увѣренъ, что никто, кромѣ *Брячиславы*, не занималъ онаго. *Вадимъ* слѣдовалъ самъ себѣ, и не находя себя виновнымъ предъ *Брячиславою*, началъ успокоиваться. Разговоры ихъ относились по томъ до разныхъ видовъ любви ихъ; *Бурновей* не имѣлъ причины огорчаться своею; новыя обнадеживанія со стороны *Озаны* раждали въ немъ лишь желанія съ нею видѣться. Однако обязанный своимъ честнымъ словомъ не оставлять друзей своихъ до окончанія ихъ нещастій, подвергался своей участи,

и

и терпѣливо сносилъ разлуку съ своею возлюбленною.

Оба друга заключили по томъ возвратиться въ Митаву; забота объ *Арпадѣ* не менѣе понуждала ихъ къ тому, какъ и благопристойность, чтобъ не оставить безъ принесенія благодарности за угощеніе Князю Сусоловъ. Въ семъ намѣреніи встали они, и начали одѣваться для возпріятія пути, какъ *Вадимъ*, взявшись за свое платье, увидѣлъ на ономъ лежащее письмо, съ слѣдующею надписью: *Непостоянному Вадиму*. Надпись и не незнакомый почеркъ руки привели его въ изумленіе; онъ схватилъ письмо, и не могши выговорить ни одного слова, показывалъ оное *Бурновею*. По томъ укрѣпясь, развернулъ письмо и читалъ содержаніе его: „Невѣрной *Вадимъ*! что сдѣлала тебѣ „злочастная *Брячислава*? Чемъ бы принудила тебя нарушить данныя ей клятвы? „Княжна страны сей красотою своею поколебала твое постоянство; ты за избавленіе оныя не пожалѣлъ отдать незнакомому перстень, коимъ обручился съ Княжною Дакскою. Толь явное презрѣніе принуждаетъ меня съ тобою разлучиться: по „обмѣненной саблѣ узнаешь ты, кто я, „дожидающійся тебя для смертнаго поединка въ Хомоградѣ, столицѣ Славянорусскаго „Князя.„ — Почеркъ руки сходствовалъ

весьма на *Брячиславинъ*, но *Вадимъ* утвержденный во мнѣніи, что уже ее нѣтъ на свѣтѣ, заключилъ, что пишетъ то къ нему *Арпадъ*, возпріявшій подозрѣніе къ обхожденію его съ Княжною Сусельскою. Онъ едва не лишился чувствъ; столько онъ пораженъ былъ несправедливостью друга своего! *Бурновей*, разсматривая почеркъ письма, подтверждалъ догадки *Вадимовы*, и говорилъ, что оный сходствуетъ на *Арпадовъ*. Такъ, любезной другъ! говорилъ онъ *Бурновею*; невинныя ласки мои къ Княжнѣ здѣшней страны произвели въ немъ подозрѣніе; но боги видятъ, что сердце мое въ томъ не участвовало. Онъ подумалъ, что я измѣнилъ покойной сестрѣ его, и чрезъ то разрываетъ со мною дружбу. Къ огорченію моему ты, любезной *Бурновей*, видишь, что не одна досада сопровождаетъ слова *Арпадовы*: любовь его превратилась въ смертельную ненависть; онъ зоветъ меня въ Хомоградъ, гдѣ долженъ я погибнуть, естьли не отъ его руки, такъ отъ гонящаго меня брата моего. Но какъ бы то ни было, честь влечетъ меня въ сію опасность! Дражайшій мой *Бурновей* свободенъ не вдаваться угрожающимъ мнѣ бѣдствіямъ, и можетъ возвратиться къ своей возлюбленной *Озанѣ*; что до меня, я нынѣжъ отправляюсь туда, куда призываетъ меня честь и гонящая

меня

меня судьбина. — *Бурновей* утѣшалъ огорченнаго своего друга, клялся ему вновь, что никогда его не оставитъ, и что никогда не можетъ подражать легкомыслію *Арпадову*. Оба друга сіи приготовляясь въ неожидаемый путь, разсуждали о своемъ приключеніи, и отчасу заблуждая во мнѣніяхъ, жалѣли о легковѣрности *Арпадовой*. Они заключили, что *Арпадъ*, взявъ неосновательное подозрѣніе, съ умыслу притворился больнымъ, чтобъ послѣ переодѣвшись въ другое платье примѣчать за поступками *Вадимовыми*. Сходство съ нимъ незнакомаго, коему онъ подарилъ въ замѣшательствѣ обручальной перстень, еще болѣе утверждало ихъ въ семъ мнѣніи. Они не сомнѣвались, что забота, кою оказалъ *Вадимъ* при опасности Княжны Сусольской, увѣрила его еще болѣе въ подозрѣніи. Горесть *Вадимова* была неописанна о потерѣ перстня, оставшагося ему единымъ залогомъ памяти возлюбленной его *Брячиславы*; но не чемъ уже было пособить. Они приготовили письма къ Сусольскому Князю, изъявляя въ оныхъ благодарность за угощеніе, и извиняясь нечаяннымъ случаемъ, принудившимъ ихъ оставить Дворъ его столь поспѣшно. *Вадимъ* увѣдомлялъ *Урмана* о своемъ злочастіи, призывающемъ его въ отечество, и предоставилъ на волю его благоразумію, слѣдо-

 ватъ

вать ли за нимъ въ толь опасное мѣсто, или ожидать извѣстія о участи его при дворѣ *Готфскомъ*; онъ просилъ его о неоставленіи малоразсуднаго *Простая*.

Въ разстроеніи своемъ забыли они о упоминаемомъ въ письмѣ обмѣнѣ сабель; но когда собрались они къ отъѣзду и взялись за свое оружіе, увидѣли, что сабли ихъ обѣ перемѣнены. Удивительно казалось имъ то, какимъ образомъ попало письмо къ нимъ въ горницу; но обмѣнъ оружія казался имъ совсѣмъ непонятенъ: надлежало *Арпаду* входить самому въ тотъ покой, гдѣ они спали. Они призвали хозяина, и разсказавъ ему о случившемся, спрашивали, не приходилъ ли кто въ домъ его послѣ того, какъ они заснули? Хозяинъ увѣдомлялъ ихъ, что въ поздные часы пріѣзжали къ нему два чужестранца въ полномъ вооруженіи, назвавшіе себя ихъ служителями: почему отъ него и впущены были; что до свѣту еще вставши, входили въ тотъ покой, гдѣ они спали и по томъ осѣдлавъ коней своихъ, не извѣстно куда уѣхали. *Вадимъ* по описанію хозяинову узналъ, что были то незнакомые, избавившіе его отъ медвѣдей, и не сомнѣвался, чтобъ одинъ изъ нихъ не былъ *Арпадъ*. Они не имѣли за чемъ медлить въ томъ мѣстѣ, и вручивъ хозяину заготовленныя письма, просили о доставленіи

оныхъ

оныхъ по надписямъ въ Митавѣ, и поблагодаря хозяина за угощеніе, предпріяли путь чрезъ Варягію. Они уповали достигнуть *Арпада*, которому необходимо надлежало слѣдовать въ Хомоградъ чрезъ страну сію, естьли только прямо отправился онъ въ то мѣсто, куда вызвалъ его для смертнаго поединка; и для того во всѣхъ мѣстахъ спрашивали о проѣзжающихъ рыцаряхъ. Развѣдыванія ихъ были небезудачны; вступая на границы Варяжскія, услышали они о недавно проѣхавшемъ богатырѣ, о коемъ по описанію вида и оружія заключили, что былъ то *Арпадъ*. — Поспѣшимъ, любезной другъ! сказалъ *Вадимъ Бурновею*; я, не взирая на несправедливый поступокъ со мною брата моей возлюбленной, остановлю его дружескими объятіями, и принужу жалѣть о томъ, что онъ обидѣлъ меня безвинно. Послѣ чего удвоили они ѣзду свою, и для поспѣшности перемѣняли коней, когда первые уставали; благодѣяніе Князя Полянскаго привело ихъ въ состояніе, что могли они дѣлать таковыя издержки.

Въ третій день усмотрѣли они вдали тихо ѣдущаго рыцаря, и не сомнѣвались, чтобъ не былъ то желаемый *Арпадъ*; они поскакали къ нему прямо. Рыцарь примѣтилъ то, оказалъ движеніями своими, что онъ опасается какой нибудь погони; но не хо-

хотя явить себя боязливымъ, приготовился къ оборонѣ, и ни мало не перемѣнилъ тихаго своего шествія. Когда они уже приближались къ нему, опустилъ онъ личникъ шелома своего, и обнаживъ саблю, поворотился къ нимъ и кричалъ: исполнители немилосердаго повелѣнія врага моего! вѣдайте, что жизнь моя достанется вамъ не дешево. *Вадимъ* не разслушавъ словъ его, бѣжалъ къ нему съ распростертыми руками, и кричалъ съ своей стороны: любезной другъ! ты вызываешь меня на смертной поединокъ въ столицу Славянорусскую, ты безъ всякой вины обратилъ дружество твое въ злѣйшую ко мнѣ ненависть: но я чистосердечными объятіями, вмѣсто оружія, принужу тебя раскаяться въ твоей несправедливости. —— А! измѣнники! отвѣчалъ рыцарь; такимъ-то коварнымъ образомъ хотите вы получить меня въ руки живаго . . . . . Сказавши то, замахнулся онъ на *Вадима*, и нанесъ бы оному смертельной ударъ, естьлибъ *Бурновей*, подскочивъ не подхватилъ онаго щитомъ своимъ. Остановись государь мой! вскричалъ онъ; мы всѣ находимся въ заблужденіи: мы не имѣемъ никакого до васъ дѣла, и токмо по ошибкѣ сочли васъ за *Арпада* Князя Дакскаго. Незнакомый опустилъ свою саблю, и разсматривая лица мнимыхъ своихъ непріятелей, позналъ ошибку

ку свою. Онъ извинялъ поступокъ свой, оправдывая оный нещастными обстоятельствами, принуждающими его быть во всечасной осторожности. Дальнѣйшія объяснения изгнали изъ мыслей его недовѣрчивость; они провѣдали отъ него, что путь его слѣдуетъ въ Славянорусію; а какъ и *Вадимъ* съ другомъ своимъ туда же, слѣдовалъ, то заключили они ѣхать вмѣстѣ. Онъ любопытенъ былъ вѣдать объ своихъ спутникахъ; въ чемъ *Вадимъ* и *Бурновей* сдѣлали ему удовольствіе. Послѣ таковой довѣренности *Семіръ* (такъ называли сего рыцаря) долженъ былъ взаимно удовлетворить желанію ихъ разсказаніемъ своего приключенія. --

Какъ въ сей вечеръ сказываніе продолжилось болѣе обыкновеннаго, то повѣсть *Семірова* отложена была до другаго дня.

ВЕЧЕРЪ XV.

Повѣсть Семіра, Королевича Казарскаго.

Хотя и называюсь я тѣмъ имянемъ, подъ которымъ извѣстенъ въ области *Казарской*; но собственно о себѣ, кто я таковъ, и кто мои родители, отнюдь

не вѣдаю. Благодѣянія возпитавшаго меня *Абрадата*, Короля Казарскаго, простирались ко мнѣ до того, что онъ называлъ меня своимъ сыномъ: почему и всѣ его подданные подъ тѣмъ званіемъ меня разумѣли и почитали. Онъ купилъ меня у *Бастарнскихъ* морскихъ разбойниковъ обще со многими невольниками, когда былъ я еще двухъ лѣтъ; не знаю, что во мнѣ ему понравилось, что онъ взялъ меня и возпиталъ вмѣсто сына, назвавъ меня *Семіромъ*. Когда я пришелъ въ возрастъ, въ коемъ уже размышлять могъ; не однократно сей мой высокій благодѣтель разсказывалъ мнѣ, что тѣ разбойники, у коихъ онъ меня купилъ, не сами меня въ плѣнъ взяли, а получили съ другимъ моимъ братомъ близнецомъ въ подарокъ отъ неизвѣстныхъ встрѣтившихся съ нами въ Пропонтѣ плавателей, съ тѣмъ уговоромъ, коимъ они клятвенно сами обязались подарившимъ насъ имъ, чтобъ меня назвать *Семіромъ* и затвердить мнѣ, когда я возрасту, о томъ, что есть у меня братъ, называемый *Нурсиномъ*. О семъ братѣ моемъ слышалъ я послѣ того, что оный находится въ неволѣ у жида, обитающаго въ столицѣ Персидской, Сузѣ. ---- Сіе напомнило *Вадиму* и *Бурновею* о великодушномъ невольникѣ, оставшемся въ рабствѣ за свободу *Арпадову*; но они не хотѣли прервать замѣчаніемъ своимъ повѣствованія *Семірова*.

Ко-

Король *Абрадатъ* имѣлъ у себя трехъ законныхъ сыновей; а я былъ сынъ его токмо изъ благосклонности. Сей Государь, можетъ быть, желая меня учинить со временемъ полезнымъ своему отечеству, или по другому какому намѣренію, прилагалъ о наученіи моемъ великое стараніе, и возложилъ оное на попеченіе первѣйшаго вельможи своего *Адолана*, мужа искуснаго и храбраго. Сей вельможа полюбилъ меня съ таковою нѣжностію, что я не зналъ различить, кому я за отеческую горячность болѣе одолженъ былъ, Государю ли самому, или *Адолану*. Въ продолженіи воспитанія моего сей вельможа, отлучаясь въ посольства, бралъ меня повсюду, и чрезъ то далъ мнѣ способъ узнать нравы различныхъ народовъ, состояніе ихъ силы, и научиться многимъ языкамъ. Мнѣ исполнилось уже дватцать лѣтъ, какъ Король послалъ *Адолана* для нѣкоторыхъ Государственныхъ дѣлъ въ Обры (*), съ которымъ и я отправился. Торговыя дѣла, приносящія взаимную пользу обоимъ симъ

(*) Обры обитали около Каспійскаго моря и по рѣкѣ Яику, нынѣ Ураломъ названной, и считались потомками Гунновъ, изшедшихъ отъ Китая, и населявшихъ Великую и Малую Россію; откуда вытѣснены Славянами. Обры были послѣ прочихъ изшедшій народъ Гуниской.

Государствамъ, были основанiемъ посольства сего. Мы приняты были съ великою честiю отъ Обрскаго Кагана (такъ называются Цари сего народа). У сего Кагана была дочь имянемъ *Арена*, совершенная красавица, славящаяся въ окрестныхъ странахъ какъ своими добродѣтелями, просвѣщенiемъ, такъ и особливымъ искусствомъ въ воинскихъ упражненiяхъ. Она умѣла править конемъ, какъ мущина, владѣть копьемъ и саблею, какъ богатырь, и лучшая забава ея была напускать почти ежедневно на лютыхъ звѣрей; она убивала ихъ на бѣгу своими стрѣлами: въ чемъ искуснѣйшiй *Болгаръ* уступить бы ей принужденъ былъ. Не можно, чтобъ я въ пламенномъ моемъ возрастѣ не заразился таковыми совершенствами. Я самъ не зналъ, что люблю прелестную *Арену*, и по невинности моей не умѣлъ различить жесточайшей страсти отъ дружества. Старанiя *Адолановы* учинили меня весьма искуснымъ во всѣхъ богатырскихъ упражненiяхъ; *Арена* брала меня съ собой почасту на ловитву, или принуждала спороваться въ богатырскихъ подвигахъ, почти ежедневно бывшихъ въ угодность ея предъ Дворцомъ. Я всегда старался уступить ей первенство; она примѣчала мои къ себѣ угожденiя, и ласками своими дала мнѣ узнать, что она меня другимъ предпочитаетъ. Сiе возрастило къ ней

любовь

любовь мою; я страдалъ отъ оной, не смѣя въ томъ предъ нею открыться.

Въ нѣкоторый день былъ на охотѣ самъ Государь Обрскій съ своею дочерью и со множествомъ придворныхъ своихъ; *Адоланъ* и я также приглашены были. Когда всѣ разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, я ни на шагъ не отлучался отъ *Арены*. Выгнанная сарна бѣжала мимо насъ, и мы оба за оною поскакали, желая показать другъ предъ другомъ удальство свое. Когда мы отъ послѣдовавшихъ за Княжною удалились, не хотѣлъ я дать ей выгодъ, и упредивъ на конѣ своемъ, старался показать ей искусство мое въ бросаніи коротким копьемъ. Я поразилъ онымъ сарну; но какъ рана досталась слабая, бѣжала оная еще. *Арена*, досадуя за преимущество мое надъ нею, хотѣла поправить оплошность свою, и пустя изъ лука вдругъ двѣ стрѣлы, убила одною звѣря, а другою прострѣлила мнѣ насквозь руку. Сколь ни болѣзненна была моя рана, но я не чувствовалъ оной отъ радости, увидѣвъ сожалѣніе обо мнѣ моей возлюбленной; пролитыя ею слезы относилъ я не къ простому состраданію. Боги! вы не могли послать на меня злѣйшаго бѣдствія, сказала она; рана, произведенная моею неосторожностью, стократъ для меня мучительнѣе, нежели бы сама я оную получила. --- Напрасно вы столь-

столько заботитесь, прекрасная Княжна, отвѣчалъ я ей; рана моя маловажна; но сколько превозходитъ оную находящаяся въ моемъ сердце! --- Я не могъ докончить, и страстными взорами старался ей болѣе объяснить о моихъ чувствованіяхъ. *Агена* поняла меня, и принявъ важной видъ, сказала: объяснись *Семіръ*; слова твои для меня странны. Ободренный тѣмъ и не взирая на важный видъ ея, открылъ я ей о жестокой моей къ ней страсти, вѣрно бывъ надеженъ, что исканіе мое отвергнуто не будетъ. Но сколько пораженъ былъ я слѣдующими ея словами! дерзость твоя *Семіръ*, принуждаетъ меня закраснѣться. Я почитала въ тебѣ только твою храбрость, но никогда не ожидала, чтобъ невинныя мои ласки могли довести тебя къ забвенію. Вѣдай, что я любовь презираю; оная ослабляетъ храбрость; и для сбереженія для тебя твоей, запрещаю я тебѣ отнынѣ появляться на глаза мои. —— Громъ не больше бы опровергъ меня; я лишась чувствъ, упалъ и не зналъ, что со мною происходило далѣе. Я опомнился уже въ томъ покоѣ, которой во Дворцѣ Кагановомъ отведенъ былъ для моего жительства; врачи, сколько ихъ было въ столицѣ, старались о моемъ возстановленіи. По перевязаніи раны моей и объявленіи оной неопасною, оставили они меня одного

съ

съ *Иоаномъ*, дворяниномъ Аварскимъ, находящимся въ особливой милости у Княжны. Сей дворянинъ сказалъ мнѣ: успокойтесь *Семіръ*; Княжна прислала меня къ вамъ съ прощеніемъ того проступка, въ которомъ можетъ быть вы считаете себя виновнымъ; она увѣряетъ васъ, что теперешнее состояніе ваше чувствительнѣе для нее, чемъ для самихъ васъ. Не могъ онъ принести мнѣ лучшаго бальсаму для моей раны; я вскочилъ на моей постелѣ, и обнимая *Иоана*, говорилъ: слова твои исцѣляютъ мою язву; но жизнь моя не меньше подвержена будетъ опасности до тѣхъ поръ, естьли я не увѣренъ буду изустнымъ прощеніемъ отъ Свѣтлѣйшей *Арены*. *Иоанъ* отшелъ, и я не ожидалъ, чтобъ великодушіе моей суровой побѣдительницы простиралось до таковаго снизхожденія, какое она мнѣ оказала. Когда уже всѣ во дворцѣ заснули, а я занимался моею страстью, увидѣлъ я вошедшую ко мнѣ *Арену* въ провожденіи *Иоана*. Есть ли вамъ легче? сказала она мнѣ, пришедшему внѣ себя отъ радости. Прощеніе проступка моего возвратило мнѣ прежнее мое здоровье, отвѣчалъ я, бросясь предъ нею на колѣна. Не думай дорогой мой *Семіръ*, говорила она по томъ, поцаловавъ меня, чтобъ суровой мой съ тобою поступокъ произходилъ отъ моей къ тебѣ ненависти; я признаюсь тебѣ, что люблю тебя больше всего на свѣтѣ: но взятыя мною

вила не позволяютъ тебѣ отъ сей любви ожидать никакихъ успѣховъ. Не хочу я питать страсть твою пустыми надеждами, и чрезъ то учиниться твоею мучительницею. Когда удовольствуешься тѣмъ, чтобъ ты любилъ меня, какъ сестру, прими въ залогъ сей перстень. Впрочемъ знай, что сердцемъ моимъ ни одинъ мущина на другихъ правахъ вѣчно владѣть не будетъ; важныя причины принудили меня предписать сей законъ себѣ. Избирай, принять ли сей перстень, или нѣтъ; я удалена отъ того, чтобъ тебя обманывать. ---- Слова ея не токмо облегчить болѣзнь мою, но думаю, чтобы и изъ мертвыхъ меня возкресить были въ состоянiи. Я протянулъ руку мою для принятiя перстня, бывъ увѣренъ, что всѣ препятствiя, кои она поставляетъ любви моей на моихъ желанiяхъ, произходятъ отъ пустыхъ предразсудковъ, кои пройдутъ со времянемъ, и что я изъ мысленной сестры получу нѣжную любовницу. *Арена* вздѣла мнѣ на руку перстень, и принявъ мой въ залогъ страннаго нашего условiя, поцаловала меня и ушла.

Радость и надежда, льстящая любви моей, учинили, что рана моя чрезъ пять дней затворилась и могъ я появляться при Дворѣ. Княжна взирала на меня уже другими глазами, и доставляя мнѣ способы свободнѣе видѣться съ собою, умножала ежечасно страсть мою. Я хранилъ уставъ, мнѣ отъ нея предписанный, и не упоминалъ ей

о любви, не назвавъ ее прежде сестрицею. Въ сїе время прибылъ ко Двору Обрскому Посолъ отъ Славянорускаго Князя, такжe какъ и мы, для заключенїя договору о торгахъ, которые Славянскому Князю желалось производить чрезъ страну Булгарскую по рѣкѣ Ателу, имѣющей начало свое въ странѣ его. *Адоланъ* и онъ частые имѣли переговоры съ *Каганомъ*; а я, предаваясь моей страсти, искалъ случаевъ быть съ прекрасною *Ареною*. Въ свитѣ Посла Славянскаго находился нѣкоторой дворянинъ, *Худояръ* (*) называемый: человѣкъ безобразной лицемъ и злаго нраву, впрочемъ неустрашимой воинъ. Сей дерзкой человѣкъ съ перваго взгляду влюбился въ Княжну *Арену*; онъ, замѣтивъ ласки ея ко мнѣ, и вольной мой къ ней доступъ, по грубости заключилъ, что и онъ также можетъ пользоваться ея благосклонностьми. Княжна по великодушїю упускала ему наглости, на

(*) Худояръ сей былъ славный разбойникъ, причинявшїй отечеству своему великое разоренїе. Въ послѣдствѣ сей повѣсти видимо будетъ, какъ онъ дошелъ до великой силы и погибъ по дѣламъ своимъ. Память его поднесь осталась между простымъ народомъ, который всѣ древнїя укрѣпленїя воинскїя называетъ Худояровыми городищами, и думаетъ, что въ каждомъ изъ оныхъ зарыты отъ него великїя сокровищи, охраняемыя чародѣйствомъ.

на которыя онъ дерзалъ; но я искалъ случая наказать его глупости. Въ нѣкоторый вечеръ, когда я съ Княжною прогуливался въ садахъ придворныхъ, *Худояръ* наполнился ревностію, дерзнулъ подбѣжать и сказать: мнѣ кажется, что очень непристойно такой высокой Княжнѣ по вечерамъ одной ходить съ такимъ же чужестранцемъ, какъ и я. *Арена* пришла въ крайній гнѣвъ, и хотѣла наказать его дерзость саблею, которую всегда при себѣ носила. Но я предъупредилъ ее, и схвативъ за мое оружіе, кричалъ ему: хотя нахалъ, подобный тебѣ, не заслуживаетъ сражаться съ честнымъ человѣкомъ; но я и не сражаться, но наказать тебя предпріемлю! — Слова мои раздражили сего злонравнаго Славянина; онъ бросился на меня съ обнаженною саблею, сказавъ *Аренѣ*: вѣдай Княжна, что я любя васъ, вступаю въ бой сей, и храбрость мою уровняю сердечной къ тебѣ страсти. -- Послѣдния слова его вывели меня изъ себя; я напалъ на него отчаянно. Но я имѣлъ дѣло съ человѣкомъ неискуснымъ въ биттвѣ, и не взирая на его смѣлость, далъ ему такую рану по рукѣ, отъ которой и сабля изъ рукъ его выпала. Шумъ, произшедшій отъ нашего сраженія, привлекъ многихъ, которые старались свѣдать о причинѣ нашего поединка. Безсовѣстный *Худоярь*, чего

го

го не могъ произвести своею саблею, дополнилъ то языкомъ; онъ сказалъ, будто бы засталъ меня съ Княжною въ непристойномъ дѣлѣ, и за это претерпѣлъ отъ меня нападеніе. Славянскій Посолъ, случившійся при томъ, увидѣвъ дерзость дворянина своего, долженъ былъ приказать взять его подъ стражу. Между тѣмъ я чрезъ *Адолана* представлялъ *Кагану* прозьбу, чтобъ позволилъ мнѣ оружіемъ доказать клевету злаго Славянина, и смертію отмстить за безчестіе, произнесенное имъ для Свѣтлѣйшей его дочери. Но *Каганъ* раздраженный болѣе, не хотѣлъ мнѣ позволить въ томъ; онъ требовалъ отъ Посла Славанорускаго, чтобъ *Худояръ* отосланъ былъ для наказанія ко Двору его Государя. Посолъ принужденъ былъ удовлетворить въ томъ сей высокой особѣ. *Худояръ*, видя, что не миновать ему смертной казни, нашелъ способъ къ побѣгу; онъ собравъ всякихъ бродягъ, и бѣглыхъ рабовъ, удалился въ лѣса Брынскіе, находящіеся въ странѣ Вятичей (*), и началъ дѣлать страшные разбои и убійства. Непроходимость лѣ-

(*) Лѣса Брынскіе назывались въ древности идущіе отъ Козельска къ Брянску и Польшѣ; Вятичи обитали около Верьховья Оки рѣки; не должно оныхъ смѣшивать съ Вятчанами, обитающими поднесь около рѣки Вятки.

совъ, въ коихъ имѣлъ онъ перемѣнныя свои жилища, учиняла всѣ поиски надъ нимъ отъ Воеводъ *Гардориковыхъ* тщетными; онъ набѣгалъ въ разныя части своего отечества, и обогащаясь грабежами, возвращался въ лѣса свои. Собранныя имъ великія сокровища, и опасность, что онъ когда нибудь, впадши въ руки Правосудія, долженъ будетъ заплатить головою за свои злодѣянія, родили въ немъ дервостные замыслы искать короны и свергнуть съ престола свого Монарха. Не было ему труда собрать великое войско: сосѣдство Торковъ и Печенѣговъ, народовъ, кочующихъ и готовыхъ всякому служить изъ найму, споспѣшествовало злому его намѣренію, приключившему опасную войну *Гардорику*, какъ вскорѣ о томъ упомянуто будетъ.

Добродѣтели Княжны Обрской отводили отъ особы ея, слѣдственно и отъ меня, всякое подозрѣніе; я не лишился свободнаго входу во всѣ мѣста Дворца *Каганова*, какъ и прежде. Опыты привязанности моей умножали ко мнѣ благосклонность моей возлюбленной. Однако я еще ни шагу далѣе не подвинулся въ чаяніяхъ моей надежды: *Арена* умѣла меня содержать, такъ что я никогда не осмѣливался упомянуть ей о бракѣ. Между тѣмъ *Адоланъ* совершилъ дѣла свои; повелѣнія нашего Государя отзывали насъ въ Козары. Сколь ни тягостно было серд-

сердцу моему, но принужденъ я разлучиться съ моею возлюбленною; и естьли утѣшало меня что въ моей тогдашней печали, было то клятвенное обѣщаніе отъ *Арены*, что она ни за кѣмъ въ супружествѣ не будетъ. Сколь ни слабо было таковое обнадеживаніе; ибо зналъ я, что дочери Монарховъ всегда бываютъ жертвою пользъ своего отечества, и что въ таковыхъ случаяхъ союзы не учреждаются по ихъ страсти: однако повезъ я съ собою отраду, и полагался на увѣренія моей возлюбленной.

Адоланъ, котораго я любилъ, какъ отца, и отъ котораго былъ любимъ больше сына, вскорѣ учинился повѣренными моей страсти; сей мудрый мужъ, усматривая безполезность огня моего, старался всѣми силами отвратить меня отъ сего заблужденія: но видя, что я весьма ослѣпленъ, оставилъ времяни подѣйствовать надъ моимъ разсудкомъ. Мы прибыли къ *Абрадату*, которой по милостивомъ принятіи учинилъ меня, какъ уже достигшаго совершеннаго возраста, богатыремъ. Я получилъ отъ него три обыкновенные удара мечемъ, военной поясъ и свободу, странствуя по свѣту, искать славы и щастія. Любочестіе мое немедленно изгнало бы меня отъ Двора моего благодѣтеля; безъ сомнѣнія обратился бы я не въ иную страну прославлять-

ся подвигами, кромѣ Обрской: но болѣзнь, нечаянно мнѣ приключившаяся, пресѣкла всѣ мои намѣренія; я пролежалъ оною больше году. —— Уже началъ было я получать облегченіе отъ оной, какъ печальное извѣстіе возвратило ее съ величайшею и едва не лишившею меня жизни жестокостію. *Иоанъ*, повѣренный моей возлюбленной *Арены*, привезъ мнѣ отъ нее пи ьмо, и слѣдующее огорчительное извѣстіе: Разбойникъ *Худояръ*, какъ выше сказано, возгордясь успѣхами своихъ злодѣйствъ, дерзнулъ помышлять о престолѣ Славянорусскомъ. Онъ, нанявъ Печенѣговъ, Торковъ и Половцевъ, обитавшихъ къ горамъ Кавказскимъ, получилъ страшное войско, которое пріумножась всякими бродягами, и недовольными изъ народовъ, покоренныхъ предками *Гардориковыми*, довольно было противу стать силамъ Славянорусскаго Государя. Сей разбойникъ побралъ многіе города, и поразивъ нѣкоторые отряды войскъ *Гардориковыхъ*, завладѣлъ всею страною Вятичевъ. Между тѣмъ, какъ онъ стараясь возмущать во всѣхъ частяхъ владѣнія своего Государя, умножилъ свои силы и готовился дать рѣшительное сраженіе, любовь его къ прекрасной *Аренѣ* въ сердцѣ его возобновилась; гордость его представляла ему, что онъ уже можетъ требовать оную въ супружество себѣ у ея родителя. Въ таковомъ намѣреніи отправилъ

онъ

онъ Пословъ къ *Кагану*, назвался Государемъ, и требовалъ дочь его себѣ въ жену съ нѣсколькими тысячами помощнаго войска, для утвержденія его на Славянорусскомъ престолѣ. *Каганъ*, недовольный нѣкоторыми поступками противу себя отъ *Гардорика*, охотно принялъ сіе предложеніе, и по наступленіи весны обѣщалъ отправить къ нему дочь свою съ тритцатью тысячами конныхъ Обровъ. *Ноанъ* привязанный ко мнѣ сильнѣйшимъ дружествомъ, не скрылъ отъ меня, что *Арена* безъ ужасу выслушала о сей участи своей, и безъ сопротивленія подверглась волѣ своего родителя. Письмо ея ко мнѣ содержало слѣдующее: „Любезный „*Семіръ*! участь моя принуждаетъ меня „покориться волѣ моего родителя, пред„положившаго бракъ мой съ бунтовщикомъ „Славянскимъ. Хотя не нарушаю я чрезъ то „клятвъ моихъ въ сестринской любви „къ тебѣ, но ожидаю твоей помощи для „избавленія отъ ненавистнаго моего жени„ха. Благодѣтель твой *Абрадатъ* не отка„жетъ тебѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ сво„ихъ воиновъ, съ коими удобно можешь ты „исхитить меня изъ рукъ моего непріятеля; „въ семъ намѣреніи посылается *Ноанъ* отъ „твоей *Арены*.„ —— Не зналъ я, какъ сообразить содержаніе письма сего съ равнодушною покорностію ея волѣ родительской. Могъ

бы я почесть то насмѣшкою ея, и что мнимые уставы, себѣ ею предписанные, произходили отъ неравенства моего съ ея состоянiемъ; но любовь вступалась за нее жестоко въ моемъ сердцѣ, и не произвела инаго, кромѣ отчаянiя, возобновившаго болѣзнь мою. *Адоланъ*, единый другъ мой и участникъ всѣхъ моихъ тайнъ, узнавши причину, возобновившую болѣзнь мою, ободрялъ меня милостьми ко мнѣ *Абрадатовыми*; не сомнѣвайся, говорилъ онъ, чтобъ Государь нашъ отказалъ тебѣ въ сей помощи. Милости его къ тебѣ отеческiя, но и сверьхъ того сосѣдство съ *Гардорикомъ* принуждаетъ его желать пользы больше сему законному Государю, нежели бунтовщику и разбойнику. Онъ обѣщался стараться о томъ, и оставилъ меня въ надеждѣ, облегчившей болѣзнь мою.

На другой день увидѣлъ я очень рано входящаго ко мнѣ сего друга моего. Надлежитъ тебѣ скорѣе выздоравливать, сказалъ онъ мнѣ; ибо отъ тебя зависитъ слѣдовать съ дватцатью тысячами войска, которое благодѣтель твой вручаетъ твоему предводительству для освобожденiя *Арены*. Но какъ (продолжалъ онъ) прежде весны нѣтъ никакой еще нужды поспѣшать тебѣ съ симъ войскомъ, *Абратадъ* требуетъ отъ тебя между тѣмъ нѣкоторой услуги. Какой? спросилъ я въ несказанномъ восхищенiи. Чтобъ ты съѣздилъ со мною ко Двору

Готф-

Готфскому для нѣкоторыхъ важныхъ пользъ Государственныхъ. Могъ ли я въ чемъ не отъ всего усердія повиноваться таковому моему благодѣтелю? Здоровье мое непримѣтно возвращалось, и чрезъ нѣсколько дней готовъ я былъ къ отъѣзду. Я простился съ *Абрадатомъ*, изъявя чувствительно призманіе мое за его милости, и взявъ съ собою *Ноана*, отправился въ путь при *Адоланѣ*. Хотя поздная осень не соотвѣтствовала намѣренію *Адоланову* шествовать водою, но Ясская область, завоеванная недавно Римлянами, и великіе разбои въ земляхъ Дряговичевъ и къ предѣламъ Варягіи, чрезъ кои бы намъ слѣдовать надлежало, принудили его избрать путь чрезъ страну Бужанъ и Полянію до вольнаго города Гедана (*), гдѣ онъ хотѣлъ сѣсть на корабль и плыть до Херсонеса Кимврическаго. Я взялъ съ собою *Ноана* въ тѣхъ мысляхъ, что естьли обстоятельства Государственныя задержатъ меня при Дворѣ Готфскомъ, отправить онаго съ письмомъ къ Королю Козарскому для изпрошенія обѣщаннаго войска, къ коему намѣренъ былъ я присоединиться, проѣхавъ прямо изъ Готіи. Любовь дѣлала меня на всякой случай осторожнымъ; я заготовилъ грамоту сію къ *Абрадату*, и вручивъ оную *Ноану*, говорилъ, что естьли какія

(*) Древнее названіе города Гданска.

кія непредвидѣнныя обстоятельства разлучатъ меня съ нимъ, чтобъ онъ по приближеніи весны ѣхалъ съ оною къ Королю Козарскому, и взявъ войско, велъ оное противу моего злодѣя. Естьли буду я живъ, продолжалъ я къ нему, *Иоанъ* увидитъ меня присоединенна къ себѣ; но естьли и смерть прекратитъ мои надежды, по крайней мѣрѣ онъ будетъ полезенъ моей возлюбленной. Было то въ самомъ дѣлѣ внушеніе нещастнаго предчувствованія послѣдовавшаго со мною приключенія. Мы благополучно прибыли въ Геданъ, и сѣвъ на корабль, идущій къ берегамъ Кимврическимъ, поплыли. По четырехдневномъ плаваніи, поднялся противный вѣтръ, премѣнившійся по томъ въ бурю. Во время онаго сорвало съ меня шапку, и бросило въ море. Потеря сія привела меня въ отчаяніе; ибо подъ подкладкою сей шапки зашитъ былъ перстень, подаренный мнѣ отъ моей возлюбленной *Арсны*. Я не помышлялъ о своей опасности, но только о сохраненіи драгоцѣнной мнѣ вещи, и удидѣвъ лодку, привязанную къ кораблю, вскочилъ въ оную и поплылъ. Опасность, которой я предалъ себя, донесена моему другу *Адолану*; онъ выскочилъ на палубу, кричалъ мнѣ, чтобъ я возвратился, и изображалъ опасность, которой я предаюся; но тщетно: я не слыхалъ и не видалъ, опричь шап-

шапки, которую носило вЪ виду предо мною волнами. ОнЪ приказалЪ спустить вѣстовое судно, и послать мнѣ на помощь; но буря противилась усиліямЪ гребцовЪ. ЧрезЪ два часа достигЪ я сЪ превеликимЪ трудомЪ до моей шапки, и сЪ великою радостію схватилЪ оную; но опомнившись тогда, потерялЪ я корабль изЪ виду. Умножающаяся буря понесла меня кЪ Западной сторонѣ, какЪ я чаялЪ; но вЪ самомЪ дѣлѣ не можно было того примѣтить вЪ страхѣ, какЪ ожидаемо, тогда меня объявшемЪ. ОстатокЪ дня и всю ночь провелЪ я между жизни и смерти, и не знаю, какимЪ чудомЪ не опрокинуло столь малаго судна великими волнами. СЪ разсвѣтомЪ началЪ было я получать надежду кЪ моему спасенію, потому что представился вдали берегЪ, кЪ которому несло меня; но все ожиданіе кончилось отЪ единаго удара волнЪ, которымЪ разбило вЪ щепы лодку мою о камень. Я плылЪ сЪ трудомЪ нѣсколько саженЪ вЪ разсужденіи тягчащаго меня панцыря, какЪ попался мнѣ небольшой отломокЪ лодки моей, облегчившій мое плаваніе. Но наконецЪ борясь сЪ бросающими меня волнами, потерялЪ силы и лишился чувствЪ.

Опомнясь изЪ моего великаго и нѣсколько часовЪ продолжившагося обморока, кЪ изумленію моему увидѣлЪ я себя вЪ изрядно

 при-

прибранномъ покоѣ, лежащаго на постелѣ и окруженна нѣсколькими госпожами. — —

Въ сей вечеръ сказыванїе останавилось; за тѣмъ, что опредѣленные для онаго часы кончились. *Изборъ*, находя удовольствїе въ повѣсти *Семїровой*, приказалъ Сказывалъщику начать оное на другой день ранѣе обыкновеннаго времяни.

ВЕЧЕРЪ XVI.

Продолженїе Семїровой повѣсти.

Пришедъ въ себя, продолжалъ *Семїръ*, первое мое слово составляло вопросъ: гдѣ я? Въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣчали мнѣ. Но кому я долженъ за избавленїе мое отъ потопленїя? продолжалъ я. Богамъ и щастїю, а потомъ мнѣ, отвѣчала на оное госпожа, получше прочихъ одѣтая. Безъ сомнѣнїя вамъ, подхватилъ я, вставая съ моей постели, и принося ей должную за оное благодарность. Вы не имѣете причины за оное благодарить меня, сказала она; нещастїе мое нечаянно привело меня къ тому мѣсту, гдѣ увидѣла васъ борющагося съ смертью на отломкѣ вашего разбитаго судна, и поданная вамъ помощь,

мощь, есть долгъ человѣчества. Я возобновилъ мою благодарность, и увѣрялъ ее, что готовъ не пощадить моей крови для услугъ ея, ежели то будетъ для нее полезно. — Я надѣюсь того, подхватила госпожа оная; самое Небо приводитъ васъ отмстить за меня одному вѣроломному человѣку. Однако я, удостовѣрясь теперь въ безопасности вашего здоровья, желаю, чтобъ оное подкрѣпилось покоемъ. Послѣ сего она меня оставила.

На другой день освѣдомился отъ служителя, находившагося при мнѣ, что я нахожусь въ области Фенновъ (*): слѣдственно не въ дальности отъ Готіи, куда и намѣрился отъѣхать для присоединенія къ *Адолану*, какъ скоро исполню требованіе моей избавительницы, о коемъ она упомянула. Немедленно одѣлся я, и велѣлъ о себѣ доложить госпожѣ дому. Какъ ни важны обстоятельства, сказалъ я ей, принуждающія меня явиться ко Двору Готфскому, но благодарность обязываетъ меня исполнить ваши желанія, о коихъ вчерась напомянули, и я ожидаю вашего повелѣнія. — Признаюсь, государь мой, отвѣчала она, что мнѣ непристойно бы было, избавивъ васъ отъ одной опа-

---

(*) Фенны обитали въ Финляндіи, отъ которыхъ и названіе Земля сія получила.

опасности, повергать въ другую; но примѣчаемая мною отважность ваша ободряетъ меня, что вы совершите сей подвигъ къ вашей славѣ, и защитите честь обиженной дѣвицы. Но чтобъ вы лучше узнали, какого рода услуги я отъ васъ требую, открою вамъ мое нещастное и ужасное приключеніе. Должно мнѣ собрать всю твердость къ повѣствованію моего стыда и злыхъ дѣлъ, произшедшихъ отъ моего безразсудства. Она приказала всѣмъ служителемъ своимъ удалиться, и оставшись на единѣ со мною начала слѣдующее:

Поколѣніе рода моего происходитъ отъ *Полина*, побочнаго сына *Доброславова*, бывшаго Княземъ въ Кривичахъ. По смерти *Доброславовой* предокъ мой имѣлъ надежду препроводить вѣкъ свой при Дворѣ его сына, любившаго его побратски; но когда Славянорусссы завладѣли сею страною, побѣдивъ сына *Доброславова* на сраженіи, въ коемъ онъ лишился жизни: предокъ мой удалился въ страну сію, и купивъ замокъ, въ которомъ я обитаю, жилъ въ немъ и оставилъ въ наслѣдство моему дѣду. Отецъ мой имѣлъ двухъ дѣтей: меня, и брата моего, лишившагося жизни въ цвѣтущемъ возрастѣ. Находился онъ въ услуженіи при Дворѣ Государя Полянскаго, и по нѣкоторой ссорѣ убитъ на поединкѣ отъ дворянина страны той, *Ранковскимъ* прозывающагося.

Ран-

Ранковскій послѣ сего убійства принужденъ былъ самъ бѣгствомъ спасаться; онъ явился къ моему родителю и объявилъ ему о смерти брата моего, отъ него случившейся, извиняя себя тѣмъ, что приключилъ оную, защищая самъ жизнь свою отъ его нападенія. Онъ просилъ у отца моего прощенія, и предлагалъ въ примиреніе самъ себя ему въ сыновья чрезъ женидьбу на мнѣ. Однако родитель мой и слышать того не хотѣлъ, чтобъ убійца сына его учинился ему зятемъ; онъ выслалъ его изъ дому своего, и запретилъ въ оный появляться. *Ранковскій*, оставивъ замокъ нашъ, остановился въ ближней деревнѣ; мнѣ случилось чрезъ нѣсколько дней съ грусти выѣхать прогуляться въ рощу, не подалеку отъ замку нашего находившуюся. *Ранковскій*, какъ надобно думать искавшій случая переговорить со мною, пріѣхалъ ко мнѣ одѣтый въ драгоцѣнную броню, и подшедъ съ учтивостію, открылъ о жестокости ко мнѣ его страсти. Видъ сего молодаго человѣка давно уже предубѣдилъ сердце мое въ его пользу; краснорѣчіе его легко возторжествовало надъ нѣкоторыми предразсудками; и словомъ сказать, что при первомъ семъ переговорѣ я открылась во взаимной любви къ нему. Мы дали другъ другу клятву въ вѣчной вѣрности, и положили стараться

чрезъ

чрезъ бракъ увѣнчать наши желанія. Между тѣмъ тайна наша не могла долго скрыться отъ моего родителя; онъ сдѣлавъ мнѣ жесточайшій выговоръ, строго подтвердилъ выкинуть изъ головы таковыя глупыя мысли. Страсть моя только умножилась отъ препятствія; я выдумывала тысячу средствъ видѣться съ моимъ возлюбленнымъ: но всѣ оныя были неудачны. Осторожный родитель мой препоручилъ вѣрнымъ людямъ надсматривать за мною такъ строго, что я почти подъ стражею находилась и умирала съ печали, не имѣвъ средства увидѣться и переговорить съ моимъ возлюбленнымъ. Въ одинъ день, когда сидѣла я подъ окномъ углубясь въ размышленія, увидѣла я среди двора нашего одну старушку, носящую разныя травы и коренье. Дѣвки мои сказывали мнѣ, что старушка эта ворожея, и что травы ея имѣютъ великую силу отъ всякихъ болѣзней, а нѣкоторыя и отъ печали. Я полюбопытствовала поговорить съ сею ворожеею, и велѣла оную позвать къ себѣ. Слова ея привели меня въ великое удивленіе, когда она описала мнѣ о скрытыхъ чувствованіяхъ моего сердца. Она подала мнѣ пучокъ травы, приказавъ оную на единѣ нюхать, и обнадеживъ, что найду я въ немъ вѣрное облегченіе отъ моей печали. Я приняла пучокъ сей токмо изъ любопытства, и от-

отнюдь не думала нюхать оную, опасаясь, чтобъ въ самомъ дѣлѣ то не истребило столько пріятной для меня склонности къ моему любовнику. Но удивленіе мое обратилось въ великую радость, когда я вышедъ въ мою спальню, и начавъ разсматривать пучокъ, увидѣла въ немъ письмо отъ Ранковскаго. Онъ увѣдомлялъ меня о мученіи своемъ, которое причиняетъ ему разлука со мною; извинялъ себя въ выдумкѣ, которую внушила ему любовь; и просилъ, чтобъ я возпользовавшись тѣмъ, употребила способъ сей для переписки, приносящей намъ взаимную отраду. Немедленно отписала я къ нему отвѣтъ: обнадеживала его въ ономъ о постоянной моей любви къ нему; похваляла его за выдумку; описала строгость моего родителя, пресѣкшую всѣ способы къ свиданію съ нимъ; и наконецъ возлагала на его остроуміе выдумать средство къ нашему соединенію, обѣщаясь согласиться на всякое его предложеніе. —— Отвѣтъ сей завернула я опять въ тотъ же пучокъ травъ, и возвративъ оный старухѣ, сказала, что эта трава для нее ненужна, и просила, чтобъ она принесла другой отъ головной боли. Проворная старуха поняла, чего я желаю; она не преминула на другой день принести новой травы. Таковымъ образомъ вела я переписку съ моимъ любовникомъ;

оный увѣдомлялъ меня, что всѣ его выдумки кажутся ему безполезными и неудобными къ произведенію въ дѣйство; что и самое бѣгство не можетъ быть безопасно для человѣка, которой оставилъ свое отечество, опасаясь наказанія; и что трудно обмануть бдѣніе слугъ вѣрныхъ отцу моему. Онъ предложилъ мнѣ напослѣдокъ средство ужасное, сбыть съ рукъ всѣхъ препятствующихъ нашему соединенію. Прислалъ онъ мнѣ бумажку съ жестокимъ ядомъ, и совѣтовалъ не щадить никого. Таковымъ образомъ, примолвилъ онъ, учинитесь вы госпожею своего дому, и никто препятствовать намъ уже не можетъ. Сколько ни страшно было и помыслить о произведеніи въ дѣйствіе его совѣтовъ, ибо первой предметъ былъ мой родитель, а потомъ лучшіе изъ служителей, коихъ имѣла я причину опасаться: но нещастная любовь до того ослѣпила меня, что я учинилась безбожнѣйшею изъ смертныхъ, и произвела неслыханное злодѣяніе. Всѣ женщины дому нашего были на моей сторонѣ; а особливо кухарка, какъ сестра моей комнатной дѣвки, облегчила произведеніе въ дѣйство мерзостнаго моего предпріятія. Наполненное отравою кушанье повергло въ гробъ вопервыхъ моего родителя, а потомъ и всѣхъ слугъ, кои питались остатками стола нашего. Не

могу

могу я описать ужасъ души моей, когда была я зрительницею погибающихъ одинъ за другимъ столько невинныхъ людей отъ руки моей; и естьли перенесла я таковое позорище, не наказавъ себя собственными руками, надлежало, чтобъ самъ адъ подкрѣплялъ меня. Я ощущаю несказанное мученіе въ душѣ моей, проклинаю себя и соблазнителя моего; но ахъ! въ тожъ самое время люблю его больше моей жизни. — Трепетъ объялъ меня, продолжалъ *Семіръ*, при слушаніи повѣствованія сей безчеловѣчной любовницы; но я изъ благопристойности не могъ прервать повѣствованія, и принужденъ былъ слушать окончаніе онаго. — По совершеніи сего, говорила *Даблиса* (имя сей дѣвицы), увѣдомила я моего любовника, и призывала его въ мой замокъ для принятія онаго съ моею рукою въ свое повелѣніе, но *Ранковскій* изумилъ меня отвѣтомъ, въ которомъ отлагалъ желаніе мое на цѣлую недѣлю, объясняясь, что будто бы благопристойность требуетъ препровести мнѣ время сіе въ оплакиваніи смерти моего родителя. Онъ увѣдомлялъ меня притомъ, что по истеченіи сего времяни самъ онъ безъ зову явится совершить со мною бракъ. Приведенная въ нетерпѣливость, посылала я къ нему многихъ съ письмами, но не получила на оныя отвѣту, и посланные мои

сказывали, что слуги его не допускали оныхъ, сговариваясь болѣзнію своего господина. Все то казалось мнѣ непонятно, и желая удостовѣриться въ судьбѣ моей, поѣхала я сама въ ту деревню, гдѣ онъ жилъ; но сколько ужаснулась, узнавши, что онъ давно уже уѣхалъ не извѣстно куда. Между тѣмъ прошло двѣ недѣли, что я не имѣла ни малѣйшаго объ немъ извѣстія. Время сіе удостовѣривъ меня о непостоянствѣ моего любовника, повергло меня въ отчаяніе. Я проклинала нещастную страсть и ослѣпленіе мое, учинившія меня мерзостью предъ богами и смертными. Къ дополненію всего Ранковскій, отозвавшись о себѣ чрезъ присланнаго ко мнѣ слугу, подтвердилъ презрѣніе свое слѣдующею надо мною насмѣшкою: онъ вызывалъ меня на свиданіе съ собою, назначивая мѣсто, въ десяти верстахъ отсюда находящееся, представляя въ оправданіе сего требованія своего слухъ разнесшійся о томъ, что тайна ихъ открылась, и что за тѣмъ опасается онъ появиться въ моемъ замкѣ. Упомянулъ онъ притомъ, что сіе самое принудило его перемѣнить мѣсто его жилища, не сказавшись мнѣ о томъ. Всѣ слова его казались мнѣ вѣроятны; я обвиняла сама себя въ несправедливомъ на любовника моего подозрѣніи, и немедленно поѣхала къ нему на свиданіе: но ждавши

его

его цѣлой день тщетно, узнала, что онъ ругается надо мною; а по тому заключила, что вся страсть его ко мнѣ была только выдумкою прикрытое мщеніе, изъ ненависти къ нашему дому. Любовь моя превратилась въ непримиримую къ нему злобу, и я заклялась отмстить ему жесточайшимъ образомъ. Но какая къ тому была надежда слабой дѣвицѣ? Однако боги представили мнѣ случай найти защитника обиженной моей чести: я, возвращаясь изъ сего свиданія, имѣла щастіе спасти васъ отъ потопленія, и не сомнѣваюсь, чтобъ изъ благодарности отказали вы принудить моего измѣнника или сдержать данное мнѣ слово, или заплатить жизнію за его вѣроломство. — Но какое средство, сказалъ я ей, сыскать мнѣ *Ранковскаго*? Безъ сомнѣнія онъ оставилъ уже здѣшнюю страну. — Нѣтъ, подхватила *Дабалиса*; онъ долженъ быть здѣсь, потому что вчерась и нынѣ видѣли слугу его, проѣзжавшаго мимо замку. Я опасаюсь, чтобъ не заключало то коковаго нибудь злоумышленія, и заклинаю васъ богами не оставлять меня нещастную въ толь крайнемъ состояніи. Послѣ сего начала она проливать потоки слезъ, проклинала дни свои, и бѣдственную страсть, доведшую ее до беззаконнѣйшаго дѣла, и представилась мнѣ въ столь жалостномъ положеніи, что я при-

 нуж-

нужденъ былъ дать ей честное слово, не оставлять дому ея до тѣхъ поръ, пока либо принужу *Ранковскаго* исполнить ея волю, или пройдетъ подозрѣваемая ею опасность.

Вскорѣ началъ я жалѣть о данномъ ей мною словѣ; ибо когда разсудилъ, *Дабалиса* представлялась мнѣ омерзенія достойною и незаслуживающею никакого сожалѣнія женщиною. Хотя была она моя избавительница, хотя благодарность понуждала меня заслужить ей то: но съ другой стороны я гнушался тѣмъ, что обязанъ былъ отцеубійцѣ. Самая страсть ея къ *Ранковскому* являла въ себѣ нѣчто звѣрское; она ненавидѣла его, желала смерти ему, и опять чувствовала возобновленіе любви съ каждою появляющеюся въ мысляхъ ея надеждою. Многократно покушался я бѣжать изъ оскверненнаго ея замка; а особливо когда воображалъ, что всякое промедленіе отнимаетъ время, въ которое могъ бы я стараться о защищеніи возлюбленной моей *Арены*: но съ другой стороны *Ранковскій* представлялся мнѣ наказанія достойнымъ, соблазнителемъ слабой женщины, и виновникомъ ея преступленія. Уставы богатырскіе обязывали меня отмстить ему, и защитить честь дѣвицы, сколько ни порочной, но при всемъ томъ моей избавительницы. Провелъ я уже не-

недѣли съ двѣ въ замкѣ *Дабалисы*, въ которое время усмотрѣлъ я, что нѣтъ мнѣ способа и тайно отлучиться изъ онаго: ночью запирали тѣ комнаты, въ коихъ я спалъ; а днемъ она почти изъ глазъ меня не выпускала. Къ досадѣ моей примѣтилъ я, что взоры ея доказывали мнѣ желаніе, сколь охотно согласилась бы она замѣнить мною потерю *Ранковскаго*. Таковое открытіе умножало мое къ ней отвращеніе, какъ къ особѣ непостоянной и готовой впадать изъ страсти въ страсть. Можетъ быть я нашелъ бы способъ избавить себя изъ замку ея, въ коемъ находился подъ честнымъ карауломъ, когда бы случай не освободилъ меня отъ нее, не нарушая даннаго ей слова. Въ одно утро явился слуга *Ранковскаго*, которой по многихъ извиненіяхъ, весьма несходныхъ на правду, просилъ ее отъ имяни своего господина на свиданіе въ прежде назначенное мѣсто, гдѣ онъ ее уже дожидается. *Дабалиса* въ одно мгновеніе ока почувствовала всю прежнюю страсть возвратившеюся въ грудь ея; однакожъ опасалась она ѣхать къ нему, естьли бы я не ободрилъ ее, сказавъ, что при мнѣ можетъ она надѣяться, что всѣ покушенія ея любовника будутъ недѣйствительны. Вамъ слѣдуетъ только снабдить меня вооруженіемъ и доброю лошадью, примолвилъ я ей. Обрадован-

ная *Дабалиса* приказала тотчасЪ запрячь для себя колесницу; а меня повела вЪ оружейную палату отца своего, гдѢ я снабдилЪ себя наилучшимЪ вооруженіемЪ, и получилЪ по томЪ сЪ полнымЪ богатырскимЪ снарядомЪ коня. Когда я скинулЪ мою повредившуюся отЪ воды броню, и надѢвЪ новую, приготовился слѢдовать за *Дабалисою*: поѢхала она вЪ своей колесницѢ, вручивЪ мнѢ на сохраненіе коробочку сЪ дорогими камнями, и сказавЪ, что вЪ случаѢ нещастнаго сЪ нею приключенія, могу я симЪ сокровищемЪ ея разполагать по моей волѢ; я слѢдовалЪ близь колесницы ея, какЪ охранитель. Мы не отъѢхали болѢе четырехЪ верстЪ отЪ ея замку, какЪ вдали показалось намЪ трое верьховыхЪ, встрѢчу кЪ намЪ ѢдущихЪ. *Дабалиса* по золотымЪ латамЪ и вороному коню узнала, что одинЪ изЪ сихЪ былЪ любовникЪ ея *Ранковскій*; она узнавЪ его приказала возницѢ своему остановиться. *Ранковскій* такЪ же остановился, и послалЪ слугу освѢдомиться. Слуга сей прискакавЪ, и узнавЪ *Дабалису*, соскочилЪ сЪ лошади, сталЪ на колѢни и говорилЪ ей: ахЪ, милостивая государыня! я примѢчаю изЪ лица вашего гнѢвЪ на невиннаго моего господина; онЪ обманулЪ васЪ противу своей воли. ПослѢ сего разсказывалЪ онЪ, что во время выѢзду на оное свиданіе, поиманЪ былЪ онЪ разбойниками,

ко-

которые продержали его до вчерашняго дня. Онъ разсказывалъ это съ таковымъ правдоподобіемъ, что *Дабалиса*, пришедъ въ замѣшательство, потребовала моего совѣту, вѣрить ли, или сомнѣваться въ томъ. Мы увидимъ изъ поступковъ самаго *Ранковскаго*, отвѣчалъ я, какія мѣры намъ взять должно. Въ то время, какъ я говорилъ съ *Дабалисою*, слуга поскакалъ къ своему господину, и только что я успѣлъ оглянуться, увидѣлъ я оныхъ приближающихся ко мнѣ съ обнаженными саблями. Я вынулъ изъ ноженъ мой мечь: ибо не сомнѣвался о нападеніи на меня; что и послѣдовало. Я старался предварить *Ранковскаго*, что онъ не имѣетъ причины считать меня за своего совмѣстника, и потому нападаетъ на меня безвинно; но естьли и считаетъ меня своимъ непріятелемъ, то бы сражался со мною, какъ честной человѣкъ, одинъ на одинъ. Но вмѣсто отвѣту, онъ бросался на меня, какъ бѣшеный, поощряя къ тому же слугъ своихъ. Принужденъ былъ я обороняться, и первымъ ударомъ одного изъ слугъ его повергъ мертва. Между тѣмъ, сколько *Ранковскій* ни казался мнѣ худымъ бойцемъ, но имѣлъ бы я великое затрудненіе сражаться вдругъ съ двумя, естьлибъ возница *Дабалисы* не избавилъ меня отъ другаго слуги, пронзивъ его съ тылу ножемъ. Тогда

бой учинился равнымъ, и я представя себѣ противника моего, какъ человѣка, заслуживающаго по дѣламъ своимъ наказанiе, ни мало не щадилъ его. Вскорѣ и онъ, получивъ смертную по шеѣ рану, упалъ съ коня залившись кровiю. Я остановился въ ожиданiи, какого мнѣнiя будетъ *Даблиса* объ моей побѣдѣ. Она спокойно сидѣла въ своей колесницѣ до тѣхъ поръ, какъ продолжалось сраженiе; но увидѣвъ смерть своего любовника, начала въ лицѣ перемѣняться: то краснѣлась, то блѣднѣла, то возводила взоры свои на небо, то на своего любовника и на меня. Наконецъ, надобно думать, что прежняя страсть къ *Ранковскому* превозмогла надъ прочими чувствованiями; она выскочивъ изъ колесницы, побѣжала съ распростертыми руками къ тѣлу его, и упавъ на оное, начала неутѣшно плакать. Ахъ, мой возлюбленной! кричала она, какъ худо заплачена вѣрная любовь твоя ко мнѣ! могла ли я повѣрить, чтобъ ты обманывалъ меня? . . . О *Семiръ*! говорила она ко мнѣ рыдая: что сдѣлалъ ты! Ты умертвилъ самую жизнь мою. — Государыня моя! отвѣчалъ ей я вы видѣли, что онъ самъ учинился причиною смерти своей чрезъ несправедливое на меня нападенiе; но естьли я таковымъ поступкомъ учинился вамъ противенъ, примите отъ меня ваше сокровище

ще, и позвольте мнѣ отъ васъ удалиться. —— Поѣзжай себѣ и съ онымъ, куда хочешь кричала она, лишь помоги мнѣ снять броню съ моего возлюбленнаго, чтобъ я могла облобызать впослѣдніе охладѣвшія уста его, и смѣшать кровь мою съ текущею изъ ранъ его. —— Я сшелъ съ лошади, началъ помогать ей, снимать шеломъ съ головы его. *Дабалиса* бросилась было цаловать, но взглянувъ на лице его, отскочила съ ужасомъ: боги! что вижу я! вскричала она; это не *Ранковскій*, но слуга его *Абискаръ*. Мы не знали, какъ постигнуть причину сего поступка *Ранковскаго*; зачемъ вновь хотѣлъ онъ обмануть свою любовницу, нарядивъ въ свои латы слугу и выславъ онаго къ ней на встрѣчу. Но въ этомъ помогъ намъ другой пораженный отъ возницы слуга, которой еще живъ былъ, и разрѣшилъ наше сомнѣніе слѣдующимъ предъ смертью своею признаніемъ: онъ увѣдомилъ насъ, что *Абискаръ* подговорилъ ихъ къ своему намѣренію чрезъ обѣщаніе раздѣленія великой добычи, которая бы досталась имъ по совершеніи ихъ умысла, умерщвить господина своего и похитить его любовницу, что *Ранковскій* убитъ былъ отъ *Абискара* еще въ тотъ день, когда назначилъ онъ первое любовницѣ своей свиданіе, и спрятанъ въ дуплѣ великаго дерева, находящагося близъ того мѣста, гдѣ

мы тогда находились; которое дерево и показалъ намъ. Они намѣрены были захватить *Дабалису* въ свои руки, и принудить оную сочетаться бракомъ съ *Абискаромъ*, а чрезъ то овладѣвъ ея имѣніемъ, раздѣлить между собою; но что назначивая время къ свиданію съ мнимымъ *Ранковскимъ*, и увѣдомляя о томъ *Дабалису*, не могли согласиться до сего времяни между собою въ раздѣлѣ вещей, оставшихся послѣ ихъ господина, и за таковою ссорою отлагали исполненіе послѣдняго предпріятія. Злодѣй оной признавшись въ винѣ своей, умеръ; а *Дабалиса* пришла въ отчаяніе, узнавъ о смерти и невинности предъ нею своего любовника. Она побѣжала къ показанному дереву, приказала возницѣ своему вынуть изъ дупла онаго тѣло своего *Ранковскаго*, испускавшее уже великой смрадъ. Я не могъ стерпѣть онаго и отшелъ прочь. Между тѣмъ *Дабалиса* облобызавъ оное многократно, и выхватившъ скрытый у себя кинжалъ, пронзила грудь свою. Я умираю! вскричала она, упадая на трупъ его; ну мой любезной! пойдемъ съ тобою во адъ! мученія, насъ ожидающія за отравленіе мною по наученію твоему моего родителя и многихъ невинныхъ людей, будутъ для меня пріятны, когда я раздѣлю ихъ съ тобою. — Сказавъ сіе, испустила она духъ свой, оставивъ меня въ ужасѣ

и

и удивленіи о правосудіи Небесномъ, неоставляющемъ беззаконниковъ еще и въ сей жизни безъ отмщенія. Я за долгъ почиталъ разсказать возницѣ о признаніи покойной госпожи его, какъ оною чрезъ помощь кухарки и сестры ея отравленъ отецъ ея съ другими людьми; и давъ ему половину подаренныхъ мнѣ госпожею его дорогихъ каменей, совѣтовалъ ему предать и оставшихся преступницъ въ руки правосудія. Я отъѣхалъ послѣ сего прямо ко Двору *Готфскому*, уповая тамъ присоединиться къ *Адолану*; но участь моя повергла меня въ руки разбойниковъ, которые по жестокомъ сопротивленіи, преодолѣвъ меня своимъ множествомъ, обобрали, и завезши въ свое лѣсное жилище, содержали чрезъ всю зиму подъ карауломъ, уповая за меня получить великой выкупъ. Избавился я отъ оныхъ чрезъ ихъ оплошность, когда они, всѣ перепившись, пьяны поснули: я не токмо возвратилъ мое оружіе, коня и сокровище, подаренное мнѣ отъ *Дабаликсы*, но и ихъ всѣхъ умертвилъ съ помощію другихъ плѣнниковъ, содержанныхъ ими въ подземныхъ погребахъ, коихъ я осводилъ.

Избавясь таковымъ образомъ, прибылъ я въ столицу *Готфскую*, и къ порадованію моему узналъ, что *Адоланъ* благополучно прибылъ туда, и совершивъ порученное ему

отъ

отъ Короля своего дѣло, отправился въ отечество. Я получилъ отъ него оставленное письмо ко мнѣ на случай, естьли я сверьхъ чаянія избавился отъ потопленія: онымъ обнадеживалъ онъ меня, что обѣщанное отъ *Абрадата* войско навѣрно отправлено будетъ съ *Ноаномъ*, и чтобъ я слѣдовалъ прямо къ войскамъ Князя Славянорусскаго. Поблагодаривъ боговъ за ихъ ко мнѣ покровительство, писалъ я въ Козары къ *Адолану* и *Ноему* чрезъ купцовъ Армянскихъ, туда отправляющихся, увѣдомляя онымъ о моихъ приключеніяхъ, и прося о сдержаніи обѣщанія. Теперь я поспѣшаю въ Славянорусcію, уповая найтить тамъ *Ноана* съ помощнымъ войскомъ, съ коими намѣренъ я присоединиться или къ рати *Гардориковой* и воевать противу общаго нашего злодѣя, или по обстоятельствамъ слѣдовать на встрѣчу моей возлюбленной *Арены*. —— —— Таковымъ образомъ кончилъ *Семіръ* свою повѣсть. —— —— ——

Кончимъ и мы, сказалъ *Изборъ*; я опять начинаю выходить изъ терпѣнія! Ты *Голованъ* впадаешь безпрестанно въ монотонію; ты хочешь цѣлую повѣсть составить изъ однихъ только отцеубійствъ, которыя весьма непріятны слуху. — Ваше Величество! отвѣчалъ *Голованъ*, ни я, ни издатель сей повѣсти не при-

причиною сего, когда приключенія Вадимовы истинны, или остались таковыми по преданію отъ древнихъ Писателей. Мнѣ мало въ томъ нужды, сказалъ Изборъ; ты ли врешь, или брѣдилъ твой Писатель; но вѣрь, что ты будешь на хлѣбѣ и на водѣ, естьли осмѣлишься мнѣ скучать повтореніями.

ВЕЧЕРЪ XVII.

Продолженіе Вадимовыхъ приключеній.

Но, государь мой! сказалъ *Вадимъ*, выслушавъ повѣсть *Семірову*, извините мое любопытство; мнѣ кажется, что въ приключеніяхъ вашихъ скрыли нѣкоторое обстоятельство, о коемъ догадываюсь я по словамъ вашимъ, съ которыми вы меня встрѣтили. Кто былъ врагъ вашъ, за исполнителя повелѣній коего сочли вы меня съ моимъ товарищемъ? — Такъ! отвѣчалъ *Семіръ*; я забылъ вамъ сказать, что еще до отъѣзду моего изъ Коваръ узналъ я, что злодѣй мой *Худоярь*, полагая меня препоною щастія своего въ любви къ Обрской Княжнѣ, разослалъ во всѣ страны убійцъ, полагая великое награжденіе за

за мою голову; что принудило меня быть на всякой разъ осторожнымъ и счесть васъ за моихъ непріятелей.

Какъ путь ихъ лежалъ въ одну страну, уговорились они шествовать вмѣстѣ; они поклялись богатырскимъ словомъ помогать другъ другу во всѣхъ нещастіяхъ, и продолжали дорогу къ предѣламъ Славянорусскимъ. Вы еще не столько нещастливы, какъ я, говорилъ *Вадимъ Семіру*; вы имѣете вмѣсто отца себѣ Короля Козарскаго, которой снабдѣваетъ васъ помощію. Любовница ваша, не взирая на ваши подозрѣнія, еще предпочитаетъ васъ вашему совмѣстнику; ибо требуетъ отъ васъ себѣ защищенія; и наконецъ непріятель вашъ ничто иное, какъ разбойникъ, за которымъ мщеніе Небесъ всюду слѣдуетъ, и всеконечно облегчитъ заботы ваши о его наказаніи: но я нахожусь совсѣмъ въ противныхъ обстоятельствахъ. Братъ мой, котораго бы я долженъ почитать вмѣсто родителя, безъ всякаго моего преступленія, и токмо изъ единаго властолюбія, лишаетъ меня законнаго наслѣдія, и принуждаетъ спасать жизнь мою бѣгствомъ. *Декевалъ*, дающій мнѣ убѣжище въ своемъ государствѣ, погубляетъ оное обще съ своею жизнію; дочь его, обручница моя, погибаетъ при разрушеніи Геркуланы, и сей горестный случай лишаетъ меня навѣкъ чаемой въ жизни моей отрады. Осталось мнѣ еди-

единое утѣшеніе въ дружествѣ *Арпада*, брата моей возлюбленной; и тотъ не токмо по несправедливому подозрѣнію учиняется непримиримымъ врагомъ моимъ, зоветъ меня на смертный поединокъ, но и зоветъ еще въ столицу гонителя моего, чтобъ я навѣрное погибъ или отъ него, или отъ рукъ брата моего. Но что бы боги мнѣ ни предопредѣляли, я слѣдую въ Хомоградъ. Сказавъ сіе *Вадимъ*, воздохнулъ. *Семіръ* и *Бурновей* старались утѣшать его, представляя, что боги, всегда покровительствующіе невиннымъ, охранятъ его во всѣхъ опасностяхъ. Лѣта ваши, говорилъ *Бурновей*, уже перемѣнили черты лица вашего, и учинили оное незнакомымъ; однако не худо бы, продолжалъ онъ, для предосторожности перемѣнить вамъ свое имя. Они совѣтовали еще о семъ, и заключили, чтобъ *Вадиму* назваться *Мечиславомъ*, богатыремъ изъ страны Козарской.

Наши путешественники достигли Винеты города Варяжскаго, въ коемъ остановились на нѣсколько времяни для сдѣланія искусными тутошними художниками новыхъ щитовъ себѣ. Когда оные поспѣли, и по снабдѣніи себя добрыми конями, чрезъ нѣсколько дней вступили они въ области *Гардориковы*. *Семіръ* сколько ни имѣлъ причинъ поспѣшать къ главному Славянскому войску, ополчившемуся противу бунтовщиковъ близь Оки рѣки: но

но не хотѣлъ разлучиться съ *Вадимомъ*, коего честь призывала въ Хомоградъ. Узнавъ о томъ Княжичь Славянскій, сказалъ ему: сколько ни обязываетъ меня честь явиться по вызову *Арпадову*, но это касается лично только до самаго меня; но когда угнѣтаемое бунтовщиками отечество страждетъ, тогда всѣ личныя права гражданина молчать должны. Я желаю прежде показать мои услуги отечеству, и освободя оное отъ опасности, могу помышлять о исполненіи требованія *Арпадова*. Поѣдемъ любезный *Семіръ*, куда тебя призываетъ любовь, а меня должность и добродѣтель. И такъ прибыли они къ Славянскому ополченію, явились разъѣзднымъ стражамъ, объявили о себѣ, что они желаютъ вступить въ службу Славянскаго Князя, и были представлены предъ военачальника его *Русима*.

Воевода сей принялъ ихъ со всякою учтивостію, заключивъ по виду ихъ, что они не могутъ быть люди простаго роду. Онъ спрашивалъ ихъ, откуда они, и какого состоянія; въ чемъ однако они съ благопристойностію отъ него отговорились. Довольно того, почтенный *Русимъ*, сказалъ ему *Вадимъ*, что мы странствующіе богатыри, привлеченные усердіемъ къ справедливой сторонѣ вашего Государя. Мы требуемъ, чтобъ вы позволили намъ подъ вашими знаменами оказать наши услу-

услуги противу враговЪ вашего отечества. — Я очень радЪ, сказалЪ *РусимЪ*, довольный отвѣтомЪ *ВадимовымЪ*, что судьба привела васЪ на справедливую сторону, а не кЪ Государственному вору *Худояру*, котораго войско составляютЪ одни токмо разбойники и злодѣи. Я оставляю на волю вамЪ, почтенные богатыри, продолжалЪ онЪ, вступить ли вЪ дѣйствительную нашу службу, или остаться только до окончанія войны. — Мы ищемЪ здѣсь одну особу, сказалЪ *Бурновей*; естьли мы не найдемЪ оную, останемся конечно, пока боги накажутЪ враговЪ вашего отечества; но когда оная явится, просимЪ почтеннаго *Русима* позволить намЪ оставить тогда нашу службу. *РусимЪ* согласенЪ былЪ на оное, и не похотѣлЪ далѣе безпокоить ихЪ изЪ любопытства своими вопросами. ВЪ продолженіи разговоровЪ вошли вЪ шатерЪ Полководца Славянскаго многія чиновныя особы, между которыми случился нѣкоторый дворянинЪ, бывшій вЪ ОбрахЪ сЪ ПосланникомЪ СлавянскимЪ; оный узналЪ *Семіра*, и донесЪ *Русиму* подозрѣніе свое на него вЪ слѣдующемЪ. ВЪ бытность мою вЪ ОбрахЪ видѣлЪ я сего богатыря при Дворѣ Обрскаго *Кагана*, находившагося вЪ великой дружбѣ сЪ Княжною *Ареною*; а какЪ обры явились открытыми намЪ врагами, и посылаютЪ вЪ помощь кЪ бунтовщику *Худояру* вой-

войско: имѣю я причину подозрѣвать, что не самъ ли сей богатырь предводитель тѣхъ войскъ, которой пришелъ можетъ быть для развѣданія о состояніи силъ нашихъ. — Сколь ни ложенъ былъ отчасти доносъ сей, но привелъ *Семіра* въ великое затрудненіе тѣмъ, что надлежало ему открыть было многое при своемъ оправданіи, что бы онъ сокрыть хотѣлъ. Почтенный *Русимъ*! сказалъ онъ; я не запираюсь, что доноситель мой видѣлъ меня при дворѣ *Кагановомъ*; но онъ умалчиваетъ, что я непримиримый врагъ бунтовщику *Худояру*, съ которымъ имѣлъ тамъ поединокъ и ранилъ его. Великодушіе ваше уволитъ меня отъ объясненія причинъ, за кои я съ *Худояромъ* сражался: но я клянусь вамъ богами, что прибылъ подъ знамена Славянорусскія съ тѣмъ, чтобъ искать лишить жизни моею рукою сего непримиримаго моего злодѣя. Я открываюсь притомъ, что я родомъ не Обрянинъ, но воспитанникъ Козарскаго Короля *Абрадата*, которой снисходя на мои прозьбы, и по братской любви къ Славянорусскому Князю намѣренъ былъ подъ предводительствомъ моимъ послать помощное къ вамъ войско. Нѣкоторыя нещастныя обстоятельства отвели меня между тѣмъ въ другую сторону; однако увѣренъ я, что означенное войско прибудетъ подъ предводительствомъ *Іоана*, хотя родомъ Обрянина,

на, но злѣйшаго *Худояру* непріятеля. — Послѣднія *Семіровы* слова нѣкоторымъ образомъ утверждали истинну подозрѣнія. *Русимъ* принужденъ былъ объявить ему, что по военнымъ законамъ долженъ взять его подъ стражу до тѣхъ поръ, какъ слѣдствія оправдаютъ слова его. *Семіръ* принужденъ былъ покориться необходимости, и снявъ съ себя саблю, подалъ оную Славянорусскому Полководцу. *Вадимъ* и *Бурновей*, какъ вмѣстѣ съ *Семіромъ* прибывшіе, также не освобождались отъ подозрѣнія; но по клятвенному увѣренію *Семірову*, что они съѣхались съ нимъ на дорогѣ шествующіе въ службу *Гардорикову*, хотя освобождены отъ стражи, но получили повелѣніе снять съ себя только одни латы.

Между тѣмъ какъ войска бунтовщиковъ приближились и готовились къ главному сраженію, *Иоанъ* привелъ отъ Короля Козарскаго обѣщанную *Семіру* помощь, состоящую въ двацати тысячахъ конницы. Онъ остановилъ Козаровъ въ десяти верстахъ отъ главнаго Славянскаго ополченія, и явясь предъ *Русима* въ предшествіи оруженосца, несущаго копіе, обвязанное бѣлымъ платомъ, въ знакъ миролюбія, подтвердилъ объявленное *Семіромъ*. Славянскій Полководецъ благодарилъ съ стороны своего Государя за доброжелательство Короля Козарскаго, и просилъ *Иоана* остановиться на томъ мѣстѣ,

въ ожиданіи отвѣта отъ своего Князя, коему долженъ доложить о присланной помощи. Сколь ни дружественны, сказалъ онъ ему, разположенія Короля Козарскаго; но безъ точнаго позволенія отъ моего Государя не осмѣлюсь я принять сей помощи. Славянорусы во всѣ времяна не требовали оной никогда отъ кого либо, и одни въ силахъ управляться съ своими непріятелями. — *Русимъ* принужденъ былъ взять сію предосторожность въ разсужденіи прежняго подозрѣнія, а особливо, что пойманные непріятельскіе языки объявили, что въ тотъ же день прибыла къ *Худояру* помощь отъ Обрскаго *Кагана*. Впрочемъ *Ноанъ* угощенъ былъ съ честію, при чемъ имѣлъ случай узнать о содержаніи *Семіровомъ* подъ стражею. Онъ просилъ позволенія съ нимъ видѣться; въ чемъ *Русимъ* не могъ отказать ему. *Семіръ* обрадовался, увидѣвъ своего вѣрнаго *Ноана*, и узнавъ, что онъ привелъ обѣщанную помощь, спрашивалъ у него, не имѣетъ ли какого извѣстія объ его возлюбленной *Аренѣ*. Нѣтъ, отвѣчалъ *Ноанъ*, кромѣ того, что имѣвъ случай на дорогѣ поймать нѣкотораго Печенега стороны *Худояровой*, узналъ отъ онаго, что *Арена*, послана бывъ отъ родителя своего къ бунтовщику съ помощнымъ войскомъ, на пути оное оставила, и не извѣстно, куда скрылась; и что войско Обрское пришло безъ нее къ

Ху-

Худояру. Вѣдомость сія приключила несказанную радость *Семіру*; онъ тѣмъ увѣренъ былъ, что любезная его ненавидитъ его подлаго совмѣстника.

Между тѣмъ *Русимъ*, созвавъ Воеводъ на совѣтъ, заключилъ, что не благопристойно ему будетъ далѣе содержать *Семіра* подъ стражею; онъ призвавъ его, возвратилъ ему его оружіе, и позволялъ отъѣхать къ Козарскому войску. Хотя я, примолвилъ онъ, и не могу принять вашей помощи безъ воли моего Государя, какъ уже сказывалъ; но оставлю на ваше разсужденіе, возвратиться ли въ ваше отечество, или дожидаясь указу отъ моего Князя, пребывать съ Козарами въ недѣйствіи. — Это для меня несноснѣе всего, отвѣчалъ *Семіръ*; я не за тѣмъ пріѣхалъ сюда, чтобъ быть свидѣтелемъ военныхъ дѣйствій. Я ищу смерти *Худояровой*; и для того прошу позволенія остаться мнѣ подъ стражею до времяни, когда я могу вызвать его на поединокъ, или получу позволеніе воевать на него съ Козарами подъ вашимъ начальствомъ. Ревностный видъ, съ коимъ онъ произнесъ слова сіи, увѣрили *Русима*, что нѣтъ ему причины опасаться съ стороны его измѣны; онъ отпустилъ *Иоана* въ станъ Козарскій на прежнихъ условіяхъ, *Семіру* позволилъ остаться при себѣ, и возвратилъ *Вадиму* съ *Бурновеемъ* ихъ латы.

Въ тотъ же самой день войска бунтовщиковъ разбили свой станъ въ виду Славянскаго ополченія. Дѣлали съ обѣихъ сторонъ пріуготовленія къ рѣшительному сраженію, и богатыри начали появляться для вызову на поединки. *Семіръ* просилъ *Русима*, чтобъ вызванъ былъ съ нимъ на единоборство самъ *Худояръ*; будьте увѣрены, что единое мое имя принудитъ его къ тому, какъ скоро онъ объ томъ услышитъ. *Русимъ* согласенъ былъ удовлетворить его требованію; но въ самое то время приведенъ былъ непріятельской провозвѣстникъ, вызывающій на поединокъ Славянскихъ богатырей противу Воеводы Обрскаго, приведшаго помощь къ *Худояру*. *Вадимъ* и *Бурновей* просили сей чести для себя, но *Семіръ* убѣдилъ ихъ оставить оную ему; ибо побѣдивъ сего Воеводу, уповалъ онъ получить отъ него вѣрное извѣстіе объ своей возлюбленной *Аренѣ*. Онъ тотчасъ вооружился, и сѣвъ на коня своего поскакалъ на средину поля, раздѣляющаго оба войска. Полководецъ Славянскій, въ провожденіи *Вадима* и *Бурновея*, съ пристойнымъ числомъ тѣлохранителей выдвинулся отъ войскъ для смотрѣнія сего сраженія. Обрской Воевода старался съ своей стороны встрѣтить противника своего не допуская выиграть мѣсто. Они напустили другъ на друга съ крайнею жестокостію,

но съ перваго удару на копьяхъ *Семіръ* опроверженъ былъ и съ конемъ своимъ на землю; однако онъ вскоча, обнажилъ свой мечь, и обвиняя слабость коня своего призывалъ Обрянина къ пѣшему бою. Сей не хотѣлъ ему и въ томъ уступить, соскочилъ съ коня своего, и началъ съ нимъ сраженіе. Они изрубили въ куски щиты свои; *Семіръ* получилъ нѣсколько ранъ, но не могъ ни одной нанести своему противнику; оный наступалъ на него съ таковою жестокостію, что выбилъ у него мечь и повалилъ къ ногамъ своимъ. Обрянинъ считалъ уже побѣду свою рѣшенною, но *Семіръ* приведенный въ отчаяніе бросился съ земли, и безоружный напавъ на него, вырвалъ изъ руки его саблю. Они изъ поединка начали борьбу, и упавъ оба валялись по землѣ, стараясь выиграть другъ у друга; но какъ силы ихъ были равны, то они выбившись изъ силъ, принуждены оставить сраженіе и взяли отдохновеніе. Во время сего безпорядочнаго бою личникъ шелома у Обрянина опалъ, и представилъ въ немъ *Семіру* лице возлюбленной его *Арены*. Боги! вскричалъ онъ, кого я вижу! Ахъ, возлюбленная *Арена*! для чего допустили вы, чтобъ нещастная рука моя могла на васъ вооружиться! Говоря сіе, опускалъ онъ личникъ шелома своего. *Арена*, узнавъ его, ужаснулась, бросилась къ нему, и упавъ

 на

на грудь его, начала цаловать: любезнѣйшій *Семірѣ*! говорила она; я проклинаю день, въ который по невѣденію пролила я кровь лучшаго моего друга; вставай, мой дражайшій, и будь увѣренъ, что я мерзскаго бунтовщика *Худояра* ненавижу; въ доказательство сего поѣдемъ на сторону Славянорусскаго Князя. — Слова ея были полезнѣе всякаго балсаму для ранъ *Семіровыхъ*; онъ при всей слабости своей отъ изтекшей многой крови сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ *Аренoю* къ Славянскому Полководцу. Смотрители удивлялись таковой неожидаемой перемѣнѣ, какъ два злѣйшіе непріятели въ одинъ часъ могли обратиться въ вѣрнѣйшихъ друзей. *Арена*, которую считали за Обрскаго Полководца, приближась къ *Русиму*, сказала: я присланъ былъ отъ моего *Кагана* съ помощнымъ войскомъ къ *Худояру*; но совѣсть не допускаетъ меня быть помощникомъ бунтовщику противу законнаго его Государя: и для того я, оставляя его съ приведенными мною Обрами, пристаю самъ къ справедливой сторонѣ. — Она еще не докончала словъ своихъ, какъ *Худояръ* съ отборными людьми своими учинилъ нападеніе на лѣвое крыло Славянарусскаго воинства. *Русимъ* въ послѣдованіи *Вадима* и *Бурновея*, бросились туда для сдѣланія разпорядковъ. Между тѣмъ *Семіръ* провожденъ былъ отъ *Арены* до шатра, гдѣ пере-

перевязали его раны; она оставивъ его для успокоенія, усмотрѣла приближающагося къ ней *Иоана*. Обрадовавшись сей нечаянной встрѣчѣ, схватила она его за руку: ахъ, любезной *Иоанъ*! сказала она, какъ обрадована я, что нашла тебя здѣсь! Но не продолжая объясненій, какимъ образомъ мы тутъ находимся, оставимъ сіе нещастное мѣсто, и удалимся, куда поведетъ насъ щастіе. Они сѣли на коней, поскакали и удалились.

Русимъ между тѣмъ съ послѣдовавшими за нимъ успѣлъ привести въ порядокъ лѣвое крыло войскъ еще до начатія сраженія. Бунтовщикъ скакалъ предъ своимъ войскомъ отдѣлясь. *Вадимъ* усмотрѣвъ, что онъ вызываетъ единоборца, съ позволенія Полководцева поскакалъ на него. *Худояръ* надѣясь на свою силу и храбрость, далъ знакъ своимъ войскамъ остановиться, и поскакалъ на встрѣчу *Вадиму*. Сей бунтовщикъ былъ безобразенъ лицемъ, великъ тѣломъ, и злость сверкала въ дикихъ глазахъ его; видъ его не устрашилъ *Вадима*, горящаго ревностію къ своему отечеству; онъ приближась, спрашивалъ у него, съ кѣмъ имѣетъ честь вступить въ единоборство. Славнѣйшему *Худояру*, требователю Славянорусскаго престола, приносишь ты въ сей часъ голову свою въ воздаяніе твоей дерзости! отвѣчалъ онъ гордо, и напалъ на него съ лютостію.

стію. Слова его раздражили *Вадима*; онъ вмѣсто отвѣту устремился на него съ таковою яростію, что далъ ему множество ранъ, а особливо по шеѣ, прежде нежели успѣлъ онъ защититься. Подлый сей злодѣй, видя погибель свою неизбѣжною, обратился въ бѣгство, крича къ своимъ, чтобъ его не выдали. Тогда началось сраженіе. *Вадимъ*, оставя бѣгущаго подлеца, устремлялся всюду, гдѣ была опасность: присутствіе его и *Бурновеево* разносили смерть и ужасъ. Выступившіе бунтовщики прогнаны были въ свой станъ, оставивъ множество мертвыхъ; и конечно бы въ сей день побѣда учинилась рѣшительною, естьли бы возставшій вихрь и сильной дождь съ громомъ не остановилъ сраженія. *Русимъ* самъ былъ свидѣтелемъ, что побѣда сего дня зависѣла отъ храбрости *Вадима* и *Бурновея*; онъ собравъ всѣхъ Воеводъ, принесъ предъ ними благодарность симъ чужестранцамъ, и готовясь наутрѣе напасть на бунтовщиковъ, вручилъ *Вадиму* и *Бурновею* два отряда легкой конницы въ подначальство. *Русимъ*, примѣчающій съ особливымъ вниманіемъ черты *Вадимовы*, можетъ быть находилъ въ нихъ нѣчто знакомое, и наводилъ тѣмъ великое ему безпокойство; ибо Полководецъ сей былъ самой тотъ *Русимъ*, коего благосклонности *Вадимъ* получилъ въ Гарделинѣ

учи-

учителемъ своимъ *Урмана*. Съ самаго прибытія своего въ Славянорусское ополченіе, опасался онъ быть отъ него познанъ; хотя впрочемъ великодушіе сего престарѣлаго Полководца избавляло его отъ всякаго предательства. Побѣгъ *Вадимовъ* изъ Гарделина, не причтенъ былъ отъ *Гардорика* въ вину *Русиму*; и онъ пользуясь милостьми своего Государя, получилъ главное начальство надъ войсками противу *Худояра*.

Вадимъ, принесши благодарность свою *Русиму*, удалился съ своимъ другомъ для посѣщенія болящаго отъ ранъ *Семіра*. Оный чрезмѣрно безпокоился объ отсутствіи *Арены*, опасаясь, чтобъ не попалась оная въ плѣнъ къ *Худояру*, и отъ того, что не могъ отмстить сему злодѣю своему. *Вадимъ* хотя зналъ о томъ, что она удалилась съ *Нораномъ*, и не заключалъ изъ того полезнаго для страсти *Семіровой*; но не хотѣлъ таковымъ извѣстіемъ огорчить еще болѣе сего нещастнаго любовника. Онъ началъ было ему разсказывать о сраженіи своемъ съ *Худояромъ*, желая тѣмъ его утѣшить; но былъ позванъ къ *Русиму* обще съ *Бурновеемъ* для участвованія въ военномъ совѣтѣ о разположеніи къ завтрешнему на бунтовщиковъ нападенію. Они простились съ *Семіромъ*, какъ бы чувствуя, что судьба готовитъ имъ долгую разлуку. *Вадимъ* хо-

тя отговаривался своею молодостію, подавать совѣты искусившимся въ ратныхъ подвигахъ военачальникамъ: но между тѣмъ замѣчанія его приводили всѣхъ въ удивленіе, и подозрѣнія *Русимовы* умножались. Однако великодушный сей старикъ скрывалъ свои догадки, и отдавъ повелѣнія, разпустилъ Совѣтъ.

Между тѣмъ, какъ всѣ готовились къ наступающему сраженію, *Вадимъ* съ *Бурновеемъ* размышлялъ объ опасности, коей подвергается онъ, находясь въ присутствіи человѣка довольно ему знакомаго. Удаленіе отъ Славянскихъ войскъ представлялось имъ необходимымъ въ семъ случаѣ, естьлибъ честь не обязывала *Вадима* искать *Арпада*, и удовлетворить вызову его на смертный поединокъ. Онъ не сомнѣвался, чтобъ столь храброй воинъ, каковъ былъ Князь Дакскій, провождалъ въ праздности время свое въ Хомоградѣ, ожидая его тогда, какъ слава призывала его оказать мужество свое въ происходящей войнѣ. *Бурновей* разсуждалъ, что *Арпаду* надлежало бы находиться при войскѣ Славянорусскаго Князя; потому что не лезя ему заключить, чтобъ *Вадимъ* присталъ къ той сторонѣ, гдѣ предстоитъ ему опасность быть познану и захвачену. Но какъ его тутъ они не нашли, заключили, хотя съ негодованіемъ, что надлежитъ ему на-

находиться на сторонѣ бунтовщиковъ, и ожидали, не найдутъ ли они случая увидѣть его въ завтрешнемъ сраженіи.

По возхожденіи солнца рать Славянорусская выступила и построилась къ нападенію. *Вадимъ* и *Бурновей* находились тогда близь *Русима* для принятія дальнѣйшихъ повелѣній, какъ трубачь изъ непріятельскаго войска принесъ письмо къ военачальнику. *Русимъ*, читая оное про себя, въ лицѣ перемѣнился, и отдавъ *Вадиму*, сказалъ: предложеніе *Худоярово* навлекаетъ мнѣ великое затрудненіе; но честь моего отечества требуетъ, чтобъ я согласился на его требованіе. Нашлись тамъ два богатыря, желающіе отмстить вчерашнюю неудачу Обрскаго приводца, и выборъ упадаетъ на васъ съ *Бурновеемъ*. Увѣренъ я, что вы не пропустите сего случая къ умноженію вашей славы. — *Вадимъ* принявъ письмо и читая оное, долженъ былъ собрать всѣ силы, дабы не явить своего смятенія по слѣдующему онаго содержанію:

Худояръ Русиму!

„Вчерашнее слабое защищеніе Обрскаго приводца не доказываетъ, чтобъ не было въ войскахъ моихъ богатырей храбрыхъ; прибыли ко мнѣ двое таковыхъ, кои желаютъ доказать, что они не подобны Обрянину, и вызываютъ на поединокъ двухъ богатырей твоихъ, *Вадима*, называющагося

Ме-

Мечеславомъ, и *Бурновея*, коихъ видѣли и узнали въ прошедшемъ сраженіи.„ ——

Что бы ни думали богатыри сіи, сказалъ онъ, прочитавъ письмо, *Русиму*; но *Мечеславъ* и *Бурновей* преданы пользамъ твоего отечества и пріемлютъ сей вызовъ. Онъ положилъ письмо въ карманъ, и не дожидаясь отвѣту на слова свои, поскакалъ съ *Бурновеемъ* на поле, раздѣляющее оба войска, сказавъ трубачу, чтобъ онъ поспѣшилъ увѣдомить вызывателей; что они ихъ ожидаютъ.

Противники *Вадима* и *Бурновея* вскорѣ появились. Славянскій Князь избралъ себѣ того, у коего на щитѣ изображена была бродящая въ пустынѣ овечка, отъ которой пастухъ прочь бѣжитъ, съ надписью: *Опытъ Славянской вѣрности*. Надпись сія увѣрила *Вадима*, что былъ то *Арпадъ*; онъ не вступая съ нимъ въ бой, называлъ его симъ имянемъ, и требовалъ отъ него въ томъ признанія. Ты ошибаешься, отвѣчалъ незнакомой; но я не для разговоровъ сюда пріѣхалъ: одинъ изъ насъ долженъ лишиться жизни на мѣстѣ семъ. Послѣ сего начали они жестокое сраженіе. *Вадимъ* не имѣлъ еще никакихъ выгодъ надъ своимъ противникомъ, но *Бурновей* при первомъ съѣздѣ сбилъ съ коня своего непріятеля; и хотя имѣлъ случай пѣшаго удобно лишить жизни,

ни, однако сшелъ самъ съ коня, и продолжая равный бой, обезоружилъ онаго, и повергши къ ногамъ своимъ, ожидалъ, что учинитъ *Вадимъ* съ своимъ противникомъ. Между тѣмъ *Вадимъ* и его спорникъ ударились на копьяхъ столь жестоко, что оныя переломились и лошади подъ ними упали. Они соскочили, и начали сраженіе на сабляхъ пѣшіе. *Вадимъ* вскорѣ оказалъ превосходство силы своей, разрубивъ на немъ шлемъ, и отъ сего удара повергши его безчувственна къ ногамъ своимъ. Онъ хотѣлъ въ гнѣвѣ своемъ лишить жизни своего побѣжденнаго, но не хотѣвъ осквернить оружія своего, взялъ его саблю, чтобъ отрубить оною ему голову. Сколь велико было изумленіе его, когда онъ узналъ въ оружіи своего противника ту саблю свою, которая увезена была ночью у него въ странѣ Суссловъ! Онъ опять подумалъ, что побѣжденный имъ есть *Арпадъ*, и для удостовѣренія отстегнулъ его шеломъ; но снявъ оный вострепеталъ, находя въ лицѣ незнакомаго сходство съ чертами возлюбленной своей *Брячиславы*, Онъ не зналъ еще, къ чему обратить заключеніе разсѣянныхъ своихъ мыслей, какъ *Бурисвей* оставивъ безъ чувствъ лежащаго своего соперника, подшелъ къ нему увѣдомить, что онъ въ оружіи, отбитомъ у его противника, нашелъ

съ

обмѣненную въ Сусолахъ свою саблю. *Вадимъ* показывалъ ему свою, и разсматривая прилѣжно черты лица своего побѣжденнаго, узналъ, что онъ былъ самой тотъ, которой съ товарищемъ своимъ спасъ его жизнь при нападенiи на него и Сусольскую Княжну медвѣдей. Онъ подалъ руку своему очувствовавшемуся противнику, и поднимая онаго, сказалъ: я стыжусь моей побѣды, что столь худо доказалъ благодарность избавителю моему, спасшему жизнь мою въ Сусолахъ. Примите свое оружiе, и удостойте меня открытiемъ вашего имяни. Говоря сiе, подавалъ онъ ему собственную его саблю. О *Вадимъ*! отвѣчалъ побѣжденной, смотря съ жалостiю въ глаза ему; непостоянной *Вадимъ*! какое сравненiе словъ твоихъ съ твоими поведенiями! — Удивленный *Вадимъ*, убѣждалъ его сказать, по чему извѣстно ему его имя? — Увы! отвѣчалъ онъ, сколько былъ бы я щастливѣе, когда бы не зналъ онаго! Но по чему называете вы меня непостояннымъ? вопрошалъ *Вадимъ*. Для того, сказалъ сей, что ты измѣнилъ дому *Декевалову*. О боги! вскричалъ огорченный *Вадимъ*; вы свидѣтели того, былъ *ли* я когда нибудь невѣренъ моей возлюбленной *Брячиславѣ*, или бы досадилъ въ чемъ дражайшему брату ея *Арпаду*! — Замолчи невѣрной, ты не можешь оправдаться! вскри-

чалъ

чалЪ съ гнѣвомЪ побѣжденной; чемЪ ты докажешь то, что любишь еще поднесь нещастную *Брячиславу*? —— ТѣмЪ, что сердце мое и по смерти еяноситЪ вЪ себѣ любезное ея изображенїе; что хотя погибла она вЪ развалинахЪ Геркуланы, но я сохраню по гробЪ мой клятвы кЪ сей нещастной моей обручницѣ; и что сердце мое не будетЪ пылать никогда другою. *ВадимЪ*, говоря сїе, пролилЪ слезы и принудилЪ кЪ тому же побѣжденнаго. Кто увѣрилЪ тебя вЪ томЪ. . . . . сказалЪ онЪ, и прервавЪ рѣчь, говорилЪ: я докажу тебѣ *ВадимЪ*, что ты истребилЪ изЪ сердца своего память нещастной *Брячиславы*. —— Да! отвѣчалЪ *ВадимЪ* твердымЪ голосомЪ, я отдамся тогда вЪ твою волю, и позволю умертвить себя, естьли можешь ты это доказать. —— Сей перстень, послѣднїй залогЪ ея памяти, могЪ ли бы ты отдать впрочемЪ незнакомому? сказалЪ побѣжденный, подавая ему оный. Сей ли опытЪ вѣрности твоей? Прибавь кЪ тому любовь кЪ Сусольской Княжнѣ. ---- *ВадимЪ* чрезмѣрно обрадовался, нашедЪ свой перстень, который полагалЪ навѣкЪ утраченнымЪ, цаловалЪ оный сЪ восхищенїемЪ, и возложивЪ на руку свою, сказалЪ: извини меня великодушный мой избавитель, что я отнимаю у тебя подарокЪ свой, отданный тебѣ вЪ моемЪ смяте-

шенiи, и по которомъ я пролилъ много слезъ; возми въ замѣну все, что я имѣю. . . самую жизнь мою, естьли нужна оная твоему мщенiю! Но не требуй вещи милѣйшей мнѣ самаго себя! знай притомъ вѣрный поборникъ моей возлюбленной, что Княжна Сусольская со всѣми своими дарованiями никогда не могла поколебать моего постоянства и вѣрности къ *Брячиславѣ*. Случай меня привелъ подать ей помощь въ опасности жизни, и вы простое сострадание, какъ я уповаю, сочли за мою къ ней склонность. —— По семъ *Вадимъ* старался убѣдить сего незнакомаго открыть свое имя, и почему онъ такъ знакомъ покойной его *Брячиславѣ*; однако побѣжденный отвѣчалъ ему, что время и мѣсто не позволяютъ начать разговоръ довольно пространный. Онъ просилъ *Вадима*, чтобъ онъ отвелъ его съ товарищемъ, побѣжденнымъ отъ *Бурновея*, къ Славянорусскому Полководцу, и испросилъ имъ у онаго безопасное мѣсто для излеченiя отъ ранъ ихъ. *Вадимъ* обѣщалъ сiе, и помогъ ослабшему своему плѣннику сѣсть на коня; чему подражалъ и *Бурновей* съ своимъ побѣжденнымъ, у коего лице во все то время осталось закрыто подъ шеломомъ.

Русимъ поздравлялъ своихъ богатырей съ новою побѣдою, когда оные возвратились

съ

съ плѣнниками, и узнавъ желаніе побѣдителей, не токмо согласился обьявить оныхъ свободными отъ воинскаго на нихъ права, но и отдалъ въ тотъ же часъ повелѣніе препроводить оныхъ съ честію въ Хомоградъ подъ безопаснымъ прикрытіемъ. *Вадиму* не пріятно было, что *Русимъ* назначилъ для побѣжденныхъ сихъ убѣжищемъ столицу его брата, отъ которой имѣлъ онъ причину удаляться; но не хотя утвердить сопротивленіемъ тому *Русимовы* догадки объ себѣ, благодарилъ его и отъѣхалъ къ своему мѣсту; ибо непріятели начали уже тогда выходить изъ своихъ укрѣпленій. Онъ твердо заключилъ удовольствовать своему любопытству, во что бы то ему ни стало, и оставя войско Славянорусское, по окончаніи сраженія, слѣдовать съ *Бурновеемъ* въ Хомоградъ для сысканія богатырей, столько знакомыхъ возлюбленной его *Брячиславѣ*. —

Дѣло опять доходитъ до сраженія, которыхъ я не люблю, сказалъ *Изборъ*: и для того оставимъ слушать объ ономъ до завтра.

ВЕЧЕРЪ XVIII.

Нѣтъ нужды описывать подробности онаго сраженія: сказать лишь нужно то, что разпоряженія *Русимовы*, храбрость Славя-

вянскихъ войскъ, и особливо присутствіе *Вадима* и *Бурновея*, пріобрѣли совершенную побѣду надъ бунтовщиками. Наемные Печенеги, Половцы и Торки увидѣвъ, что *Вадимъ* разбивъ тѣлохранителей *Худояровыхъ*, обезоружилъ онаго, и взялъ въ плѣнъ своими руками, обратились всѣ въ бѣгство; а прочіе возмутители защищая жизнь свою, до послѣдняго человѣка пали на мѣстѣ, такъ что ни одного плѣнника не взято было, кромѣ самаго *Худояра* и нѣсколькихъ Оеровъ. *Русимъ* среди торжества своего и оказываемыхъ благодарностей соучастникамъ побѣды его *Вадиму* и *Бурновею*, не могъ скрыть заботъ своихъ: онъ узналъ, что *Вадимъ* былъ точный братъ его Государя. По отправленіи вѣстниковъ къ *Гардорику* о совершенномъ разбитіи и взятіи въ плѣнъ *Худояра*, и по рязпоряженіи къ истребленію остатка бунтовщиковъ, засѣвшихъ въ занятыхъ ими нѣкоторыхъ городахъ, призвалъ онъ *Вадима* для тайнаго переговора. Государь! сказалъ онъ оставшись съ нимъ на единѣ: тщетно стараетесь вы сокрыть отъ *Русима* свою высокую особу; я проникъ въ ваше таинство, и подъ имянемъ *Мсиислава* узналъ сына покойнаго моего Монарха. Слова его привели *Вадима* въ великое смятеніе; но *Русимъ* ободряя его, сказалъ: не опасайтесь, Свѣтлѣйшій Князь усерднаго раба отечества;

Русимъ

Русимъ не въ состоянiи заслуживать милости чрезъ предательство. Вы совершенно безопасны, пока тайна сiя извѣстна только ему одному. Однакожь позвольте мнѣ вопросить васъ, какiя причины приводятъ васъ въ державу враждующаго вамъ брата? Естьли ищете вы чрезъ возмущенiе отмстить ему лишенiемъ престола: бѣгите! *Русимъ* вашъ первый врагъ. Но естьли и нечаянность, или усердiе привели васъ участвовать въ войнѣ сей: удалитесь изъ мѣста, гдѣ медленiе угрожаетъ вамъ погибелью. — О мой благодѣтель! истинный другъ отца моего! сказалъ *Вадимъ*, обнявъ *Русима*; твои примѣры и наставленiя, поселенныя тобою чрезъ *Урмана* въ юную мою душу, научили меня пренебрегать пользы собственныя, прiобрѣтаемыя со вредомъ отечества. отнюдь ни мщенiя, ни престола зашелъ я искать здѣсь; но обстоятельства, касавшiяся чести, привлекли меня сюда. Послѣ чего разсказалъ онъ ему всѣ свои приключенiя со времяни бѣгства своего изъ Гарделина. — *Русимъ* пролилъ слезы, видя сына прежняго своего и любимаго Государя, не имѣющаго убѣжища, гдѣ бы голову подклонить, и бродящаго по свѣту. Удались отсюду дражайшая отрасль *Буривоева*, говорилъ онъ; я не могу подать тебѣ другихъ совѣтовъ. Братъ твой дѣтей не имѣетъ, и рано, или поздно, единый ты престола его наслѣдникъ; ибо вла-

столюбіе *Гардориково* понудило, збывъ родство, ослѣпить нещастнаго *Гунигарда* брата своего послѣ твоего побѣга. Чего лучшаго можешь ожидать и ты? *Вадимъ* пролилъ слезы, и обнявъ *Русима*, простился съ нимъ, возжамѣрясь въ ту же ночь оставить воинской станъ и отечество.

Пришедъ въ шатеръ къ другу своему *Бурновею*, разсказалъ онъ разговоръ свой съ *Русимомъ*; они въ тотъ же часъ оставили воинской станъ, и поѣхали, не простясь съ *Семіромъ*. Куда же обратимся мы? сказалъ *Бурновей*, когда они безъ всякаго еще намѣренія слѣдовали по дорогѣ въ Хомоградъ. Любезной другъ! отвѣчалъ *Вадимъ*; естьли намъ ужасаться опасностей, могущихъ встрѣтиться со мною въ столицѣ моего брата: мы лишимъ себя величайшаго удовольствія узнать, кто таковы побѣжденные нами рыцари. Не знаю, что чувствуете вы; но что касается до меня, я не могу преодолѣть желанія видѣться съ моимъ избавителемъ, котораго я послѣ побѣдилъ въ невѣденіи, и узнать отъ него, по какой причинѣ вступался онъ столь жестоко за мою *Брячиславу*, и что принудило его вызвать меня на смертный поединокъ. Я намѣренъ препоручить себя волѣ боговъ, и искать сего рыцаря, хотя бы то было внутри чертоговъ моего брата. *Бурновей* признавался, что онъ самъ не видавши въ

лицѣ

лице побѣжденнаго имъ рыцаря, чувствуетъ тайное влекущее его къ нему побужденіе, и что равномѣрно желаетъ узнать, по какой причинѣ перемѣнилъ онъ въ Сусолахъ его саблю. И такъ шествовали они въ Холмоградъ, взявъ только нужныя предосторожности, чтобъ безпрестанно слѣдующіе изъ войска въ столицу чиновники, узнавъ ихъ, не разгласили о ихъ славныхъ дѣлахъ въ бывшей войнѣ, и чрезъ то не довели слуху до самаго Князя, которой послѣ того пожелаетъ ихъ увидѣть и можетъ быть наградить. *Русимъ* хотя писалъ къ *Гардорику* о ихъ заслугахъ подъ имянемъ незнакомыхъ богатырей; но обѣщалъ *Вадиму* донесть послѣ, что они по окончаніи войны уѣхали куда неизвѣстно, отказавшись отъ всякихъ почестей.

Въ продолженіи пути ихъ, которой имѣли они по большой части ночью, *Бурновей* претерпѣлъ нещастіе отъ паденія коня своего, при чемъ вывихнулъ руку: и такъ принуждены они были остановиться въ нѣкоторой деревнѣ. Между тѣмъ, какъ болѣзнь *Бурновеева* удерживала его еще въ постелѣ, *Вадимъ* горящій нетерпѣливостію, вздумалъ уѣхать тайно, и развѣдавъ въ окрестныхъ мѣстахъ о искомыхъ рыцаряхъ, въ тотъ же день назадъ возвратиться. На сей конецъ не надѣлъ онъ своихъ латъ, взявъ

токмо саблю, и приказалъ *Бурновею*, когда онъ спроситъ объ немъ, сказать, что выѣхалъ онъ прогуляться. Разъѣзжая по окрестностямъ и дѣлая безполезные вопросы, удалился онъ столько, что принужденъ былъ за темнотою ночевать въ большомъ лѣсу, въ коемъ нѣкоторой Славянорусской сотникъ, ведущій новонабранныхъ въ воинскую службу, также разположился. Сей сотникъ, взглянувъ на *Вадима*, возпылалъ не кстати усердіемъ къ отечеству; видъ и ростъ сего Князя ему понравился, и онъ заключилъ взять его въ рядовые воины. Провѣдавъ, что онъ иностранецъ, началъ сей сотникъ ласкою уговаривать его о вступленіи въ Славянорусскую службу: но какъ *Вадимъ* отговаривался крайними нуждами, призывающими его въ Хомоградъ, сотникъ сей на него прогнѣвался и началъ принуждать къ тому силою. *Вадимъ* притворился испугавшимся угрозъ его, и спрашивалъ, какое ремесло долженъ онъ отправлять учинясь воиномъ? -- Ты долженъ будешь людей убивать, отвѣчалъ искусной сотникъ. --- Убивать! вскричалъ онъ; да избавятъ меня отъ того боги! Я слыхалъ, что это имъ противно. Притомъ же нападая на людей, можно подвергнуться быть самому отъ нихъ убиту. --- О! ты еще не служивалъ, сказалъ сотникъ, по тому такъ и судишь! ----

Не

Не правда, подхватилъ *Вадимъ*, я довольно служилъ --- Гдѣ? --- Въ странѣ Ясской, отцу моему, доброму хлѣбопашцу; я служилъ ему вмѣсто вѣрнаго слуги. Сотникъ разсмѣялся таковой простотѣ его, началъ ободрять, и наконецъ принуждалъ учинить въ вѣрности присягу; но изъ продолженія словъ понявъ, что *Вадимъ* надъ нимъ шутитъ, разсердился и обнаживъ саблю, грозилъ разрубить ему голову въ случаѣ упрямства. Примѣтивъ то нѣкоторой изъ подчиненныхъ сотниковыхъ, вздумалъ постращать *Вадима*, и ударилъ его обнаженнымъ мечемъ плашмя по головѣ; но *Вадимъ*, не пріобыкшій къ таковымъ шуткамъ, отрубилъ ему руку. Нѣсколько воиновъ бросились отмстить за своего товарища, но двое изъ оныхъ еще хуже встрѣчены, и обще съ начальникомъ своимъ обратились въ бѣгство. *Вадимъ* считалъ уже себя безопаснымъ; но разставленные въ разныхъ мѣстахъ караульные, услышавъ шумъ, сбѣжались, и взявъ его подъ стражу, отправили въ Хомоградъ подъ имянемъ бунтовщика, не взирая на оправданія его, и требованіе, чтобъ представленъ былъ онъ на судъ Полковому Воеводѣ *Русиму*. *Вадимъ* покорился своей участи, сожалѣя объ неосторожности своей и нетерпѣливости, принудившей его оставить больнаго своего друга.

Между тѣмъ *Бурновей* съ своей стороны заботился о участи *Вадимовой*; онъ не сомнѣвался, что приключилось ему какое нибудь нещастіе, безъ чего не могъ бы онъ его оставить. Чрезъ нѣсколько дней выздоровѣвъ, продолжалъ онъ развѣдыванія объ немъ безъ всякаго успѣха, и принужденъ былъ ѣхать въ Хомоградъ, уповая тамъ получить объ немъ извѣстіе. Онъ оставилъ въ томъ домѣ, гдѣ лежалъ боленъ, *Вадимову* броню, приказавъ объявить ему, естьли онъ пріѣдетъ, чтобъ искалъ его въ столичномъ городѣ. Продолжая путь свой, достигъ онъ Хомограда, но на первой заставѣ удержанъ былъ стражею въ разсужденіи того, что ѣхалъ онъ въ полномъ вооруженіи. Начальникъ заставы спрашивалъ у него притомъ: для чего осмѣлился онъ, презрѣвъ запрещеніе въѣзжать въ столицу въ полной бронѣ? Я чужестранецъ, отвѣчалъ *Бурновей*, уставовъ вашихъ не знаю, но и не воображалъ, чтобъ въ каковомъ либо мѣстѣ на свѣтѣ странствующіе богатыри принуждались скидать броню противу своего желанія. --- Есть тому причины, отвѣчалъ начальникъ; много лазутчиковъ, подсыланныхъ отъ *Худояра*, пойманы были въ столицѣ, скрывавшихся подъ одѣяніемъ странствующихъ богатырей. --- Но по крайней мѣрѣ, говорилъ *Бурновей*, нѣтъ уже

нужды имѣть сію предосторожность, когда самъ *Худояръ* пойманъ и всѣ сообщники его истреблены. Я исполняю, что приказано, сказалъ начальникъ, и понуждалъ *Бурновея* снять броню и оружіе, естьли не хочетъ принужденъ быть къ тому силою. *Бурновей*, не желая подвергнуться таковому стыду, хотѣлъ возвратиться назадъ; но умноживъ тѣмъ подозрѣніе, былъ окруженъ стражею. Раздраженный таковымъ насиліемъ *Бурновей* началъ обороняться, и переранивъ многихъ, принужденъ былъ уступить превозходной силѣ; онъ обезоруженъ, и отведенъ, какъ Государственной преступникъ, подъ караулъ въ крѣпкую башню.

Въ продолженіи времяни, какъ два друга въ неизвѣстности объ участи своей сидѣли въ темницѣ: *Русимъ* торжествующій вошелъ въ Хомоградъ, ведя съ собою во узахъ пойманнаго *Худояра*. Между тѣмъ, какъ пріуготовлялись къ празднованію побѣды и къ казни сего страшнаго бунтовщика: усердный *Урманъ*, забывъ собственную опасность, и извѣстясь *Вадимовымъ* письмомъ, шествовалъ за нимъ въ слѣдъ въ области *Гардориковы*. Онъ слышалъ, что два чужестранныхъ богатыря чрезмѣрно прославились въ прошедшей войнѣ, и зналъ по списаніямъ, что были то *Вадимъ* съ *Бурновеемъ*; но не вѣдалъ, куда оные удалились. Развѣдывая

въ

въ Хомоградѣ, узналъ онъ также, что два чужестранца содержутся подъ карауломъ, взятые по подозрѣнію въ участвованіи съ бунтовщикомъ: сіе причинило ему несказанную печаль и опасность для жизни *Вадимовой*. Не смѣлъ онъ приближиться къ темницамъ, гдѣ оные содержались для удостовѣренія себя въ томъ, опасаясь больше нанесть подозрѣніе. Размышляя, что ему начать въ семъ случаѣ, заключилъ онъ разнесть слухъ о смерти *Вадимовой*, полагая, что оный избавитъ его Княжича отъ опасности, въ случаѣ, когда онъ въ числѣ чужестранцевъ, содержащихся подъ стражею. Легко ему будетъ оправдаться въ сообщничествѣ съ бунтовщикомъ, думалъ онъ, когда только не узнаютъ больше. Выдумка сія казалась ему полезна и въ другомъ видѣ къ полученію *Вадимовыхъ* требованій о наслѣдіи его; ибо удобнѣе будетъ предпринимать способы противу *Гардорика*, обезпеченнаго слухомъ о смерти братней. Въ семъ намѣреніи сочинилъ онъ грамоту отъ имяни *Вадимова* къ его царствующему брату, которую будто бы писалъ онъ изъ Дакіи, умирая отъ раны, полученной на сраженіи съ Римлянами; въ оной прощалъ ему всѣ гоненія, принудившія его странствовать по свѣту, избѣжавъ изъ заточенія, и просилъ, чтобъ хотя по смерти возвратилъ къ не-

нему братнюю любовь. *Урманъ* не имѣлъ причины опасаться, чтобъ сомнѣвались въ почеркѣ руки *Вадимовой*, когда оная ни кому въ отечествѣ его не была извѣстна. Съ сею грамотою требовалъ онъ, чтобъ представили его предъ *Русима*; въ чемъ и не имѣлъ затрудненія въ разсужденіи важности принесеннаго имъ извѣстія. *Русимъ* выслушавъ его, и принявъ грамоту, какъ легко догадаться, счелъ *Урмана* за обманщика; онъ не узналъ его, потому что лѣта перемѣнили весь видъ его. Однакожь опасаясь выводить ложь его, дабы не открылось каковымъ либо образомъ то, что *Вадимъ* находился въ войскахъ подъ его начальствомъ, скрылъ свои мысли, повелъ *Урмана* во дворецъ и представилъ *Гардорику*. Сей Государь, выслушавъ *Урмана* и прочитавъ грамоту, оказалъ великую въ лицѣ своемъ печаль о мнимой смерти *Вадимовой*. Раскаяніе ли въ томъ дѣйствовало, или хитрость, но онъ признавался въ несправедливости своей противу брата, называлъ себя его убійцею, и повелѣвъ наградить *Урмана*, удалился во внутренніе чертоги оплакивать кончину его, или можетъ быть радоваться, что избавился опаснаго совмѣстника своему престолу. *Урманъ* догадывался съ своей стороны, что *Гардорикъ* не легко могъ бы положиться на слова незна-

комаго

комаго, естьли бы слухЪ о смерти *Вадимовой* не былЪ ему полезенЪ для прекращенія всякихЪ возмущеній, кои сЪ сей стороны могли бы приключиться отЪ нѣкоторыхЪ недовольныхЪ людей подЪ видомЪ защищенія права *Вадимова*; однакожЪ *УрманЪ* опасался, чтобЪ Князь не повелѣлЪ его взять тайно и чрезЪ мученіе удостовѣриться вЪ истиннѣ: и для того отказавшись отЪ награжденія, скрылся.

Печали владѣющихЪ Государей по своимЪ умершимЪ братьямЪ рѣдко бываютЪ здоровью ихЪ опасны; по крайней мѣрѣ *ГардорикЪ* чрезЪ три дни появился кЪ своимЪ вельможамЪ, и обЪявилЪ повелѣніе прежде торжества о побѣдѣ казнить *Худояра*, а по томЪ отправить Тризну (*) вЪ память покойнаго брата своего *Вадима*. ОнЪ повелѣлЪ двумЪ чужестраннымЪ богатырямЪ сражаться о смерти и свободѣ надЪ могилою

(*) Тризны отправлялись у СлавянЪ вЪ память умершихЪ, сЪ великимЪ торжествомЪ приносимы были тогда жертвы; народЪ угощаемЪ былЪ чрезЪ три дни довольствомЪ снѣдей и напитковЪ; что можетЪ быть и названіе ТризнЪ вЪ разсужденіи трехЪ дней произвело. При ТризнахЪ вЪ память великихЪ особЪ заставляли плѣнныхЪ, или на смерть осужденныхЪ, биться о смерти и свободѣ по подобію РимскихЪ ГладіаторовЪ.

лою, которая будетъ учинена въ память *Вадимову*. Пріуготовленія сдѣланы, и *Вадиму* съ *Бурновеемъ* въ тожъ время объявлено, что имѣютъ они на Тризнахъ, учреждаемыхъ въ память брата Княжіяго *Вадима* биться, и что побѣдитель получитъ вольность, а побѣжденный будетъ казненъ. *Вадимъ* съ *Бурновеемъ* сидѣли въ разныхъ башняхъ: и по тому не вѣдали, съ кѣмъ они должны сражаться. Легко вообразить, сколько удивленъ былъ самъ *Вадимъ*, что судьба принуждаетъ его заступить мѣсто ратоборца на Тризнахъ, въ собственную честь его учреждаемыхъ. Не понятно казалось ему; какимъ образомъ разнесся слухъ о его смерти; однако принужденъ былъ покориться своей участи, и въ молчаніи готовится пріобрѣсть жизнь свою чрезъ свою храбрость.

Опредѣленный день насталъ, *Вадимъ* получилъ полное вооруженіе и коня, и выведенъ былъ за городъ къ высокому холму, прозываемому Броница (*), подъ присмотро-

(*) Холмъ Броница, насыпанъ въ память богатыря Славянскаго Тугоркана, и уставленъ былъ весь бронями, или латами побѣжденныхъ имъ богатырей; отъ чего и названіе получилъ. О чемъ смотри обстоятельное описаніе въ пятой части Руских Сказокъ, съ листа 154.

ромъ ста вооруженныхъ всадниковъ; противникъ его также находился на другой сторонѣ подъ своею стражею, и какъ лица ихъ закрыты были шеломами, не могли они узнать другъ друга. Въ память *Вадимову* близь холма устроено было великолѣпное надгробіе. По принесеніи жертвъ Чернобогу, и между тѣмъ, какъ устрояли столы для пиршества народнаго, при коемъ присутствовалъ самъ *Гардорикъ*, данъ былъ знакъ къ началу сраженія между *Вадимомъ* и *Бурновеемъ*. Провождавшая ихъ стража, сдѣлала изъ себя обширный кругъ; а Князь Славянскій съ *Русимомъ* и прочими вельможами взошли на холмъ для удобнѣйшаго смотрѣнія.

Такимъ образомъ сіи два вѣрные друга не знавъ, начали между собою смертельной поединокъ. Они разъѣхавшись ударились копьями столь жестоко, что оныя на нѣсколько отломковъ разлетѣлись, и не причинивъ другъ другу вреда, но съ тою разностью, что *Вадимъ* усидѣлъ неподвижно, а *Бурновей* едва въ сѣдлѣ удержался. Надлежало имъ докончать поединокъ свой на сабляхъ; но чрезъ долгое время сражаясь, ни кто изъ нихъ не получилъ ни одной раны. Наконецъ удалось *Вадиму* уязвить слегка руку своего противника, но въ самое то время конь упавши подъ нимъ, придавилъ

вилъ ему ногу. Противникъ *Вадимовъ* не возпользовался сею выгодою, и вмѣсто пораженія его въ случаѣ, когда дѣло шло о жизни и смерти, явилъ опытъ безпримѣрнаго великодушія; онъ соскочилъ съ коня своего, и помогъ непріятелю высвободиться. Они постоявъ нѣсколько, начали производить рубку пѣшіе. Щастіе перешло на сторону *Вадимову*; онъ ударилъ противника своего по головѣ столь жестоко, что хотя не прорубилъ шелома, но онъ зашатавшись упалъ. *Вадимъ*, не хотя непріятелю своему уступить въ великодушіи, подскочилъ, подалъ ему руку и помогъ встать. Поступокъ таковой удивилъ всѣхъ зрителей, а не менѣе и самаго *Бурновея*. Храбрый богатырь! сказалъ онъ *Вадиму*: великодушіе ваше меня обезоруживаетъ; я лучше готовъ принять опредѣленную казнь, чемъ нападать на мужа рѣдкихъ добродѣтелей, и признаю себя побѣжденнымъ — Не успѣлъ онъ докончать словъ своихъ, *Вадимъ* узналъ по голосу своего друга, бросилъ саблю, и обнявъ его, вскричалъ: *Бурновей*! зри немилосердую судьбу, принуждающую насъ покушаться на жизнь взаимно намъ драгоцѣнную. Но прежде пусть я умру растерзанъ всѣми мученіями, нежели удовлетворю безчеловѣчной волѣ Славянскаго Князя. — О любезный другъ! вскричалъ *Бурновей*; жестокъ при-

говоръ, для насъ изреченный, но не исполнится оный надъ моимъ другомъ! Когда неблагодарная страна сія назначила одному изъ насъ смерть, вмѣсто лавръ, пріобрѣтенныхъ нашими заслугами: *Бурновей* охотно умретъ за своего друга. — Да! подхватилъ *Вадимъ*, естьли бы я столь подлъ былъ, чтобъ могъ принять сію жертву. Ступай любезной *Бурновей*, возвратись къ своей возлюбленной *Озанѣ*; ты долженъ для нее сохранить дни твои. А я . . . я избираю смерть! мнѣ не за чѣмъ убѣгать оной, когда нѣтъ уже на свѣтѣ моей возлюбленной *Брячиславы*. — Но вѣдаешь ли ты (говорилъ *Бурновей*, снявъ шеломъ свой), что не допустятъ насъ сего исполнить, хотя бы я и согласился на твое безразсудное требованіе, которымъ обижаешь ты своего друга? умремъ вмѣстѣ, когда такъ должно, когда я знаю, что не уступишь ты мнѣ сей славы, умереть за себя. — Умремъ! вскричалъ *Вадимъ*, сорвавъ шеломъ съ себя. Они готовились дать другъ другу смертельные удары, какъ изсреди народа простерлись къ нимъ два голоса, остановившіе ихъ страшное намѣреніе. Удержись *для Брячиславы*! удержись *для Озаны*! кричали оные. Два друга остановились въ изумленіи, не вѣдая, кто были тѣ, коимъ извѣстны имена ихъ возлюбленныхъ; они вспомнили о побѣжденныхъ ими рыцаряхъ; не сомнѣвались, чтобъ не оные

били то, и искали оныхъ безполезно среди народа. Между тѣмъ, когда сражающіеся открыли лица свои, нѣкоторые изъ чиновниковъ, бывшихъ на послѣднемъ побоищѣ противу бунтовщиковъ, узнали виновниковъ Славянской побѣды, и начали кричать: удержи, *Гардорикъ*, свое неправосудіе! Ты своихъ защитниковъ на смерть осуждаешь! Народъ, готовый всему послѣдовать, повторялъ сіи восклицанія, и всякъ крича неправосудіе! готовъ былъ бунтовать, не вѣдая причины. Споръ сражавшихся, сопровождаемый дружескими обниманіями, обратилъ давно уже вниманіе Государя Славянскаго; но при восклицаніи народномъ немедленно послалъ онъ *Русима* узнать о происходящемъ. Сей престарѣлый воинъ спѣшилъ въ кругъ, взглянулъ и узналъ *Вадима* и *Бурновея*; обнявши сихъ героевъ, повелъ онъ ихъ къ Славянскому Князю, и шествуя успѣлъ сказать *Вадиму* на ухо: не опасайтесь! васъ считаютъ мертвымъ. *Вадимъ*, приведенный сперва въ смятеніе ободрился, и шествовалъ предстать своему брату и гонителю. —— Возблагодаримъ боговъ, Великій Государь! сказалъ *Русимъ*, удержавшихъ приключеніе, имѣвшее покрыть насъ вѣчнымъ стыдомъ. *Мечиславъ* и *Бурновей* въ невѣденіи осуждены были по неосновательному подозрѣнію; а представлялъ

уже Вашему Величеству, что ихъ храбростію пріобрѣтена побѣда надъ *Худояромъ*. — Боги! какая неосторожность! вскричалъ *Гардорикъ*, вскочивъ съ своихъ креселъ, и бросясь, пустился въ великія извиненія предъ *Вадимомъ* и *Бурновеемъ*. Онъ обѣщалъ имъ золотыя горы, сулилъ всѣ важные чины въ своемъ государствѣ, и окончилъ, прося у нихъ прощенія. Великій Государь! сказалъ къ нему *Вадимъ*; приключеніе наше есть воля своенравной играющей надъ нами судьбины, и мы не можемъ обвинять тебя въ неправосудіи по нечаянному случаю; не можемъ также принять милостей тобою намъ предлагаемыхъ. Мы служимъ не изъ платы, каковаго бы рода оная ни была слава, наше награжденіе. Храбрый *Русимъ* свидѣтель того, что мы отказались отъ почестей. Не хотѣли мы и тебя, Государь, отяготить изреченіями благодарностей; но когда случай удержалъ насъ поспѣшающихъ въ Винету для сдержанія честнаго богатырскаго слова, просимъ у тебя сей милости, чтобъ позволить намъ сей часъ отъѣхать, дабы не почли насъ обманщиками. — *Гардорикъ* удивился таковому безкорыстію, и удерживалъ ихъ учтивыми просьбами, чтобъ они остановились хотя до окончанія Тризнъ, отправляемыхъ въ память его брата. — Мы желаемъ вѣчнаго блажен-

женства Вашему Свѣтлѣйшему брату (сказалъ *Бурновей*, разумѣя причины, побуждающія друга его поспѣшить изъ областей Славянскихъ); но сочтемъ за множайшую милость, когда снабдивъ насъ оружіемъ и коньми, позволите сей часъ предпринять намъ необходимый путь нашъ. *Русимъ* съ своей стороны шепнулъ Князю, что неблагопристойно противиться желанію ихъ, когда уже прошедшаго возвратить не льзя; онъ обѣщалъ своему Князю разсказать и причину, понуждающую ихъ спѣшить въ Винету. *Гардорикъ*, оказавъ великое сожалѣніе, согласился уступить ихъ волѣ; онъ снялъ съ себя золотую цѣпь, и надѣлъ оную на *Вадима*, а *Бурновею* подарилъ великой цѣны съ руки своей перстень, и повелѣлъ *Русиму*, удовлетворя всѣмъ ихъ желаніямъ, проводить ихъ съ честію. Заботливый *Русимъ*, ускорилъ прощеніемъ, и оставивъ празднество, препроводилъ ихъ въ домъ свой. —— ——

Это очень забавно, сказалъ *Изборъ*, что *Вадимъ* самъ выходилъ биться въ честь Тризнъ, для него же учрежденныхъ. Можно смѣяться, подхватилъ *Славоміръ*, слушая нещастія другаго; но другое обстоятельство, когда самому оныя сносить. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, полезнѣе еще и забавнаго извлекать изъ сей повѣсти примѣръ, что нещастіями другихъ шутить не должно,

когда и самыя для престола рожденныя особы не могутъ быть отъ оныхъ безопасны. Старикъ сей готовъ былъ продолжить свои замѣчанія, и по обыкновенію своему обратить оныя въ нравоученія для юнаго Государя: но *Изборъ* смѣкнувши, куда дѣло клонится, ускорилъ удаленіемъ во внутренніе чертоги свои.

ВЕЧЕРЪ XIX.

Должно, чтобъ боги покровительствовали васъ, сказалъ *Русимъ Вадиму*, когда остались они съ нимъ на единѣ; ибо въ недавномъ времяни неизвѣстный человѣкъ разнесъ здѣсь слухъ объ вашей смерти. Слухъ сей истребилъ всякія опасенія съ стороны вашего брата, и онъ принявъ оный за истинный, отмѣнилъ повелѣніе свое, по которому брали подъ стражу всѣхъ чужестранныхъ богатырей. Не сомнѣваюсь, что и вы попались въ темницу таковымъ же образомъ, но удивляюсь; что до сего часа не зналъ я объ немъ, считая, что вы уже давно оставили области Славянорусскія. *Вадимъ* и *Бурновей* разсказали ему приключеніе свое съ отъѣзду изъ главнаго войска. — Хотя чуже-

странцы, продолжалъ *Вадимъ*, осуждались здѣсь въ темницу и на споръ о жизни и смерти, такъ какъ мы; но уповаю, что побѣжденные нами и освобожденные по вашему великодушію богатыри, избѣгли сего нещастія: потому что во время поединку нашего слышали мы голосъ ихъ среди народа. Послѣ сего просилъ онъ *Русима*, чтобъ сіи богатыри чрезъ вѣрныхъ его служителей были сысканы и приглашены въ домъ къ нему. *Русимъ*, исполнивъ по ихъ желанію, поспѣшалъ отправленіемъ ихъ изъ Хомограда, гдѣ со всемъ тѣмъ пребываніе *Вадимово* было не безъ опасности. Между тѣмъ, какъ снабдилъ онъ ихъ добрымъ вооруженіемъ и лучшими коньми съ Княжей конюшни: предстали и означенные богатыри. *Вадимъ*, бросился съ распростертыми руками къ тому, коего онъ побѣдилъ, и возобновивъ благодарность за спасеніе жизни своей отъ него въ Суслахъ, просилъ о удовольствованіи его желанія, почему извѣстна ему возлюбленная его *Брячислава* и перстень, коимъ онъ съ нею обручался? Требованіе ваше не составляетъ для меня тайны, отвѣчалъ сей молодой и прекрасной богатырь: но скажите мнѣ прежде, какое удовольствіе находите вы говорить о такой особѣ, которую время, хотя не очень долгое, истребило изъ вашей памяти? —— Возможноль, вскричалъ *Вадимъ*; чтобъ ко-

гда нибудь сердце и мысли мои могли быть къ тому удобны! Я не нарушалъ клятвъ моихъ, и до конца дней моихъ не нарушу къ моей возлюбленной *Брячиславѣ*. Память ея навѣкъ пребудетъ услажденіемъ и горестію моей нещастной жизни. — Вы принуждаете меня вновь уличить васъ, что память ваша съ словами вашими несогласна. — Какъ? — Черты *Брячиславины* вамъ уже неизвѣстны. — Мнѣ? сказалъ *Вадимъ*, устремя взоры свои на незнакомаго; боги! продолжалъ онъ трепеща во всѣхъ членахъ; твои слова. ... переодѣяніе. ... Ахъ, естьли можетъ быть чудо! Одна мысль сія можетъ умертвить меня радостію. ... Но нѣтъ столько щастія, не для *Вадима*. — Онъ схватилъ незнакомаго за руки, цаловалъ оныя, показывалъ на свое сердце, и не могъ выговорить ни слова. Состояніе его смягчило незнакомаго: струи слезъ покатились по румянымъ щекамъ его, и по симъ движеніямъ *Вадимъ* узналъ свою *Брячиславу*. Любезная! ... вскричалъ онъ, и бросясь къ ней лишился чувствъ. *Бурновей* не въ лучшемъ *Вадимова* находился состояніи; ибо разсматривая другаго богатыря, позналъ въ немъ свою дражайшую *Озану*, кою считалъ въ Бастарніи, подверженную гоненіямъ ея непріятелей; онъ стоялъ предъ нею на колѣнахъ, между тѣмъ какъ *Русимъ* подавалъ помощь безчувственнымъ, *Вадиму* и его возлюбленной. Возможно ли, прекрасная

Оза-

Озана! чтобъ нещастной *Бурновей*, говорилъ онъ, могъ повѣрить глазамъ своимъ? Не мечту ли вижу я? —— Нѣтъ, мой возлюбленный! отвѣчала она; *Озана* нѣкогда учинила васъ нещастнымъ противу воли своей; но постоянная ея къ вамъ любовь, изгнавъ изъ отечества, принудила странствовать по слѣдамъ вашимъ для изгнанія изъ сердца вашего сомнѣнія. — Чета сихъ любовниковъ предавалась своему восхищенію, и дѣлала другъ другу тысячу вопросовъ до объясненія ихъ приключеній; между тѣмъ какъ староанія *Русимовы* привели въ память *Вадима* и *Брячиславу*. *Вадимъ* не вѣрилъ глазамъ своимъ; спрашивалъ у всѣхъ, не спитъ ли онъ, и наконецъ наговорилъ множество словъ содержащихъ въ себѣ много радости и страсти и не имѣющихъ связи. Восторги его никогда бы не кончились, естьлибъ *Русимъ* не припомянулъ, что онъ находится еще въ столицѣ своего брата. Для предупрежденія всякихъ затрудненій приказалъ онъ изготовить все нужное къ путешествію и для новыхъ ихъ товарищей: нѣсколько невольниковъ держали осѣдланныхъ коней, и готовы были исполнять ихъ повелѣнія. *Русимъ* прощаясь, повторялъ *Вадиму* свои совѣты, чтобъ онъ ожидалъ отъ времени перемѣны своей участи, и не забывалъ бы, что выгоды собственныя не должны быть предпочтены выгодамъ отечества.

 Та-

Таковымъ образомъ оставили они Хомоградъ; чрезъ четыре дни находились уже въ предѣлахъ Варягіи и твердо вознамѣрились шествовать ко Двору Готфскому: хотя совѣты *Русимовы* вложили великодушное заключеніе въ сердце *Вадимово*, не искать помощи для пріобрѣтенія оружіемъ своего наслѣдія, но надлежало ему странствовать для пріобрѣтенія безопаснаго мѣста, гдѣ бы можно было прожить до тѣхъ поръ, пока боги перемѣнятъ участь его. *Вуриовей* нашедъ свою *Озану*, считалъ себя довольнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и не хотѣлъ разлучиться съ своимъ другомъ. Они разсказали своимъ любовницамъ приключившееся съ ними во время разлуки. *Брячислава* чрезмѣрно обрадовалась, узнавъ, что братъ ея въ живыхъ находится. Но какъ до сего времяни *Вадимъ* предавался еще токмо восхищенію, которое не допускало его полюбопытствовать, какимъ образомъ возлюбленная его спаслась при погибели Геркуланы; онъ просилъ ее разсказать о своихъ приключеніяхъ, въ чемъ и удовольствовала она его слѣдующимъ образомъ.

Повѣствованіе Брячиславы.

Нѣтъ нужды описывать мнѣ то страшное произшествіе, во время котораго мы разлучились, и съ котораго времяни вы, любезный *Вадимъ*, имѣли причину считать меня

ня мертвою. Сильные удары землетрясенія, начавшіе разрушать зданія, принудили меня, какъ и многихъ другихъ, бѣжать изъ города. Едва успѣла я сѣсть на коня приготовленнаго служителями *Публія Іовиніяна*, и выскакать изъ воротъ, какъ домъ сего Римлянина обрушился. Выѣзжая за городъ встрѣтилась я съ самымъ *Публіемъ*, возвращавшимся съ охоты, за приключившеюся ему головною болѣзнію. Увѣдомила я его объ разрушеніи его дому и опасности медлить въ городѣ: почему онъ пославъ служителя своего къ вамъ, любезный *Вадимъ*, увѣдомить васъ о нашемъ убѣжищѣ, которое рѣшились мы взять на кораблѣ, приготовленномъ для нашего отъѣзду, мы поскакали къ морской пристани; но не успѣвъ еще двухъ сотъ саженъ отъѣхать, оглянувшись съ ужасомъ были свидѣтелями, какъ посланный къ вамъ служитель былъ пожранъ разверзшеюся землею. Когда достигли мы корабля, и сѣли на оной, море начало столь жестоко волноваться, что принуждено было струбить якорь, дабы удалиться отъ береговъ. Вѣтръ понесъ насъ въ открытое море; и сколь ни удалены мы были отъ Геркуланы, но могли видѣть погибель оной, послѣдовавшую отъ огненнаго изверженія Везувія. Не нужно описывать вамъ тогдашнее мое отчаяніе, когда представлялась мнѣ опасность моего возлюбленнаго *Вадима*: онъ находясь въ подобныхъ о

мнѣ

мнѣ заботахъ, легко то себѣ представить можетъ. Наступившая ночь и умножившаяся буря довершили трепетъ нашъ: не осталось намъ надежды къ спасенію на кораблѣ, носимомъ по волѣ вѣтровъ безъ управленія, и въ морѣ, наполненномъ подводными камнями; ибо кормило было оторвано и вѣтрила оборваны. Наконецъ совершилась наша участь; корабль разбило объ камень. Не знаю, что послѣдовало съ великодушнымъ *Публіемъ* и прочими; ибо я сама опомнилась надъ вечеръ другаго дня, бывъ извержена на отломкѣ корабля на берегахъ Кампанскихъ, въ разстояніи отъ Геркуланы верстъ пятидесяти. Сострадательные земледѣльцы, считая меня по мужскому одѣянію за Римлянина, взяли меня въ свои хижины, и старались возстановить истощенныя мои силы. Повѣствованія ихъ о совершенной погибели Геркуланы умножили печаль мою; по тому что я отчаялась въ вашемъ, любезный *Вадимъ*, спасеніи. Все то соединясь, повергло меня въ болѣзнь, продолжавшуюся двѣ недѣли. По выздоровленіи моемъ старалась я чрезъ моихъ благодѣтелей достать себѣ коня и полное вооруженіе, заключивъ, что въ одѣяніи странствующаго богатыря безопаснѣе могу продолжать путь и поиски мои; оставшіеся у меня дорогіе камни, которые вручили вы мнѣ отъѣзжая на охоту, облегчили мое желаніе. Первое мое стараніе состояло

въ

въ развѣданіи объ васъ (говорила *Брячислава Вадиму*): я прибыла къ тому мѣсту, гдѣ стояла цвѣтущая Геркулана, и видѣла токмо черную гору курящихся еще камней и пеплу. Всѣ окрестности ея, по которымъ я развѣдывая объ васъ, пріѣзжала, показывали остатки всеобщаго пожару: земля представлялась обнаженною, и опаленныя древеса не имѣли на себѣ листу. Оставшіеся въ живыхъ жители разбѣжались въ розныя мѣста; а изрѣдка встрѣчавшіеся со мною не могли мнѣ подать ни малаго объ васъ извѣстія. Куда мнѣ было прибѣгнуть опричь моего отечества! И въ оное направила я путь мой, проливая слезы объ моемъ served уронѣ. Щастіе опредѣлило подать мнѣ облегченіе въ печали избраніемъ самаго того пути, по которому слѣдовалъ возлюбленный мой *Вадимъ*; описанія, сдѣланныя отъ видѣвшихъ его, и вопросы его у нихъ о *Брячиславѣ*, увѣрили меня, что онъ не токмо живъ, но и слѣдуетъ въ Дакію. Таковымъ образомъ поспѣшала я въ мое отечество, разспрашивая всюду о проѣхавшемъ богатырѣ *Вадимѣ*, и находились уже въ странѣ Бастарновъ —— Ахъ! я припомнилъ теперь, сказалъ *Вадимъ*, обратясь къ *Озанѣ*, что я слышалъ отъ васъ о проѣзжемъ богатырѣ, спрашивавшемъ обо мнѣ вашего брата! безъ сомнѣнія была то моя возлюбленная *Бря*-

числава. Сколькихъ бы печалей избѣгъ я, естьли бы судьба моя позволила съ вами повстрѣчаться! Не увѣрился бы я въ ея смерти и не подалъ бы ей причины къ несправедливымъ подозрѣніямъ о моемъ постоянствѣ. — *Брячислава* истребила сіе горькое замѣчаніе своего возлюбленнаго нѣжнымъ поцалуемъ, и продолжала повѣсть свою. — Страна, которою я проѣзжала, была тогда опаснѣе, нежели обыкновенно для странственниковъ: Бастарны, повсегда склонные къ грабежамъ, возгордясь нѣкоторыми успѣхами въ войнѣ противу Римлянъ, вышли изъ повиновенія къ своимъ начальникамъ, и разсѣявшись всюду, производили по всѣмъ дорогамъ страшные разбои. Я по нещастію впала къ нимъ въ руки, и не сочтя за полезное обороняться противу множества, была плѣнена; и по приведеніи къ Меотискому морю обще съ другими плѣнниками, продана Фракійскому купцу, торгующему невольниками. Новой господинъ мой, не вѣдая объ моемъ полѣ, повезъ меня въ Средиземное море, надѣясь продажею Грекамъ получить за меня хорошую прибыль; однако возставшая буря отнесла корабль его къ Сирійсскимъ берегамъ. Трипольскій разбойникъ набѣжалъ на насъ тогда, какъ по утишеніи бури намѣрены мы были возвратиться къ Греческимъ островамъ; произошло жестокое сраженіе. Я не

надѣясь лучшаго со мною поступка отъ варваровъ, чемъ отъ Фракійца, вздумала оказать помощь послѣднему, уповая, что въ случаѣ удачи можетъ быть подвигну его къ великодушію и получу отъ него свободу. Въ семъ намѣреніи уговорила я къ тому многихъ Славянъ, сидѣвшихъ со мною въ нижней части корабля подъ карауломъ: мы разломали двери, отняли у приставовъ нашихъ сабли, и пробравшись въ запасную оружейную, всѣ бѣжали вооружась на помощь нашему господину. Фракіянецъ пришелъ въ смятеніе, нашедъ себя между двухъ непріятелей; но я ободрила его увѣреніями, что мы приняли оружіе для защищенія его. Да даруютъ боги, вскрикалъ онъ съ радости, чтобъ великодушное ваше дѣло не осталось безъ награжденія! Сиріянцы имѣли уже нѣкоторыя выгоды въ своемъ нападеніи, половина почти Фракійцовъ была отъ нихъ побита, и многіе изъ нихъ вскоча на нашъ корабль производили ужасное кровопролитіе. Но когда мы приспѣли, сраженіе получило другой видъ: Сиріянцы бывшіе на нашемъ кораблѣ не успѣли возвратиться, и пали отъ нашихъ сабель. Мы возпользовались смятеніемъ, произшедшимъ отъ того на разбойничьемъ кораблѣ; ворвались на оный, большую часть варваровъ побили, а прочихъ принудили отдаться въ плѣнъ. Фракіянецъ,

увн-

увидѣвъ себя избавленна отъ предстоящей неволи, и получившимъ великую добычу на разбойничьемъ кораблѣ, приносилъ намъ благодарность, и по возвращенiи своемъ въ Византiю обѣщалъ учинить намъ опыты своего признанiя. Прибравъ плѣнныхъ Сирiйцовъ и добычу на свой корабль, зажгли мы разбойничье судно, а сами поплыли къ проливу Фракiйскому. На пути господинъ нашъ хотя еще не объявилъ намъ свободы, но были мы отъ него содержаны не такъ, какъ невольники; онъ приставая къ Греческимъ островамъ, распродалъ плѣненныхъ Сирiянцовъ; и проплывъ проливъ, благополучно вошелъ въ Византiйскую пристань. Я удивилась, вступя въ домъ сего купца, когда нашла оный по огромности, богатству и множеству рабовъ обоего пола, сходствующiй болѣе на Дворецъ какого нибудь Государя, чемъ на купцовъ, которой торгуетъ невольниками. Мы угощаемы были чрезъ нѣсколько дней великолѣпно, и по обращенiю съ нами господина нашего не сомнѣвались, что получимъ отъ него въ воздаянiе оказанной ему услуги свободу. Въ самомъ дѣлѣ, призвалъ онъ меня наконецъ съ прочими Славянами, участвовавшими въ спомоществованiи ему, и говорилъ обратясь ко мнѣ: Почтенный *Дакъ*! (такъ называлась я со вре-

времяни моего плѣну) великодушный поступокъ вашъ избавляетъ васъ отъ плѣна; я считалъ бы себя проклятія достойнымъ, когда бы отлагалъ далѣе явить вамъ признаніе мое возвѣщеніемъ вашей свободы. Сколь ни важны обстоятельства, принуждающія меня еще потребовать нѣкоторой отъ васъ услуги: но я не осмѣливаюсь предложить вамъ объ оной, когда вы не позволите мнѣ объяснить то подъ видомъ прозьбы, или свободнаго договора. — Я взглянула на моихъ товарищей, и примѣтивъ на лицахъ ихъ согласіе узнать о требованіи Франціянца, сказала ему: все, что уклоняется отъ добродѣтели, не удобно войти въ желанія особы, подобной вамъ въ великодушіи; почему мы ожидаемъ объясненія вашего требованія. Примѣчаю я, отвѣчалъ на это бывшій нашъ господинъ съ видомъ удовольствія, что вы всѣ люди военныя и пріобыкшія служить съ оружіемъ. Не будете ли вы согласны вступить въ службу *Марободуна*, Короля Маркоманскаго, моего сродника? онъ имѣетъ надобность по нѣкоторымъ намѣреніямъ своимъ противу враждебныхъ сосѣдей въ воинахъ испытанной храбрости для пріумноженія силъ своихъ. Я предлагаю вамъ наемъ, и обѣщаюсь заплатить при отъѣздѣ вашемъ отсюду по два фунта серебра въ задатокъ; я снабжу васъ коньми и оружіемъ, а притомъ о цѣнѣ жалованья оставляю договариваться

съ самымъ *Марободуномъ* по вашему благоразсужденію. Вы, почтенные Славяне, видите (продолжалъ онъ), что сіе предложеніе, приближая васъ къ вашему отечеству, облегчитъ и трудности, съ таковымъ длиннымъ путемъ до онаго соединенныя. Сверьхъ того останется въ вашей волѣ не принять службы сей, когда условія ваши тамъ не будутъ для васъ выгодны; а сребро, данное мною вамъ въ задатокъ, почтено мною будетъ за даръ, оказанный съ стороны моей къ вашему одолженію. — Всѣ товарищи мои сочли предложеніе сіе за усугубленіе благодѣянія *Фракіянцова*, и съ радостію на оное согласились; я сама хотя не имѣла надобности въ помощи сей къ возвращенію моему въ отечество въ разсужденіи дорогихъ камней, сбереженныхъ мною отъ грабежа Бастарновъ: но находила способъ сей безопаснѣйшимъ для пути въ обществѣ множества храбрыхъ людей. Между тѣмъ, какъ прочіе пошли пріуготовляться въ дорогу, *Фракіянецъ* остановилъ меня, и наединѣ удовлетворилъ любопытству моему вѣдать, какимъ образомъ купецъ, торгующій невольниками, могъ быть въ союзѣ съ владѣтельнымъ Государемъ. — Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ, странно кажется вамъ, что я промышляя торговлею, нахожусь соединенъ ближнимъ родствомъ съ Государемъ Маркоманскимъ; я объясню вамъ оное; предки мои происходятъ отъ рода

Фра-

Фракійскихъ Царей, и дѣдъ мой, бывъ требователемъ престола своихъ предковъ, принужденъ искать убѣжища своего при Дворахъ чужестранныхъ Государей, когда Римляне учинились властителями Фракіи. Судьба привела его къ Королю Маркоманскому, гдѣ онъ достоинствами своими пріобрѣлъ сердце дочери его, и былъ почтенъ совершеніемъ сего союза. Таковымъ образомъ отецъ мой, родившись отъ Королевны тетки *Марбодуновой*, былъ двоюродной братъ сему Государю. Дѣдъ мой провелъ жизнь свою въ Маркоманахъ, всегда искавши чрезъ разныя, но безуспѣшныя средства, ослабить власть Римлянъ во Фракіи: неудачи повергли его въ уныніе, прекратившее дни его. Отецъ мой остался наслѣдникомъ пустаго права; бунты, происходившіе въ Маркоманахъ, понудили его оставить сіе Государство: и какъ отечество для всѣхъ бываетъ любезно, возвратился онъ въ Византію подъ скрытымъ имянемъ. Чтобъ лучше отвлечь отъ себя подозрѣнія, началъ онъ торговлю невольниками. Промыслъ сей столько былъ прибыточенъ, что собралъ онъ великія сокровища, которыя оставилъ мнѣ послѣ себя въ наслѣдство. Онъ умирая, запретилъ мнѣ помышлять о правѣ предковъ своихъ на Фракію, и подтвердилъ продолжать торговлю. Ты проживешь спокойнѣе, нежели бы могъ ты

ожидать сего отъ невозможнаго пріобрѣтенія престола, говорилъ онъ мнѣ. Средственное избранное мною состояніе, и выгоды, пріобрѣтаемыя отъ собственныхъ трудовъ своихъ, награждаютъ миромъ дни мои, чего бы не имѣлъ я никогда, хотя бы достигъ самаго вѣнца Римскихъ Кесарей. Многія другія наставленія его казались мнѣ столь истинными, что я онымъ послѣдовавъ, провождаю вѣкъ мой въ изобиліи и покоѣ. Между тѣмъ бывалъ я и у сродника моего въ Маркоманахъ. *Марободунъ* по добродѣтелямъ своимъ не считаетъ, чтобъ унижало его родство со мною, и не взирая на различіе нашихъ состояній, пользуюсь я совершеннымъ его дружествомъ. Оное принуждаетъ меня обращать часть богатствъ моихъ въ его пользу. Я стараюсь всѣхъ богатырей и другихъ храбрыхъ людей, встрѣчающихся мнѣ въ моихъ путешествіяхъ, склонять къ вступленію въ его службу, и тѣмъ умножать силу войскъ его. *Марободунъ* давно уже имѣетъ намѣреніе пріобрѣсть оружіемъ страну Квадовъ, на кою Маркоманы считаютъ древнее право. Поступокъ *Раслава*, сына Квадскаго Князя, умножилъ ненависть его и кроющееся мщеніе. Слышно, что онъ злодѣйски похитилъ дочь *Асамры*, дочери *Марободуновой*, находящейся въ супружествѣ за Княземъ Болгарскимъ. Хотя отецъ *Раславовъ* и не одобряетъ тако-

коваго поступка своего сына; но со всемЪ тѣмЪ сЪ ихЪ стороны прибавляется неприязнь кЪ неприязни, и понуждаетЪ *Марободуна* начать войну сЪ Квадами. Шествуйте, почтенный *Дакъ*, ко Двору моего родственника, гдѣ храбрость ваша имѣетЪ пространное поле кЪ прославленiю вашего имяни; а притомЪ мое одобренiе прiобрѣтетЪ вамЪ отличiе отЪ прочихЪ вашихЪ товарищей, коего вы достойны. Я не любопытствую проникать вЪ тайну вашего произхожденiя; но увѣренЪ изЪ поступковЪ вашихЪ, что вы далеко превышаете прочихЪ СлавянЪ, бывшихЪ сЪ вами вЪ моей неволѣ. — Я отблагодарила Франкiянца за его благосклонныя ко мнѣ расположенiя; онЪ вручилЪ мнѣ грамоту кЪ Королю, дядѣ своему, и снабдивЪ насЪ коньми, оружiемЪ и обѣщаннымЪ сребромЪ, отпустилЪ вЪ путь. Я имѣла щастiе прiобрѣсти довѣренность моихЪ товарищей, и избрана отЪ нихЪ вЪ пути нашемЪ начальникомЪ; мы прибыли безпрепятственно ко Двору Маркоманскому. Мы не застали *Марободуна* вЪ столицѣ его; потому что онЪ готовясь начать войну сЪ Квадами, отбылЪ кЪ войску собирающемуся близь границЪ. Представили насЪ Королевѣ, его супругѣ, которая, прочитавЪ грамоту, приняла меня благосклонно, и повелѣла ближнему своему Бoярину, сдѣлавЪ договорЪ сЪ прочими воинами,

отправить оныхъ въ войски къ своему супругу. Что до васъ касается, говорила она мнѣ, я почитая васъ рожденнымъ не для столь низкихъ условій, оставляю на вашу волю, слѣдовать ли къ моему супругу для сыскаиія славы, или остаться при Дворѣ нашемъ, или отъѣхать куда угодно. —— Признаюсь, говорила *Брячислава*, что полъ мой созданъ не для войны: сердце мое понуждало меня искать моего возлюбленнаго *Вадима* при Дворѣ моего родителя, и предложеніе Королевы Маркоманской облегчило нѣкоторымъ образомъ затрудненіе, которое имѣла я въ освобожденіи себя честнымъ образомъ отъ условія заключеннаго съ *Фракіянцемъ*. —— Великомочная Королева! отвѣчала ей я, обстоятельства мои перемѣнились со времяни отъѣзда моего изъ Византіи: возвращеніе въ мое отечество учинилось необходимымъ, и я испращиваю милостиваго позволенія отъ Вашего Величества, остаться при Дворѣ вашемъ до времяни, какъ я получивъ нѣкоторыя извѣстія, могу рѣшиться служить въ войскахъ вашихъ, или поспѣшить въ домъ мой. Королева позволила мнѣ сію милость, и повелѣвъ участвовать за столомъ ея, оказывала мнѣ многіе знаки своего благоволенія. Пробывъ при Дворѣ Маркоманскомъ болѣе двухъ недѣль, въ которыя дожидалась я отвѣту на письма мои,

въ

въ Дакію посланныя, отчасу пріобрѣтала я довѣренность сей Монархини; а особливо дочери ея, Королевны *Цедальмы*. Съ самаго пріѣзду моего въ страну сію примѣчала я нѣкоторую скрытую печаль на лицахъ прекрасной сей Королевны и самой ея родительницы. Благопристойность долго удерживала меня отъ любопытнаго желанія узнать причину оныя; но наконецъ изъ сострадания рѣшилась я на то осмѣлиться. Какъ имѣла я свободный входъ въ чертоги *Цедальмины*, то употребила послѣобѣденное время притти къ ней, и спросить о причинѣ скрытной ея скорби. Я нашла ее сидящую одну въ великомъ уныніи, и испускающую тяжкіе вздохи. Свѣтлѣйшая Королевна! сказала я ей; великодушіе ваше можетъ извинить дерзость, происходящую отъ моего къ вамъ усердія. Не могу я равнодушно взирать на печаль, всегда васъ окружающую: вознамѣрился я предложить мои услуги, естьли оныя могутъ съ пролитіемъ крови моей быть полезны вамъ, и облегчить причины скрытой вашей горести. Естьли удостоите меня таковой довѣренности, и откроете мнѣ ваше таинство, можетъ быть я разсмотрѣвъ обстоятельства, изыщу средство возвратить вамъ спокойство. Королевна взглянула на меня съ удивленіемъ, и по нѣкоторомъ молчаніи сказала: храбрый богатырь! сожалѣніе ваше обо мнѣ дока-

зываетъ о благородствѣ вашихъ чувствованій. Вы первый на свѣтѣ человѣкъ, принявшій участіе въ моихъ нещастныхъ обстоятельствахъ, содержащихъ меня въ безпрестанной печали. Вы доказываете, что въ вашемъ отечествѣ больше великодушныхъ людей, нежели въ моемъ, когда поднесь еще здѣсь никто не выискался могущій за меня вступиться. Поведенія ваши давно уже заслуживаютъ мою довѣренность; и я не нахожу по тому причинъ скрывать отъ васъ мое приключеніе. Она приказала мнѣ сѣсть, и начала разсказывать объ ономъ слѣдующимъ образомъ.

Мы послушаемъ объ ономъ въ слѣдующій вечеръ, сказалъ *Изборъ*, вставая къ возвращенію въ свои чертоги. — Это будетъ ежели вы откажете въ моей прозьбѣ, сказалъ *Уклонъ*. О чемъ ты просишь? говорилъ *Изборъ*. Голова моя, отвѣчалъ любимецъ его, давно уже обременена Сказкою, которую я желаю выпустить на свѣтъ въ угодность вашу. Языкъ мой съ тѣхъ поръ, какъ повѣсть *Вадимова* начала обременять свѣтлѣйшія уши Вашего Величества, находится въ таковомъ недѣйствіи, что скоро можетъ позабыть свою должность. Позвольте мнѣ въ слѣдующее вечернее засѣданіе поговорить въ мою очерядь. Правда и то, что въ моей Сказкѣ нѣтъ ни одного

бо-

богатыря, ни малѣйшаго побоища; однако надѣюсь я, что оная понравится Вашему Величеству. — Хорошо! сказалъ *Изборъ*, завтра ты начинай; а *Голованъ* между тѣмъ можетъ подумать, какъ бы удачнѣе выпростаться изъ приключеній, столько спутанныхъ, и поистиннѣ нѣсколько скучныхъ. Въ слѣдствіе сего повелѣнія *Уклонъ* на другой день въ обыкновенное время, какъ скоро отворилъ свой ротъ, то и вылетѣла изъ онаго нижеписанная

СКАЗКА

О Царицѣ Добротнѣвѣ.

ВЕЧЕРЪ XX.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, коего въ нынѣшнее время не льзя уже отыскать ни въ одной части свѣта; въ нѣкоторомъ царствѣ, говорю я, не было ни Царя, ни Царицы; оба они кончили жизнь въ одинъ день. Вельможи разсуждали, что таковая смерть составляла Политическую ухватку, произведенную съ искуснымъ проворствомъ. Женщины увѣряли, что супруги учинились жертвою своей си-

патіи. Жрецы проповѣдывали народу, что раздраженные боги попустили сіе ужасное произшествіе для устрашенія земныхъ жителей. Народъ въ трепетѣ возглашалъ то за чудо, возсылалъ вопль свой къ умилостивленію Небесъ, и старался жертвоприношеніями и тысячьми обѣтовъ обезоружить гнѣвъ ихъ; а между тѣмъ, чтобъ не удалиться отъ свойственнаго себѣ заблужденія, обвинялъ не давно появившуюся комету, которая три мѣсяца уже мучила Астрономовъ надъ вычисленіями, а дураковъ надъ заключеніями, и ей единственно приписывалъ честь сего нечаяннаго удару.

Дѣло въ существѣ состояло лишь въ томъ, что Царь и Царица умерли просто, по тому, что умереть надлежало: одинъ только случай учредилъ обстоятельство; но въ семъ царствѣ имѣли дурачество вѣрить, что ничего по случаю не произходитъ во Дворцахъ Царскихъ. Въ сей вещи не разнствовали они отъ прочихъ народовъ въ свѣтѣ: они имѣли также обычай, вѣру, законы, и не по весьма странному предразсудку состояли вѣрноподданными изъ доброй воли; ибо то ввелось изстари. Отцы наставляли въ сихъ понятіяхъ дѣтей своихъ съ самаго того времяни, какъ оныя начинали понимать себя; они внушали имъ съ подобострастнымъ уваженіемъ безпредѣльное почтеніе къ богамъ, любовь къ отечеству

и

и неутомимую ревносшь къ защищенію законовъ. Въ таковыхъ понятіяхъ народъ долженствовалъ быть благополученъ. Онъ былъ таковымъ въ самомъ дѣлѣ, и отъ сего страна сія называлась *блаженнымъ Царствомъ*. Въ самомъ дѣлѣ страна оная была пріятнѣйшая на свѣтѣ: умѣренность воздуха, зелень, цвѣты и плоды, никогда не повреждались въ ней отъ дыханія суровыхъ вѣтровъ; земля приносила все нужное безъ трудовъ рукъ человѣческихъ; сладостная праздность была неисчерпаемымъ источникомъ блаженства обитателей, и время ихъ не посвящалось, кромѣ вкуса, которой имѣли они къ свободнымъ художествамъ и забавамъ.

Престолъ въ сей странѣ не былъ наслѣдственный. Когда оный опорожнялся, чины Государственные собирались на пространную долину, находившуюся въ срединѣ сего царства; однѣ только женщины имѣли право засѣдать въ таковомъ собраніи, и занимали мѣста по различію достоинства своихъ супруговъ; и чтобъ удержать свободу говорить всѣмъ вдругъ, избраніе повсегда совершалось среди величайшаго крику. Начинали избраніемъ Царицы: оная была коронуема на томъ же мѣстѣ, и въ торжествѣ относима въ Транъ Тараранъ столичный городъ; тамъ пребывала она цѣлой годъ, не вмѣшиваясь въ Государственныя дѣла, кои исправлялись чрезъ

Со-

СовѢтъ Правленія. Единственное ея попеченіе въ теченіи сего времяни заключалось въ выборѢ себѢ изъ молодыхъ придворныхъ господъ супруга, коего объявить надлежало ей въ послѢдній день года. —— Царица и Царь должны были избираться изъ знатнѢйшихъ домовъ страны той. ЦарицѢ слѢдовало быть не моложе пятнатцати и не старѢе осмнатцати лѢтъ; чтобъ оная была прекрасна, разумна, весела, милостива, и еще неискусившаяся въ любви. ПослѢднее обстоятельство наносило чрезмѢрныя затрудненія, и по предразсудкамъ дѢвицъ, срокъ возраста въ послѢдствѢ убавленъ тремя годами.

ЛѢта Царю опредѢлялись отъ шестнатцати до дватцати. Законъ требовалъ, чтобъ оный въ удовлетвореніе невинности Царицыной пылалъ къ ней истинною любовію; чтобъ она имѢла къ нему нѢжность чистосердечную; и чтобъ любовь ихъ возпріимала начало въ теченіи года, опредѢленнаго для выбору.

Царство сіе въ началѢ надлежало волшебницѢ *ОбрадѢ*, владычествующей надъ великимъ сосѢдственнымъ государствомъ. Волшебница сія пожаловала оное въ знакъ милости своей первой ЦарицѢ, *РозѢ* имянемъ, которую воспитала вмѢсто дочери, и при возведеніи ея на престолъ предписала всѢ озна-

означенные законы; она обязала народЪ, жрецовЪ и вельможЪ подЪ торжественною присягою наблюдать оныя вЪ родЪ и родЪ безЪ малѣйшаго нарушенія. Она бодрствовала сЪ крайнимЪ раченіемЪ, чтобЪ законы сіи сохранялись: и для того предоставила себѣ право покровительства надЪ симЪ царствомЪ. Когда избраніе Царицы совершалось, появлялась она всегда вЪ колесницѣ, запряженной двѣнатцатью тысячею цвѣтныхЪ бабочекЪ. СЪ помощею нѣкоего чуднаго телескопа могла она вмигЪ видѣть, имѣетЪ ли избранная дѣвица всѣ свойства, опредѣленныя законами.

Естьли выборЪ былЪ по силѣ и разуму уставовЪ, утверждала она его ударомЪ волшебной палочки, сопровождаемымЪ громогласнымЪ восклицаніемЪ отЪ народа: ура! ура! Но естьли по нещастію открывала она каковой либо порокЪ вЪ избранной, по одному движенію воли ея солнце затмѣвалось, начинались страшные громы, земля колебалась, и разсѣвшись сЪ пламеннымЪ потокомЪ и смраднымЪ дымомЪ извергала чудовищнаго змія, который, испуская ужасный ревЪ, бѣгалЪ три дни и три нощи по всѣмЪ частямЪ государства. Жители вЪ сіе время бѣжали, куды зря; и чудовище вЪ концѣ третьихЪ сутокЪ уходило вЪ море. Волшебница сама избрала Царицу, и спокойно возвращалась

до-

домой, надѣлавъ много шуму и мало вреда. Все наказаніе состояло на примѣръ лишь въ томъ, что не удачно выбранная въ Царицы осуждалась на всю жизнь не имѣть въ щекахъ румянцу, или лишиться двухъ переднихъ зубовъ; или, что всего злѣе, во всю жизнь сидѣть противу женщины весьма предъ нею прекраснѣйшей. Однакожъ послѣднее наказаніе употреблялось токмо въ великихъ погрѣшностяхъ. Въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ только двѣ нещастныя дѣвицы осуждены были съ таковою строгостію. Самаго крѣпчайшаго сложенія изъ двухъ оныхъ не выдержала сего наказанія, и умерла въ исходѣ третьяго мѣсяца.

Въ то мгновеніе ока, когда Царица произносила имя избраннаго по сердцу своему супруга, волшебница *Обрада* появлялась во всей пышности, приличной ея достоинству. Пять сотъ исполиновъ, покрытыхъ латами и имѣющихъ въ рукахъ тысячепудовыя дубины, становились на часы у дверей Дворцовыхъ: столько же карликовъ въ розовыхъ кафтанахъ съ серебрянымъ позументомъ по швамъ, занимали стражу внутри чертоговъ; двѣнатцать духовъ, изъ первѣйшихъ вельможъ Двора ея, одѣтыхъ въ тафту небеснаго цвѣту съ шитьемъ, украшеннымъ жемчугомъ и алмазами, занимали мѣсто по обѣимъ сторонамъ ея престола;

так-

также двѣнатцать волшебницъ, составляющихъ придворныхъ госпожъ ея, въ парчевыхъ платьяхъ съ яхонтовыми накладками, садилися на поставленныхъ скамѣечкахъ изъ восточнаго хрусталю. *Обрада* поздравляла Царицу малымъ наклоненіемъ головы, изображающимъ ея величество: избранный любовникъ приближался къ подножію престола, волшебница устремляла на него взоръ; сего довольно было: она читала въ его сердцѣ. Естьли сей краткой опытъ былъ для него благосклоненъ, въ тотъ мигъ провождали его въ храмъ. Царица приходила туда нѣсколько минутъ послѣ, жрецы приносили жертвы, совершали священные обряды и сообщали новобрачнымъ съ стороны небесъ пріятное позволеніе предаться свободно всѣмъ утѣхамъ любви. Волшебница ввечеру надѣвала на Царицу свое бѣлье; оказывала ей честь провожденіемъ на брачное ложе, и послушавъ нѣсколько у дверей, возвращалась домой для успокоенія по таковыхъ трудахъ. —— Но естьли напротивъ проницательные волшебницыны взоры открывали въ избранномъ чувствованія, закономъ запрещаемыя: прекрасной день превращался въ мрачную ночь, земля тряслась, Дворецъ колебался въ своемъ основаніи; смятеніе и ужасъ украшались въ добавокъ явленіемъ привидѣній всякихъ видовъ. По щастію не

дол-

долго то продолжалось: блистающій огнь вылеталь изь престола *Обрадина*, разгоняль тьму, укрощаль трепеть и производиль всеобщую тишину. Волшебница касалась палочкою своею вероломнаго любовника, и превращала его на томь же месте вь малаго зеленаго червячка. Старшій изь комнатныхь Боярь браль золотыя счипчики, и выкидываль онаго за окно вь садь дворцовой; Волшебница между темь избирала сама достойнаго Царице супруга, и остатокь происходиль вь радости и глубокой тишине.

Воображають можеть быть некоторые, что условія, предписанныя вь семь государстве кь достиженію короны, учиняли избраніе весьма труднымь: но ошибаются. Все человеки учреждаются своею корыстію; и воспитаніе, употреблявшееся при ономь Дворе, доставляло обоимь поламь способь сохранять сердца свои оть сетей любовныхь до времени, вь кое могли они надеяться достигнуть высочайшаго достоинства. Знатныя девицы воспитываемы были вь самомь тончайшемь искусстве нравиться (при Дворе Трантараранскомь по опыту ведали, что страсть нравиться всегда заглушаеть чувствованія). Искусство оное до того простиралось, что довольно было госпожь, кои имели славу таскать за победоносною колесницею

цею своихъ прелестей дюжины по двѣ молодыхъ господчиковъ, живыхъ, быстрыхъ и ловкихъ, естьлибъ только захотѣли испытать настоящую страсть. Не чувствуя никогда любви въ своемъ сердцѣ, наслаждались они всѣми ея выгодами, были упоены всѣми ея утѣхами, воображали, что оная имъ извѣстна, провѣщали оную и взирали на оную какъ на духа, хранителя ихъ жизни; но прежде тридцати лѣтъ она имъ была неизвѣстна, и послѣ сего срока познавали они, что никого еще не любливали, опричь самихъ себя.

Молодчики родились почти всѣ волокитами, и воспитаніе удивительнымъ образомъ изощряло сіе дарованіе, такъ что возводило оное до вышнего совершенства. Съ самаго нѣжнѣйшаго возрасту они не знали, не желали и не искали, опричь поверьхности утѣхъ. Во всемъ царствѣ онемъ едва ли находилось двое въ постоянныхъ обязательствахъ, произходящихъ отъ истинной любви. Между тѣмъ всѣ щитали себя съ любовницами, и помѣщались по обстоятельствамъ глядя. Молодчики провождали дни свои въ перемигиваніи, любовныхъ объясненіяхъ, ссорахъ, свиданіяхъ и мнимомъ щастіи. Они бѣгали, распѣвали, вертѣлись, обнимались, врали, шутили, смѣялись первые своимъ острымъ словамъ, запутывали,

черты смысла игрою словъ, и производилъ то вдругъ безъ разсужденія и намѣренія.

Всеобщее наконецъ мнѣніе замыкалось въ томъ, что любовь не должна имѣть оковъ: никто не хотѣлъ знать, опричь ея поверьхностей; тщетное понятіе о свободѣ, обманывая придворныхъ, господствовало надъ ними. Необходимость, въ которой находились Царь съ Царицею любить другъ друга во всю жизнь свою, щитаема была за ужасное рабство. Таковой предразсудокъ служилъ вмѣсто панцыря сердцамъ молодыхъ господъ; всѣ обстоятельства стекались для учиненія оныхъ твердыми и подаянія имъ виду разума. Естьли по случаю открывали между придворныхъ чету, соединенную нѣжнымъ союзомъ, тотчасъ учинялась оная предметомъ всеобщаго посмѣянія; Стихотворцы, рачительные о пользахъ государства, спѣшили вывести то на позорищѣ народномъ какъ бы порокъ опасный, удобный возмутить чистоту нравовъ, или спокойство въ обществѣ.

Дворъ выходилъ изъ одного таковаго зрѣлища, въ которомъ представлены были мужъ и глупая жена, любившая другъ друга истинно, и не взявшія предосторожности скрыть таковую слабость. Представленіе сіе удостоено великихъ рукоплесканій отъ тѣхъ госпожъ, коихъ сочинитель вы-

хва-

хвалилЪ и кои какЪ бы ненарочно тутЪ случились, Начали объ ономЪ говорить на всѣхЪ вечеринкахЪ ТрантараранскихЪ; какЪ нечаянно получено извѣстіе о смерти Царя и Царицы.

ВЪ тотЪ же часЪ разосланы повелѣнія для созванія ГосударственныхЪ членовЪ; оные собрались чрезЪ три дни, и всѣ голоса соединились вЪ пользу прекрасной *Доброгнѣвы*. Она была единочадная дочь *Радоміра*, отправлявшаго чрезЪ долгое время чинЪ перваго Вельможи вЪ государствѣ. ОнЪ умерЪ за шесть мѣсяцовЪ предЪ тѣмЪ вЪ почтеніи отЪ дворянства, и былЪ оплаканЪ отЪ народа. ОнЪ былЪ первый сЪ основанія царства сего, осмѣлившійся установить позволеніе, продавать свое имѣніе для пользЪ Государственных: и одинЪ только имѣлЪ славу воспользоваться симЪ великодушнымЪ правомЪ. Дочь его наслѣдовала послѣ него одну только любовь кЪ отечеству, и безЪ сомнѣнія за сіе чувствованіе пріобрѣла всѣ голоса кЪ своему избранію. Она имѣла вЪ себѣ не меньше прелестей, красоты, разума и веселости, сколько и добродѣтелей отца своего. Предметы повсегда становятся прекраснѣйшими чрезЪ посредство признанія. Жаль только, что не такЪ часто глаза ихЪ усматриваютЪ. ВыборЪ *Доброгнѣвы* былЪ подтвержденЪ волшебницею *Обрадою*. Она отнесена во ДворецЪ, и тотчасЪ окружена всѣми любви достойны-

ми молодчиками, кои въ самомъ дѣлѣ таковы были, или только быть чаяли.

Доброгнѣва вступала въ шеснатцатый годъ: она имѣла волосы и брови черныя, глаза большіе, голубые, нѣжные и живые; станъ прекрасной, руки удивительныя, ноги прелестныя, пріятную усмѣшку и зубы цвѣту наилучшаго. Не взирая на родъ воспитанія своего, свойство ея клонилось къ уединенію: она была щеголихою меньше по вкусу, чѣмъ по обыкновенію: примѣры влекли ее за собою, но еще не испортили: бывъ меньше вертопрашна, нежели обычайно въ Трантараранѣ, она разсуждала больше десяти разъ въ своей жизни, и усмотрѣла въ сердцѣ своемъ нѣкоторую пустоту. Таковое открытіе почти обыкновенно бываетъ предшествіемъ чувствованія; но окружающіе ее предметы были тому противны. Учинившись Царицею, познавши законы Государственные, созданная можетъ быть больше прочихъ къ содѣланію онымъ чести, подумала, что надлежитъ ей не шутя помыслить о начертаніи, коему должно ей послѣдовать. Она объявила торжественно, что удѣляетъ часъ изъ каждаго дня для размышленій.

Дворъ приведенъ былъ въ замѣшательство таковымъ необыкновеннымъ вознамѣреніемъ; похвалялъ оное съ восторгомъ въ ея присутствіи, и охуждалъ громогласно,

ко-

когда Ея Величество не могла того слышать. Но намѣреніе ея тѣмъ не нарушилось; она принимала трудъ размышлять въ присутствіи всѣхъ Придворныхъ. По силѣ своихъ разсужденій нашла она наконецъ, что для ученія благоразумнаго выбора, надлежитъ ей закрыть глаза въ разсужденіи наружныхъ пріятностей искателей короны, открывать оныя на ихъ недостатки, сравнивать то и другое, и рѣшиться только въ пользу того, коего бы пріятности и дарованія имѣли въ себѣ меньше смѣха достойнаго.

Таковое щастливое открытіе успокоило ее, надлежало лишь онымъ возпользоваться; но вещь сія и составляла затрудненіе. Всѣ искатели престола казались ей равно любви достойными; потому что всѣ хвалили красоту ея, искали ея благосклонности, говорили съ нею страстно, и давали для нее ежедневно новыя празднества. Увы! тщеславіе прельщало ее, и одна только любовь удобна была вразумить ее.

Она была на примѣръ обворожена веселымъ нравомъ, пріятнымъ голосомъ господина *Алмаза*. Онъ сочинялъ для нее прекраснѣйшія на свѣтѣ сказки, которыми Дворъ восхищался, и только изъ почтенія къ Царицѣ не смѣялись, когда онъ говорилъ. За три мѣсяца предъ тѣмъ покорилъ онъ нѣжную *Опалу*; пропасть совмѣстниковъ

уступили ему побѣду, и сопротивленіе оныхъ возвысило его славу. *Опала* была женщина великой красоты и весьма склонная къ нѣжности, составляющей предметъ желаній всѣхъ любовныхъ героевъ. Она уступила воображенію истинной привязанности; она чаяла, что *Алмазъ* влюбленъ чистосердечно, и съ алчностію искала сей славы; но сіе завоеваніе подобно было прочимъ его побѣдамъ. Онъ покорилъ ее безъ страсти, и оставилъ безъ размышленія. Престолъ, сердце Царицы, казались ему почтенными пружинами къ непостоянству. Дворъ Трантараранской, столькожъ правосудной, какъ и онъ, считалъ пожертвованіе любовницею, обоженія достойною и отчаянною, за опытъ величія души его, заслуживающій вѣнецъ, коего онъ надѣялся. —— *Кузнецикъ* казался для Царицы весьма забавнымъ; онъ игралъ на всѣхъ музыкальныхъ орудіяхъ совершенно, и пѣлъ восхитительно. Сверьхъ того никто не умѣлъ плясать его лучше; онъ присоединялъ къ тому силу, правильность, легкость и пріятность —— Она крайнѣ предубѣждена была въ пользу *Тюльпана*. Хотя белокурый цвѣтъ его клонился нѣсколько къ желтинѣ, но онъ имѣлъ ростъ и станъ прекраснѣйшій во всемъ Трантараранѣ. Онъ зналъ въ превосходномъ совершенствѣ всѣ игры, коими забавляются на вечеринкахъ, и проигрывалъ ко-

шель-

телька по три съ крайнимъ равнодушіемъ. Но естьли что учиняло его безподобнымъ, то искусство играть на бандорѣ, что начиналъ онъ безъ прозьбы. Дабы находиться всегда въ состояніи забавлять уши Царицы и Двора, носилъ онъ свою любезную Бандору, зацѣпивъ за шею парчевою лентою, что придавало ему удивительную прелесть. — *Пустозвякъ*, молодой господинъ, также услаждалъ время для сей новой Царицы. Онъ умѣлъ шить въ пяльцахъ чрезъестественно; ни у кого не было столько алмазныхъ вещей и таковой доброты, какъ у него. Онъ ежедневно появлялся въ какихъ нибудь новыхъ прикрасахъ, составляющихъ переговоры и зависть всего Двора. Не одними только кружевами онъ отличался, имѣлъ онъ и брызжи у бѣлья отмѣнной доброты, на коихъ совершеннымъ искусствомъ представлялось сраженіе Исполиновъ. Въ добавокъ всего того, всякія новости въ нарядахъ получалъ онъ изъ первыхъ рукъ; выдумалъ больше всѣхъ нелѣпостей, влюблялся на десять часовъ, вѣдалъ о всѣхъ новизнахъ и любовныхъ похожденіяхъ, судилъ разумно, и отбиралъ въ лавкахъ фарфоровую посуду съ тѣмъ, чтобъ никогда не купить. — Со всемъ тѣмъ Царицѣ надлежало признаться, что господинъ *Частохватъ* имѣетъ надъ ними преимущество.

 Онъ

Онъ сочинялъ стихи всѣхъ родовъ съ крайнею способностію; словомъ сказать, былъ это блестящій разумъ при Дворѣ: по двадцатому году, сдѣлалъ онъ двѣ большихъ Комедіи, кои бы могли быть приняты, и не были бы освистаны, когдабъ онъ безразсудно не издалъ ихъ отъ имяни своего дворецкаго, имѣвшаго множество непріятелей по откупамъ. Готовились представить Оперу, въ которой самъ онъ сочинилъ слова, музыку, театральныя украшенія и балеты; поставляли Оперу сію выше всѣхъ сочиненныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ. По всякое утро приносилъ онъ къ Царицѣ щеголеватые стихи, коими занималась она по получасу. Весь Дворъ списывалъ съ оныхъ копіи, коихъ никогда не читалъ. Сверьхъ таковыхъ выгодъ *Частохватъ* былъ недуренъ складомъ, и изрядно шутилъ. Не удивительно, что *Доброгнѣва* отличала его за таковыя достоинства; придворные имѣли къ нему великое уваженіе, друзья его простирали удивленіе къ сочиненіямъ его до суевѣрства: они находили въ немъ духъ творительный; говорили вслухъ, что онъ первой человѣкъ на земли, и били въ ладони, когда появлялся онъ на театрѣ. — Много еще было и другихъ искателей, но уступающихъ первымъ, коихъ по тому не уважали. Это были люди, кои казались средствен-

ственными, когда отличались, и кои вступали въ общій рядъ безъ сравненія.

Таковы были младые любовники, составлявшіе Дворъ *Доброгнѣвинъ*. Уже шесть дней по ея избраніи, имѣла она кругъ около себя, какъ началось разсужденіе о важномъ вопросѣ, раздѣлившемъ разумы на разныя стороны, всякъ участвовалъ въ спорѣ, ожидая, на которую сторону перейти по рѣшенію Ея Величества. Надлежало рѣшить: что алмазъ розовой воды, ограненный звѣздою, осыпанный бриліантами, и отработанный искуснѣйшимъ художникомъ, красивѣе ли носить на мизинцѣ лѣвой руки, или правой? *Пустозвякъ* утверждалъ, что неотмѣнно слѣдуетъ честь сія правой рукѣ; ибо оная чаще лѣвой находится въ движеніи. Но *Частохватъ* съ господиномъ *Куэнсинкомъ*, присвоявшіе себѣ право вкуса, присвоили оную лѣвому мизинцу, и представляли доводы также достаточные. Споръ разгорячался, и съ обѣихъ сторонъ наговорили уже много вещей важныхъ и забавныхъ, какъ *Анемона*, придворная, первой статьи госпожа, представила Ея Величеству юнаго *Остроила*.

Оный родился также въ блаженномъ царствѣ, и былъ внукъ волшебницы *Гориславы*, почтенной госпожи Двора *Обрадина*. Въ самой часъ рожденія его волшебница взя-

ла его къ себѣ, воспитывала сама, и для совершенія его разума заставляла путешествовать по всѣмъ смежнымъ государствамъ, подъ руководствомъ добраго дядьки, съ которымъ она не договаривалась о награжденіи. Узнавъ, что престолъ Трантараранскій опорожнился, призвала она своего внука. Она поспѣшила сдѣлать ему наставленіе, какимъ образомъ слѣдуетъ ему вести себя при Дворѣ *Доброгнѣвы*; она дала ему чудные карманные часы, кои звѣнѣли цѣлую минуту, когда онъ готовился сказать какую нибудь глупость; и кольцо, имѣющее давить его палецъ больнѣе, или слабѣе по мѣрѣ того, какого роду хотѣлъ сдѣлать шалость. Обнявъ его, приказала она ему ѣхать въ Трантараранъ, вступить на ряду съ прочими, и ничего не упускать къ завоеванію сердца младой Царицы. Таковое намѣреніе показалось бы странно всякому, кромѣ волшебницы. Не по тому, что *Остроилъ* не очень пригожъ лицемъ былъ; черты онаго, не представляя красоты, имѣли въ себѣ нѣчто пріятное; видъ его являлъ разумъ и мужественную доброту. Но таковыя хорошія свойства были зыбки, и могли помрачиться отъ препятствій, встрѣчающихся необходимо при Дворѣ столько просвѣщенномъ, каковъ былъ Трантараранскій. *Остроилъ* былъ застенчивъ, вступая уже на шестнатцатый

годъ,

годъ, и столько благонравенъ, что малѣйшая похвала приводила его въ краску. Онъ провелъ лѣта свои въ ученіи, и имѣлъ слабость мыслить, что знаетъ еще мало; разговоры его были достаточны, легки, шутливы, но отнюдь не вольны. Онъ дѣйствовалъ по правиламъ, зналъ сравненіе, осмѣливался извинять погрѣшности другихъ, и не стыдился исправлять свои; онъ былъ снизходителенъ, просвѣщенъ, внимателенъ, употреблялъ разсудокъ, и съ намѣреніемъ не смѣялся; словомъ сказать, ничего еще страннѣе его не видано при Дворѣ Трантараранскомъ. *Остроилъ* совокуплялъ въ себѣ все смѣшное; ибо былъ разсудителенъ.

Едва онъ появился, какъ пронзили его съ обѣихъ сторонъ. Сперва начали перешептывать, смѣяться потихоньку, и вскорѣ учинился онъ мѣтою всеобщихъ разговоровъ. Царица испытывала его съ любопытствомъ, и говорила съ нимъ часто; онъ отвѣчалъ всегда исправно, но почти не смѣя возвести глазъ на нее, и голосомъ почтительнымъ, которой считали за смятеніе. Между тѣмъ взоры его ничего не упустили изъ прелестей *Доброгнѣвиныхъ*: сіи взоры, удерживаемые робостію, не меньше были проницательны. *Остроилъ* равно пораженъ былъ красотою, кротостію и разумомъ Царицы; въ душѣ его произошло не-

извѣстное до толь возмущеніе. Оное столько было велико, что онъ забылъ ей поднесть удивительный посланный отъ бабушки его въ подарокъ пучокъ цвѣтовъ, отъ котораго можетъ быть зависѣло его щастіе.

Дворъ занялся разсужденіями о новомъ искателѣ престола, и забылъ объ алмазѣ розовой воды. Съ перваго взгляду безъ дальняго изслѣдованія господинъ *Тюльпанъ* нашелъ видъ его неловкимъ, коего ничто не могло исправить. Господинъ *Кузнецикъ* замѣтилъ твердымъ образомъ, что онъ весьма неполитично въ первой разъ поклонился. *Алмазъ* рѣшилъ, что онъ несносенъ. *Пустозвякъ* клялся торжественно, что никогда не потребуетъ у него совѣту, какъ ему учреждать свои бриліанты; а *Частохватъ* осудилъ его безвозвратно быть дуракомъ на всю жизнь. Воздержныя женщины думали, что не надлежитъ спѣшить заключеніемъ; это новичокъ, говорили они, надобно разсмотрѣть, еще останется довольно времяни къ заключенію.

Удобно можетъ быть сравнить происходившее въ душѣ *Доброгнѣвиной* по симъ впечатлѣніямъ, которыя имѣли при видѣ сего животнаго рѣдкаго и страннаго. Часъ, опредѣленный ею для размышленій, насталъ: кругъ разшелся; она удалилась во внутреннія покои, нося съ собою разсужденія объ *Остроилѣ*.

Ког-

Когда Царица заперлась, весь Совѣтъ, которому не чего было дѣлать, спѣшилъ толпою вонъ изъ Дворца; очень пора было ѣхать. Госпожи, и самыя имѣющія обожателей, оставались обыкновенно однѣ; мущины съ рабячества привыкали не наблюдать сей мѣлкой вѣжливости, считая оную за цѣпь, нарушающую вольность въ обществѣ. При Дворѣ Трантараранскомъ утверждено было, что и невѣжливая вольность преимуществуетъ надъ учтивостію. *Остроилъ* былъ еще очень новъ, и впалъ по тому въ неосторожность подать руку нѣкоторой госпожѣ, соскочившей съ крыльца: прочія это увидѣли и обратили въ смѣхъ, которой тѣмъ былъ забавнѣе, что *Амаранта* (имя той госпожи) хотя имѣла еще красоту, но утратила уже цвѣтъ молодости. Къ ней не находилось уже тѣхъ блестящихъ забавъ, кои могутъ извинять вѣжливости, оказываемыя мущиною. Она сама почувствовала, сколько важна была ошибка *Остроилова*; но оная ей польстила, и понудила ее тѣмъ возпользоваться. Вы очень услужливы, сказала она, принимая его руку; карета моя не далѣе двухъ шаговъ отсюда, и вы скоро избавитесь отъ труда. Я очень радъ, сударыня, отвѣчалъ услужливой *Остроилъ*, что могъ оказать вамъ малой знакъ моего почтенія и усердія. При окон-

окончанiи сихъ словъ были они уже на последнемъ ступенѣ крыльца. Служители *Амарантины* по нерасторопности не прiѣзжали еще съ каретою. Хотя она жила въ отдѣленiи Дворца, но слѣдовало ей не меньше ста шаговъ шествовать; приключенiе было весьма затруднительное. Но между тѣмъ рѣшилась она итти пѣшкомъ, поддерживаема *Остроиломъ*. Она начала предъ нимъ повторять извиненiя; онъ отвѣчалъ почтенiями: и они достигли. *Остроилъ* поклонясь, хотѣлъ итти. Куда вы? сказала *Амаранта*; не далиль вы кому слова быть къ ужину? Нѣтъ сударыня, отвѣчалъ сей простосердечной; я только нынѣ прiѣхалъ въ столицу, и почти никого не знаю. . . . Въ семъ случаѣ (подхватила *Амаранта*) прошу отужинать со мною. . . Для чегожь? (продолжала она, примѣтивъ изъ новаго поклона, что онъ готовится уйти) я прошу васъ усердно; я очень довольна, что съ вами познакомилась, и весьма порадуюсь, естьли вы будете посѣщать меня чаще. Въ продолженiи сихъ учтивостей вошли они въ покои *Амарантины*; женщины, ее дожидающiяся, усмѣхнулись, увидѣвъ *Остроила*.

Позвольте мнѣ, сказала *Амаранта*, раздѣться; я весь день такъ была стянута. — При семъ словѣ онъ хотѣлъ выйти.

Куда

Куда вы? (продолжала она) вы мнѣ не мѣшаете; я одѣваюсь и раздѣваюсь предъ всемъ свѣтомъ. Однако, сударыня ... (сказалъ *Остроилъ*) Вы шутите! подхватила она, ахъ какая жалость! останьтесь. Между тѣмъ раздѣванье продолжалось. *Остроилъ*, находясь впервые въ жизни своей на единѣ съ женщиною, и бывъ раздѣляемъ между любопытства, благонравія и удовольствія, смущался, краснѣлъ, отвращалъ взоры; но оные противу воли его пробѣгали всюду: тамъ, гдѣ одна рука казалась препятствующею любопытству, но между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ открывала нужное для удовольствованія онаго. *Аманта* наблюдала впечатлѣнія, производимыя тѣмъ въ *Остроилѣ*. Зеркало, противу котораго она сидѣла, въ томъ ей помогало; она увѣрялась по перемѣнамъ производимыхъ имъ движеній. Естьли взоры его упадали на полъ, проворной поворотъ выказывалъ ему открытую прекрасную ногу. Когда, ободренный симъ предметомъ, осмѣливался онъ поднять глаза къ верьху, старались тогда поправить косыньку, и желая скрыть прелести, какъ бы невзначай оныя выказывали: все это отправлялось очень ловко, безъ пристрастія, и прекраснѣйшею рукою. Между тѣмъ взираніе *Остроила* оживляло, лице его покрылось великимъ пламенемъ ..

Олъ

. . . Онъ краснѣетъ, какъ мнѣ кажется (сказала она своимъ женщинамъ), по чести вотъ что удивительно. Слова сіи имѣли дѣйствіе: *Остроилъ* закраснѣлся еще больше: онъ хотѣлъ говорить, языкъ его не слушалъ, и принудилъ его взять видъ неудовольственный, который очень утѣшилъ *Амаранту*.

По окончаніи убора, доложили объ кушаньѣ. Безъ васъ, сказала *Амаранта*, я ужинала бы одна. Въ самомъ дѣлѣ на столѣ положено было только два прибора: сѣли за столъ, кушали проворно; *Амаранта* ѣла исправно, говорила шутливо, смотрѣла прилѣжно на *Остроила*, разсказала ему похожденія всѣхъ придворныхъ госпожъ, и разъ съ дватцать принуждала его краснѣться своими похвалами.

Остроилъ ѣлъ мало, а говорилъ и того меньше. Онъ ощущалъ разныя движенія, произходящія въ немъ почти ни отъ чего: огнь быстрый и жестокій, казалось ему, что разливался по его жиламъ; всякой *Амарантинъ* взглядъ оживлялъ его; онъ желалъ, не зная къ чему стремятся его желанія. Наконецъ встали изъ за стола; они осталисъ на единѣ. Утомленная *Амаранта* бросилась на канапе. *Остроилъ* съ прежнею застенчивостію занялъ мѣсто на стулѣ противъ ея; при первомъ движеніи, коимъ по-

пра-

правила она свою ногу, онъ смутился. Вамъ безпокойно тамъ (сказала *Амаранта*); для чего не сядите вы ко мнѣ ближе? Съ великимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ возпламененный *Остроилъ*, и пересѣлъ къ ней. — Но между тѣмъ — (продолжала она) не былиль вы страстны? — Нѣтъ, сударыня! я никогда не любливалъ. — Никогда! . . . какъ никогда? Это удивительно. Я не хочу, чтобъ вы на меня смотрѣли; это опасно. „ Говоря сіе протянула она прекрасную свою руку на глаза его; онъ осмѣлился, хотя съ трепетомъ, взять оную, приближить къ губамъ и поцаловать. *Амаранта* пожала его руку, изпустила вздохъ, и продолжала играть смягчающуюся. Тогда движеніе, коего испыталъ онъ на себѣ всю силу не понимая онаго, повергло его на колѣни; осмѣлившіеся взоры устремились на нее: онъ схватилъ ея руку и цаловалъ. . . . Какое ваше намѣреніе? сказала *Амаранта*, бросивъ на него страстный взглядъ; но вы на колѣнахъ, я думаю . . . . вы ошибаетесь . . . . встаньте. — Ахъ, сколько прелестей! вскричалъ *Остроилъ*, и вздохнулъ по томъ. Мнѣ лестно слышать это отъ васъ (отвѣчала она): вы кажетесь мнѣ весьма любви достойны; но наконецъ, чего вы требуете? — Я не знаю (подхватилъ *Остроилъ* обнимая ее съ восхищеніемъ); я никогда

не ощущалЪ подобнаго. НѣтЪ! я не могу изъяснить смятенія . . . желанія . . . . АхЪ, сударыня! позвольте — ОнЪ готовЪ былЪ выпустить нѣкое бѣдственное слово. Часы его зазвѣнѣли, и онЪ узналЪ, что чуть не выговорилЪ глупости: помышленіе таковое его охладило; онЪ всталЪ, сѣлЪ на стулЪ и замолчалЪ.

Послѣдовала довольно длинная тишина. *ОстроилЪ* потупивЪ глаза размышлялЪ, и предметы, коими наполнено было его воображеніе, вмѣсто того, чтобЪ укротить его чувства, опять оныя оживили. Между тѣмЪ онЪ молчалЪ; глаза его были понурены, и отЪ чрезмѣрнаго чувствованія пребывалЪ онЪ недвижимЪ, какЪ бы одревенѣлой.

Амаранта искусно судила о его положеніи. Его смятеніе составляло торжество ея прелестей; тщеславіе, утѣха, были возлюбленныя ея страсти, коимЪ думала она, что безпрепятственно принесетЪ на жертву невинность и свободу юнаго *Остроила*. Вы нездоровы? сказала она ему голосомЪ, удобнымЪ вмигЪ излечить его. — Довольно было слова сего для разрушенія его разсужденій, ОнЪ взглянулЪ на *Амаранту*, красота ея его поразила. Желанія усилились, и состояніе, вЪ которое приведенЪ онЪ былЪ предчувствованіемЪ утѣхЪ, придало лицу его

видЪ

видъ нѣжности, всегда прелестнѣйшей самой красоты. Она читала въ очахъ его все впечатлѣніе, ею въ немъ произведенное; она протянула къ нему руку съ пріятностію; онъ взялъ и поцаловалъ оную въ восхищеніемъ. Случай учинилъ то, что поднимаясь губы его, повстрѣчались съ *Амарантиными*, и . . . наконецъ замолчалъ, опасаясь, чтобъ часы его не зазвонили. *Амаранта* также не говорила; потому что въ ней не осталось больше силъ, кромѣ для испущенія вздоха.

Кольцо бабушкино пожало палецъ *Остроиловъ* съ такою силою, что онъ чуть не упалъ въ обморокъ. Вмѣсто готоваго вздоха, выскочилъ пронзительной крикъ. Боги! какая боль! вскричалъ онъ, вскочивъ съ торопостію. Представьте, сколько можно, объ удивленіи *Амарантиномъ*. кою крикъ сей привелъ въ себя. Что сдѣлалось вамъ, мой дражайшій *Остроилъ*? вскричала она съ своей стороны. Я васъ не знаю, по чести вы ошиблись. . . Вотъ тебѣ разъ! (отвѣчалъ онъ холодно), я знаю, что я чувствую. —— Но я увѣрена, что не . . . (говорила *Амаранта*, перерывая) . . . сего быть не можетъ. —— Прекрасная мысль! (сказалъ онъ) можноль вамъ спорить? . . . Охъ! мочи нѣтъ! . . . не перестаетъ! я на пыткѣ . . . ой! ой! —— Въ самомъ дѣ-

лѣ кольцо впилось въ мясо, такъ что онъ весь помертвѣлъ. Непонятное дѣло! говорила изумленная *Амаранта*; приключенiе чудное! . . . Но это отнюдь не то . . . . вы обманываетесь! . . . однако случай странной . . . Какъ! вы бѣжите? продолжала она, увидѣвъ его уже у дверей. О чемъ сомнѣваться (отвѣчалъ *Остроилъ* грубо); прощайте, сударыня . . . прощайте. Но погоди . . . Онъ съ ума сошелъ (сказала она по его уходѣ) . . . какое дурачество! —— Онъ былъ уже далеко.

Амаранта, не постигая сего приключенiя, не взирая на силу самолюбiя своего, принуждена была согласиться, что она не участвовала въ ономъ; легла въ постелю, наполнила воображенiе свое прелестными предметами, коими овладѣть имѣетъ. Заснула наконецъ, и забавлялась прiятными сновидѣнiями до двухъ часовъ по половинѣ слѣдующаго дня. ——

Изборъ, находя особливое удовольствiе въ слушанiи сей Сказки, не перерывалъ оную цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго. Темнота ночная принудила его отложить продолженiе оной до утра. Въ послѣдующiе четыре вечера не дѣлалъ онъ никакихъ примѣчанiй на оную со стороны своей, и Скавывальщихъ начиналъ въ обыкновенной часъ, а переставалъ всегда позднѣе.

ВЕЧЕРЪ XXII.

Чемъ больше *Остроилъ* отъ *Амаранты* удалялся, кольцо его разширялось и боль уменьшалась; когда же пришелъ онъ домой, и совсѣмъ оная кончилась. Должно пощадить (говорилъ *Уклонъ* своему Государю) слухъ вашъ отъ подробнаго описанія размышленій, послѣдовавшихъ съ *Остроиломъ* на постелѣ; ибо первое его дѣло по приходѣ было лечь; довольно сказать лишь то, что впечатлѣнія, учиненныя въ немъ *Амарантою*, изчезали по мѣрѣ охлажденія его чувствъ: роскошь была возбуждена, оживлена, объяла сердце, и не могла онаго удовольствовать. Онъ забылся, заблуждалъ, но ослабленіе чувствъ привело его въ себя; утѣха изчезла, пустота заступила ея мѣсто, душа отъ того содрогалась; она желала, но одни только чувства имѣютъ право оную укрѣпить и наполнить. *Остроилъ* пробудясь (онъ спалъ и очень покойно), не помышлялъ ни о чемъ, кромѣ *Доброгнѣвы*. *Амаранта* не входила на мысли, развѣ только для припоминовенія о томъ, что надлежитъ ему возстановить равнодушное въ сердцѣ своемъ чувствованіе къ ея снизхожденію. При пробужденіи Царицы увидѣли его во Дворцѣ выступающаго съ благонадежнымъ ви-

видомъ. Онъ самъ не познавалъ того, что утратилъ часть своей застѣнчивости. Глаза его осмѣливались уже глядѣть вольно; словомъ сказать, доброе щастіе его развернулося. Слабости человѣческія суть таковы, что и малѣйшіе успѣхи возбуждаютъ ихъ дерзость. Болтуны придворные (кои имѣли особливые чины въ Трантараранѣ) говорили уже вслухъ о перемѣнѣ поведеній *Остроиловыхъ* и объ ужинѣ его у *Амаранты*. Доброе имя сей госпожи много потерпѣло; выводили изъ того повѣсть нелѣпую и весьма обстоятельную, которой вся слава упадала на сторону *Остроилову*; ни чего не упущено въ поведеніи оглашенной *Амаранты*. *Алмазъ* взялъ на себя трудъ пересказать сію забавную повѣсть Царицѣ съ надлежащими прикрасами. Онъ растворилъ уже ротъ для окончанія послѣдняго слова, и готовъ былъ смѣяться, какъ *Остроилъ* вошелъ. Всѣ глаза на него устремили, и остановленный смѣхъ разлился со всевозможнымъ громомъ въ ту минуту, какъ онъ поклонился. Сначала то разстроило было его, но онъ возвелъ взоры на Царицу; оная не смѣялась, и закраснѣлась. Онъ приближился къ ней съ видомъ твердымъ. Я осмѣливаюсь, сказалъ онъ, поднести Вашему Величеству отъ волшебницы *Гориславы* сіи цвѣты, связанные въ пучокъ ея руками. Я возъ-

возъимѣю честь (продолжалъ онъ, наклонясь къ ея уху) объяснить Вашему Величеству о силѣ сихъ цвѣтовъ, когда позволите мнѣ поговорить съ вами безъ свидѣтелей. Пойдемъ теперь, сказала Царица; и удалилась въ уединенный чертогъ, послѣдуемая *Остроиломъ*.

Всемилостивѣйшая Государыня! (сказалъ онъ тамъ, упавъ на колѣни) я считаю первою силою дѣйствія сихъ цвѣтовъ сей случай, при которомъ могу я принести прекраснѣйшей на свѣтѣ Царицѣ въ жертву чистоту моего сердца. —— Выдумка щегольская! (отвѣчала довольно изумленная Царица) за оную прощаю я вамъ въ семъ объясненіи; но встаньте, поговоримъ о цвѣтахъ. Я повинуюсь (говорилъ *Остроилъ*) . . . въ послѣдствѣ вы удостовѣритесь о чистосердечныхъ моихъ чувствованіяхъ къ вамъ. Я вѣдаю, что мнѣ позволяется законами посвятить вамъ любовь и жизнь мою, и я ощущаю, что сердце мое имѣетъ смѣлость предаться вамъ, не взирая на ваши сопротивленія. —— Очень хорошо! но о цвѣтахъ? сказала Царица. —— Они содержатъ разныя полезныя свойства (отвѣчалъ онъ), и нѣкоторые между оными довольно пріятны: всѣ сіи цвѣты возрощены и сорваны руками волшебницы; они имѣютъ право никогда не увядать, естьли удостоите

 оные

оныя носить на груди своей, и прелести ваши будутъ повсегда оживлять ихъ. — Я не требую на примѣръ таковыхъ замѣчаній (сказала Царица усмѣхнувшись); что по томъ? — Я чувствую это, но не могу удержаться, продолжалъ *Остроилъ*. Одинъ листокъ сихъ розъ, положенный между очаровательныхъ губъ вашихъ, учинитъ васъ невидимою, когда лишь угодно будетъ Вашему Величеству то сдѣлать, въ пользу вашего государства, или только для забавы. Естьли подлые ласкатели дерзнутъ заразить душу вашу, запахъ отъ этихъ жасминовъ, тотчасъ изгонитъ ядъ изъ головы вашей. Для прекращенія сего должно прибавить къ тому лишь одинъ строгой взглядъ. Льстецы разстроившись замолчатъ, и острота жасминнаго духу пройдетъ по томъ. Вотъ еще фіялочки, не меньше полезныя: оныя тотчасъ начнутъ вянуть на груди вашей, естьли начнутся заговоры противу благоденствія вашего. Наконецъ вотъ и померанцевые цвѣты, но Вашему Величеству безъ сомнѣнія не будетъ въ ныхъ надобности. Оные служатъ для забавы, къ сдѣланію опыта по обстоятельствамъ, надъ имѣющими честь искать любви вашей. Одинъ изъ сихъ цвѣтковъ, разжеванный въ роту, изгоняетъ худой вкусъ, внушаетъ доброй, и принуждаетъ ненавидѣть людей недостойныхъ.

Да-

Доброгнѣва приписала великую похвалу столь чуднымъ цвѣтамъ, тотчасъ прикола оныя къ груди, и благодарила *Остроила* образомъ, которой ей казался только учтивымъ, но въ самомъ дѣлѣ былъ не безпристрастенъ. Она подала ему руку; онъ осмѣлился ее поцаловать; она закраснѣлась; онъ сталъ еще смѣлѣе, а она робчѣе; и все то произошло непримѣтнымъ для нихъ образомъ. Царица вышла въ собраніе; выслушаніе, позволенное ею *Остроилу*, произвело разсужденія. Когда онъ выступилъ, престарѣлые придворные упали ему почти въ ноги, а соперники его забурчали. Но для него равнодушно было все; онъ не чувствовалъ ни ласкательствъ, ни досады, и шелъ своею дорогою: былъ вѣжливъ къ мущинамъ, почтителенъ къ женщинамъ, и смотрѣлъ на Царицу, которую находилъ обоженія достойною, сколько почтеніе позволяло ему то чувствовать.

Выходя изъ Дворца, услышалъ онъ напѣваемую пѣсенку, которую весь свѣтъ имѣть желалъ; вырывали оную изъ рукъ въ руки, и ужасно смѣялись. Онъ вслушался, и былъ отплаченъ за любопытство. Была то уличная пѣсенка, въ которой мнимая любовь его съ *Амарантою* была представлена шутливымъ и очень колкимъ образомъ. Онъ готовъ былъ разсердиться; часы его развенѣли

нѣли, и онъ удержался. Послѣ того слушалъ онъ уже съ холодностію, и узналъ, что для господина *Частохвата* не трудно было присвоить себѣ Омирову Героическую Поему, въ которой онъ имѣлъ честь быть Ахилломъ.

Частохватъ по нещастію проходилъ въ ту минуту мимо его. *Остроилъ* его остановилъ и началъ говорить съ вѣжливостію; сей отвѣчалъ ему насмѣшками, но былъ отпотчиванъ тѣмъ же. *Частохватъ* присовокупилъ къ словамъ брань. *Остроилова* кровь закипѣла; онъ началъ дѣйствовать, удерживая себя, но слова были разительны, и отдѣлали онаго безъ пощады; однако часы его не звѣнѣли.

Весь Дворъ былъ свидѣтелемъ кранорѣчія и благородной ухватки, коими онъ загонялъ совсѣмъ *Частохвата*. Произшествіе сіе надѣлало шуму, цѣнили оное вслухъ. Родня *Частохватова* принудила его биться (ибо до сей крайности доходили въ Трантараранѣ только по принужденію родственниковъ). *Частохватъ* вызвалъ его на поединокъ. *Остроилъ* отвѣчалъ на оное, какъ должно благородному человѣку; и ловкимъ ударомъ оружія, управляемаго справедливостію, освободилъ Дворъ отъ духа весьма опаснаго, а родственниковъ *Частохватовыхъ* отъ члена, мало чести онымъ приносящаго. Прик-

лю-

ключеніе сіе имѣло слѣдствія довольно естественныя. *Остроилъ* заступилъ при Дворѣ его мѣсто, не почитая то за особливое щастіе, и отправлялъ званіе свое съ уваженіемъ. Совмѣстники его опасались, не возненавидѣли больше, но почитали его. Насмѣшливая пѣсенка, которой столько смѣялись, упала, и любопытные замѣтили, что оная отнеслась къ славѣ осмѣяннаго. Всѣ придворныя госпожи желали съ храбрымъ *Остроиломъ* познакомиться, и дѣлали для него вечеринки. *Амаранту* престали ненавидѣть; но послѣднее ея снизхожденіе, и множество другихъ явныхъ похожденій, истребили почтеніе, надлежавшее ея чину. Наконецъ *Частохватъ* былъ почти совсѣмъ забытъ; говорили только объ *Остроилѣ*, о его храбрости, пріятностяхъ, и все было спокойно въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Одни родственники *Частохватовы*, бывъ внутренно обрадованы знаменитымъ послѣ него наслѣдствомъ, производили небольшое роптаніе; но нашлось таинство къ примиренію оныхъ, послѣ чего они замолкли.

Частохватъ былъ безмѣрно дорогъ волшебницѣ *Циклоидѣ*, придворной Госпожѣ *Обрадиной*: любовь была при семъ Дворѣ столь-кожь мало извѣстна, какъ и при Трантара-ранскомъ; но они и безъ любви состоя-въ союзѣ. За годъ предъ тѣмъ жили А-

таю-

такъ, что называется вмѣстѣ. *Частохватъ* нашелъ *Циклоиду* довольно прекрасною, чтобъ предаться пріятнѣйшимъ чувствованіямъ на пути свободныхъ наукъ. Волшебница сначала думала, что она любитъ только дарованія разума; но вскорѣ увѣрилась, что любитъ самое себя больше; напослѣдокъ до того ослѣплена была, что приписывала себѣ все, что было ей угодно. Дворъ о семъ также разсуждалъ постепенно. Сначала шутили надъ заблужденіемъ *Циклоидинымъ*, мало по малу къ оному привыкли, и присвоили ей вкусъ; увѣрились, что разумъ ея быстръ, и отдавали ей все то, что она приписывала сама себѣ. Съ того времяни имѣла она изключительное право опредѣлять цѣну разумовъ во всемъ свѣтѣ, и становить ихъ по степенямъ: ея собственной и *Частохватовъ*, какъ ожидаемо, получили первое мѣсто; а всѣ прочіе установлены по мѣрѣ того, какъ нравны они были волшебницѣ и ея любимцу. Они разлучились доброволъно, когда *Доброгнѣва* взошла на Царство: она согласилась, чтобъ *Частохватъ* появился при семъ случаѣ; но между тѣмъ льстилась, что по прошествіи опытнаго году опять съ нимъ соединится. Оба они не имѣли таковаго добраго мнѣнія о Царицѣ, чтобъ опасались, что она почувствуетъ цѣну, чего *Частохватъ* стоилъ; а

для

для него низко казалось прилѣпиться къ куклѣ, можетъ быть не имѣющей достаточнаго разума, а всего меньше просвѣщенія.

Нѣтъ нужды описывать, какимъ движеніямъ предана была волшебница, узнавъ о нещастной кончинѣ свѣтлѣйшаго *Частохвата*. Въ таковыхъ обстоятельствахъ любовь обыкновенно раждаетъ скорьбь и печаль; но узы, привязующія ее къ ея любимцу, не были довольно нѣжны, чтобъ не вложить въ нее инаго кромѣ сихъ чувствованій. Она была женщина, волшебница, и притомъ остроумная: возможноль подумать, чтобъ не предалась она гнѣву? Она не льстилась возвратить свой уронъ: прибѣжище лютой волшебницы взято къ отмщенію. Она посовѣтовалась съ своею книгою, вооружилась всемъ могуществомъ своимъ, сдѣлалась невидимою, и помчалась подобно молніи ко Двору Трантараранскому.

Остроилъ изъ доброй воли заперся у себя въ домѣ и никуда не выходилъ. Царица была безпрестаннымъ предметомъ его размышленій. Сердце его подвержено было тысячѣ несогласныхъ между собою движеній, которыя впрочемъ произходили отъ одного начала. Онъ ясно чувствовалъ, что обожаетъ *Доброгнѣву*; бытіе, лишенное на нее зрѣнія, представлялось ему преданнымъ несносному мученію, но между тѣмъ боялся онъ ее видѣть.

дѣть. Приключеніе его съ *Амарантою* изображалось въ мысляхъ его преступленіемъ, имѣющимъ раздражить Царицу, понудить изгнать его изъ своей памяти, или не допускать въ оную, развѣ подъ имянемъ легкомысленнаго, непостояннаго и вѣроломнаго. Она повѣритъ (говорилъ онъ самъ себѣ) сему нещастному приключенію, которое изображено ей всѣми ужасными красками. *Доброгнѣва* безъ сомнѣнія заключаетъ, что я люблю эту дуру. . . . Проклятой ужинъ! сколько бы щастливъ былъ я, естьли бы въ тотъ самой мигъ, какъ я приглашенъ ею, кольцо мое оторвало совсѣмъ палецъ! . . . . Какая суетность! (продолжалъ подумавши) кстати ли, чтобъ Царица обо мнѣ мыслила? На чемъ бы таковомъ могъ я основать сію надежду? Я не имѣю другихъ заслугъ, кромѣ любви жесточайшей. Я чувствую, что оная возрастаетъ поминутно. . . . Такъ прекрасная *Доброгнѣва*! (вскричалъ онъ) страсть моя къ тебѣ окончится вмѣстѣ съ моею жизнію - - - - Увы! какая въ томъ надежда отъ стороны Царицы, обожанія достойной, которая найдетъ и во всѣхъ сердцахъ таковыя же чувства!

Онъ находился въ сихъ размышленіяхъ, какъ пришли увѣдомить его о произведеніи въ чинъ, и что Царица позволяетъ ему притти благодарить за оную милость. При таковомъ

ковомъ извѣстіи душа его предалась радости; онъ бѣжалъ во Дворецъ: желаніе увидѣть *Доброгнѣву* оживляло его ноги; но вступая на крыльц , душа его ослабла, и являлась его оставляющею. Въ сердцѣ его произошло сраженіе жестокое между робостью, надеждою и любовію; одна только благодарность въ силахъ была то утишить. Въ душѣ чувствительной ничто не превозмогаетъ надъ должностію: она часто подвергается склонности и любви, но никогда своенравію. —— Какъ худо вѣдаютъ человѣки истинную корысть свою! Естьли бы престали они быть неблагодарными, были бы они всѣ щастливы. —— Признательный *Остроилъ* превозмогъ свое смущеніе. Одна только *Анемона*, столькожь прекрасная, какъ и любви достойная, находилась съ Царицею. Прежде еще возвышенія *Доброгнѣвина* истинное дружество соединило ихъ: обѣ онѣ вѣдали цѣну сего чувствованія; ихъ полъ, склонность нравиться, онаго между ими не разстроили. Сего довольно сказано, что онѣ могли вдыхать то взаимно, и оное чувствовать. *Остроилъ* съ большею робостію, нежели въ первый день, приближился къ Царицѣ, и пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя угодно ей было почесть за благодарность. Я очень довольна [отвѣчала она съ величествомъ, соединенымъ съ благосклонностію], что могла доказа-

казать вамъ уваженіе, которое къ вамъ имѣю.„ Едва успѣла она выговорить слова сіи, какъ влюбленный *Остроилъ* находился у ногъ ея. Она приказала ему встать: онъ повиновался; она устремила на него свои взоры. Онъ находился въ томъ состояніи нѣжности, кою только чистосердечная любовь внушать можетъ, и о которой не больше воображаютъ, что есть души, удобныя оную чувствовать. Его взоры, молчаніе, нѣсколько капель слезъ, исторгнувшихся изъ очей его, выражали страсть безпритворную. Былъ то языкъ самый краснорѣчивый; *Доброгнѣва* ощутила всю онаго силу, и впечатлѣнія его быстро проникли въ ея сердце. Ея румянецъ, смущеніе, вздохъ, служили истолкованіемъ произходящаго въ душѣ ея. —— Но вѣдь ты не любишь *Амаранту*? сказала она, прервавъ молчаніе чрезъ побужденіе, возставшее въ ней противъ ея воли. —— Ахъ, Царица! [отвѣчалъ *Остроилъ* съ живостію] я никогда ее не любливалъ; я обожаю васъ, и ни въ кого кромѣ васъ не влюблялся. .... Тогда толпа придворныхъ входомъ своимъ остановила рѣчь его; оба любовника поспѣшно постарались притти въ себя, такъ что вошедшіе ничего не могли замѣтить.

Циклоида, находясь невидимою близь Царицы, не упустила ни слова изъ разговору

вору ея съ *Остроиломъ*, предметомъ ея мщенія и бѣшенства. Въ Трантараранѣ вѣдали, что весь свѣтъ отъ младенчества своего подверженъ пространной власти волшебницъ; но знали также и ихъ странное и нерѣшимое поведеніе: власть ихъ была подвержена судьбѣ, весьма оныхъ страшнѣйшей и не меньше своенравной. Но что и любовь есть сильнѣе волшебницъ и самой судьбы, также знали. Оная, подобно волшебницамъ, можетъ принимать всѣ виды, какіе ей угодно, и имѣетъ право украшать себя всѣми своенравіями судьбы; она собственно владѣетъ преимуществомъ, производитъ по своей волѣ чрезвычайныя произшествія; она бываетъ неправосудна не стыдяся, неблагодарна безъ оговорокъ, и смѣшна безпосредственно; имѣетъ въ себѣ всѣ характеры, но ни одного опредѣленнаго; соглашаетъ нравы совсѣмъ противуположные; не вѣдаетъ препятствій; уничтожаетъ упрямство, умерщвляетъ оное, и превращаетъ въ благосклонность; торжествуетъ надъ крайнѣйшею ненавистію, бываетъ попеременно глупа, весела, печальна, осторожна, безразсудна, расточительна, скупа, но никогда благоразумна.

Посредствомъ толчка одной изъ сихъ частей, составляющихъ странной составъ ея, и дѣлающихъ честь ея владычеству, вздумала она покорить *Циклоиду*. Съ перваго

 взгля-

взгляду *Остроилъ* показался ей любви достойнымъ; она закраснѣлась съ досады. Разговоръ, слышанной ею, произвелъ смущеніе въ ея сердцѣ; въ душѣ ея произошло чрезмѣрное волненіе: она сама себя не узнала по сему движенію. При Дворѣ *Обрады*, равно какъ и при Траншараранскомъ, едва ли извѣстна была и тѣнь любви; смерть *Частохватова* увѣряла ее, что она пришла ненавидѣть; желаніе нравиться составляло первую ея глупость, охота слыть ученою уступала сему заблужденію, гнѣвъ зависѣлъ отъ обѣихъ сихъ страстей, и любовь утвердилась самовластно на остаткахъ всѣхъ ихъ троихъ. Таковымъ образомъ волшебница любила уже, когда уповала, что жестоко ненавидитъ. Правда и то, что любовь и ревность въ одно время вскользнули въ душу ея, и ревность, подобящаяся ненависти, показалась *Циклоидѣ* за оную.

Остроилъ не пріобрѣталъ ничего отъ сей перемѣны, и естьли бы зналъ, охотно бы согласился терпѣть, когда бы волшебница удовольствовалась проклясть его на всю жизнь. Намѣреніе ея по прибытіи ко Двору состояло въ томъ, чтобъ учинить *Остроила*, естьли можно, ненавистнымъ Царицѣ, и вдохнуть въ сердце сей смятенной любовницы ревность и отчаяніе. Поколебавшее ее новое движеніе, и коего она не постигала, со-

соглашалось съ онымъ жестокимъ намѣренiемъ: она спѣшила то исполнить, и вотъ средства, кои казались ей удобными для успѣху въ томъ! Она въ ту же ночь перенесла прекрасную *Анемону* подъ кровлю высокой башни, гдѣ приказала караулить оную съ крайнею осторожностiю. По томъ она приняла видъ ея, находилась съ Царицею, и скрыла намѣренiя свои подъ притворнымъ дружествомъ. Послѣ того приставила она къ *Остроилу* духа *Сафагоя*, злѣйшаго изъ всѣхъ духовъ второй статьи. Благосклонность, кою имѣла она къ сему духу, уподоблялась злобѣ, составлявшей его ремесло. Онъ бывалъ дятькою надъ пажами и обезьянами у волшебницы *Обрады*: за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ *Циклоида* выходила для него спокойнѣйшее состоянiе, въ которомъ живучи въ независимости, имѣлъ онъ волю наслаждаться удовольствiемъ приключать безпокойство всему свѣту. Шутки его ежедневно простирались до крайности: но черты злобы его имѣли видъ шалости довольно забавной, такъ что и самыя честныя люди иногда онымъ смѣялись.

Волшебница, учредивъ свои намѣренiя, обрадовала духа случаемъ, въ которомъ могъ онъ оказать ей услугу, столь согласную съ его склонностiю; *Сафагой* въ ту минуту невидимо очутился при *Остроилѣ*. Съ

 са-

самаго вступленія напалъ онъ на него, пугалъ и безпокоилъ его всевозможными образами. Иногда превратясь въ осеннюю муху, бѣгалъ по лицу его, улеталъ, возвращался, кусалъ и приводилъ въ бѣшенство. Иногда превратясь въ комара, жузжалъ по цѣлой четверти часа въ его уши, жалилъ до крови, по томъ исчезая и находясь невидимымъ близь его, давалъ ему щолчки по бокамъ чрезъ цѣлой часъ. Послѣ спустясь на икру ноги его, вонзалъ въ оную двадцать булавокъ одна за одною, кололъ въ руки, въ лице, и все это производилъ порядкомъ, не давая ему ни на минуту отдыху. Не удовольствуясь тѣмъ проклятой духъ сей, не отставалъ отъ него и при Дворѣ, а особливо когда *Остроилъ*, находясь съ Королевою, и стараясь оной нравиться, напрягалъ свои силы, чтобъ превзойти своихъ соперниковъ, чтобъ казаться любви достойнѣе ихъ, и тѣмъ пріобрѣсть милости прелестной *Доброгнѣвы*.

Представьте себѣ, въ каковомъ состояніи находился тогда мучимой *Сафагоемъ* жалости достойной *Остроилъ*. Безпрестанное движеніе руками, перемѣна въ лицѣ, безпокойство оказываемое ногами, родъ корченья, въ коемъ находилось все его тѣло, представляли изъ него зрѣлище странное и смѣшное. Всѣ придворные то замѣтивъ,

изум-

изумлялись; любовники Царицыны смѣялись. Она была тѣмъ тронута, и самую *Циклоиду* то огорчало. — Не замѣтилиль вы, чего нибудь страннаго въ положенiи *Остроиловомъ*? (сказала *Доброгнѣва* ложной *Анемонѣ*, оставшись на единѣ съ нею) Онъ никогда не казался мнѣ въ таковомъ смущенiи. Я не шутя опасаюсь, не приключилось ли съ нимъ чего нибудь чрезвычайнаго: не боленъ ли онъ? Вѣроломная волшебница отвѣтствовала, что онъ ей всегда казался таковымъ; что видъ его никогда не представлялъ въ себѣ отличнаго; и что она съ самаго перваго дня замѣтила въ глазахъ его нѣкоторое сумазбродство, свидѣтельствующее о слабости его души. Я не понимаю (продолжала она), какъ Ваше Величество могли дать ему преимущество надъ его соперниками. Признаюсь, что мнѣ всѣ здѣсь кажутся лучше его. Какое сравненiе, на примѣръ, можно сдѣлать между имъ и *Тюльпаномъ*? — Никакого (перервала слова ея Царица, голосомъ негодующимъ); вы очень часто перемѣняете нарѣчiе; сперва находили вы видъ его очень любезнымъ, и характеръ его разума прелестнымъ. Это правда (сказала волшебница съ замѣшательствомъ); но послѣ похожденiя его съ *Амарантою*. — Не говорите объ этомъ (подхватила Царица), вы видѣли, что онъ со-

всѣмъ оправдался. Я вижу, сударыня (сказала волшебница), что сердце ваше имъ занято; но естьли позволится моей чистосердечной къ вамъ привязанности представить Вашему Величеству —— Пошлемъ къ нему провѣдать (прервала слова ея Царица), какъ онъ находится, я безпокоюсь.

Донесли *Доброгнѣвѣ*, что *Остроилъ* находится въ добромъ здоровьѣ, и что восхищенъ опытомъ ея милости. Выслушавъ это, она легла почивать, занималась нѣкоторыми размышленіями, и заснула. *Циклоида* разсуждала много и не спала; бунтующія движенія, колеблющія ея душу, уподоблялись хаосу, коего не могла она раздробить. Она опредѣляла рѣшительно, что имѣетъ истинное отвращеніе къ Царицѣ: но чувствуемое ею къ *Остроилу* казалось ей невѣроятнымъ. Онъ изображался въ ея мысляхъ очень твердо. Она сжалилась надъ безпокойствомъ, которое терпѣлъ онъ чрезъ весь день, и раскаявалась, что предала его тиранству *Сафагоеву*. Послѣ сего чувствованія появилось еще пріятнѣйшее. Воображеніе ея поражено было образомъ *Остроиловымъ*, чувства ея оживились, нѣжное впечатлѣніе наполнило ее сладостнымъ смятеніемъ. Вскорѣ потомъ *Остроилъ*, любимый *Доброгнѣвою*, охладилъ ея сердце. Безпокойство, страхъ и ревность обьяли ее; чувства ея опять

ожи-

оживились, но оныя не были разгорячены тѣмъ пріятнымъ жаромъ, которой всегда послѣдуетъ утѣшенію. Это былъ жестокій огнь, отлучившій ее далеко отъ самой себя; гнѣвъ, ненависть, бѣшенство занявъ душу ея, смущали, раздирали и не являли ей изъ послѣдствія, опричь отчаянія. Таковыя различныя движенія находились въ ней до самаго того часа, въ которой Царица пробудилась, и надлежало ей къ ней итти. При входѣ въ спальню ревность и ненависть ея усугубились.

Ахъ, моя дорогая *Анемона*! (сказала Царица увидѣвъ ее) поди, я разскажу тебѣ непріятное сновидѣніе, которое мнѣ представилось . . . . Показался мнѣ *Остроилъ*, стоящій пре домною на колѣняхъ; онъ клялся мнѣ вѣчною любовію; его глаза и голосъ увѣрили мое сердце; я не могши владѣть собою, хотѣла признаться предъ нимъ въ моей тайнѣ. Вдругъ темное облако скрыло его отъ глазъ моихъ; я не увидѣла *Остроила*, и ты въ тожь время изчезла. Пришедъ отъ того въ страхъ и жалость, я очнулась, вздрогнувъ; и вспомнивъ о силѣ моихъ цвѣтовъ, велѣла подать мнѣ ихъ. Посмотри, любезная *Анемона*, на сіи фіялочки, онѣ завяли: не могу я сомнѣваться, что есть ужасной умыселъ противу моего благополучія.

 Цик-

Циклоида еще не примѣтила оныхъ чудныхъ цвѣтовъ; она поражена была, увидѣвъ оные; узнала, изъ чьихъ рукъ они дошли, и о помощи, каковую получаетъ отъ нихъ Царица къ опровержению ея намѣреній. Познаніе сіе ее смутило; но чтобъ скрыть свое смятеніе, а не для уменьшенія ужасу своей совмѣстницы, обратилась она къ толкованію сна, и доказывала, что оный не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго и опаснаго. Между тѣмъ Царица одѣлась, вышла; собраніе было многочисленное. Однако она прервала разговоры, учинившіеся ей въ тягость.

Доброгнѣва назначила тотъ день для празднества, которое *Алмазъ* дѣлалъ въ честь ея. День раздѣленъ былъ на торжество, позорище и пляску. *Алмазъ* пріобрѣлъ похвалу; его не назвали человѣкомъ темнымъ, неимѣющимъ никакихъ достоинствъ. Представляли комедію, которая всѣмъ понравилась. Сочинитель оной былъ не извѣстенъ, и такъ приписали оную всѣмъ, кои слыли издателями. Нѣкоторый умникъ изъ нижней статьи приказныхъ, не знающій о придворномъ обычаѣ, и который господственно судилъ о сочиненіяхъ въ нѣкіихъ темныхъ домикахъ Трантараранскихъ, былъ почтенъ творцомъ комедіи отъ трехъ, или пяти щегольковъ пятаго классу; онъ

защищался искуснымъ голосомъ, почитаемымъ отъ простаковъ за смиренномудрый, и отпирался, чтобъ лучше увѣрились въ ложной сей объ немъ догадкѣ. Между тѣмъ настоящій Сочинитель, коему не чего уже было бояться слѣдствій, появился. До сей минуты приписывали его сочиненіе всякому, кто только хотѣлъ на себя снять: но тогда обстоятельства перемѣнились, и комедію нашли больше прекрасною, чтобъ можно было уступить ее самому Сочинителю.

Во весь сей день *Алмазъ*, какъ хозяинъ празднества, имѣлъ право водить Царицу подъ руку: онъ бралъ прибѣжище ко всему, что казалось ему удобнымъ для ея забавы; разсказалъ ей больше десяти сказокъ: изъ оныхъ всякая была одна другой утѣшнѣе. Но Царица въ сей день находилась въ глубокомъ уныніи, коего ничто не могло разогнать; она зѣвала въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Алмазъ* избиралъ передышку, для начатія смѣху, къ коему онъ первый старался побуждать своимъ примѣромъ. Холодность, съ которою Царица его слушала, разстроила его; онъ упрекнулъ, Царица разсердилась, и уныніе Ея Величества распростерло подражаніе на всѣхъ придворныхъ. Онъ вновь напрягалъ свои силы, чтобъ преодолѣть все; но госпожи начали дремать на своихъ скамѣечкахъ, придворные можетъ быть нарочно поснули;

и наконецъ весь свѣтъ кричалъ, что *Алмазъ* во весь день не дѣлалъ больше, какъ сказывалъ басни, чтобъ всѣхъ усыпить.

Любовники Царицыны, которые по обычаю во весь день тотъ должны были дать полную свободу *Алмазу*, старались превзойти другъ друга великолѣпіемъ своего платья. Они провели день, вытягиваясь предъ придворными госпожами, останавливались съ удовольствіемъ противу всѣхъ зерькалъ, и удивлялись сами себѣ, оказывали свое проворство, и смѣялись; во время комедіи говорили громче самыхъ дѣйствующихъ на театрѣ, бросали на Царицу страстные и довѣренность являющіе взоры, коихъ она не примѣчала; начинали пляску, прыгали, по томъ оказывали великую скуку, цѣнили *Алмаза* безъ пощады; и въ тожь время обнимая съ восхищеніемъ, поздравляли его съ великолѣпіемъ, добрымъ вкусомъ и особливо съ веселостію учрежденнаго имъ празднества.

Что надлежитъ до *Остроила*, котораго *Сафагой* по повелѣнію волшебницыну оставилъ въ покоѣ; онъ во весь день проговорилъ съ ложною *Анемоною*. Царица оказывала къ ней дружество: по сей причинѣ почиталъ онъ ее. Онъ открылъ предъ нею всю душу свою; и устремляя взоры свои на *Доброгнѣву*, говорилъ объ ней съ сею вѣроломною наперстницею все то, что внушала ему жесто... страсть. Въ продолженіи сего взоры Цари-

рицыны, иногда съ безпокойствомъ, иногда съ задумчивостію, почасту съ нѣжностію, обращались на *Остроила*. *Циклоида* съ огорченіемъ видѣла союзъ душь ихъ; но удовольствіе находиться близь возлюбленнаго, расточало нѣкоторымъ образомъ ея мученія; глаза ея говорили, *Остроилъ* того не понималъ. Она старалась разговорами своими возбудить его, иногда шутя, иногда важничая, оказывая нѣжность; соединяла она все свое искусство, чтобъ обратить рѣчи на самую себя: но влюбленной *Остроилъ* помышлялъ только о *Доброгнѣвѣ*, не видалъ кромѣ ее и говорилъ только объ ней.

Празднество кончилось. Царица ни о чемъ столько не старалась, какъ узнать отъ мнимой *Анемоны*, о чемъ говорилъ съ нею *Остроилъ* во весь день. Не обо мнѣ ли вы говорили? (спросила она съ тою живостію, кою одна любовь внушаетъ) Такъ Ваше Величество (отвѣчала холодно волшебница). —— А что вы говорили? —— Онъ хотя много говорилъ объ васъ (сказала вѣроломная *Циклоида*), но столькожь и обо мнѣ; это все были шутки; вашъ *Остроилъ* такой волокита. —— —— Какъ! (подхватила Царица) объяснитесь, я васъ не понимаю. —— Вы очень предупреждены въ его пользу, такъ что не льзя вамъ ничего сказать. Я очень вѣрю, что онъ васъ любитъ. Вы весьма прекрас-

красны, чтобъ другой предметъ удобенъ былъ отвлечь его; но между тѣмъ любовь своевольна, и мущины вѣроломны. —— Ахъ! скажи безъобиняковъ, говорила Царица съ крайнею нетерпѣливостію, ты моришь меня на маломъ огнѣ; что сдѣлалъ вѣроломнѣйшій изъ мущинъ, о коемъ я говорю? —— Тогда *Циклоида* сплела басню жестокую, разсказала оную съ чистосердечнымъ видомъ, и придавъ всѣ краски, удобныя представить ее вѣроятною. Она оклеветала *Остроила*, будто бы онъ говорилъ ей объ любви, и употребилъ все для увѣренія ея, что онъ только одну ее любитъ: онъ мнѣ клялся (продолжала она) больше дватцати разъ, что только изъ повиновенія волшебницѣ *Гориславѣ* кажется онъ привязаннымъ къ Вашему Величеству. Посудите, каково могла я принять подобное обьясненіе! Я довольно разумѣю объ вашихъ къ нему чувствованіяхъ; и очень много привязана къ вамъ, чтобъ склониться на таковое вѣроломство. При томъ же ужинъ его съ *Амарантою*, и особливо притворное его обхожденіе съ вами, довольно обьяснили мнѣ, что должна я объ немъ думать.

Отъ таковаго жестокаго извѣстія нѣжная *Доброгнѣва* пронзена была живѣйшею печалію; она ощутила въ сію минуту всю силу страсти, влiянной въ нее *Остроилом*ъ. Печаль, досада и ревность заняли ея

серд-

сердце; она заперлась, приказала оставить себя въ уединеніи, и провела цѣлыхъ двѣнатцать часовъ, ненавидя *Остроила*, *Амаранту*, *Анемону*, весь свой дворъ, и самую себя. —— ——

Въ сей вечеръ повѣствованіе остановилось на вышепоставленномъ словѣ, а слѣдующее продолжалось, когда насталъ

ВЕЧЕРЪ XXII.

Когда печаль осмѣливается отягощать души великихъ особъ, они наказываютъ землю лишеніемъ своего Свѣтлѣйшаго явленія. Послѣдовавъ сей почтенной привычкѣ Царица, постаралась чрезъ цѣлыхъ восемь дней никому не показываться. Въ сіе время *Циклоида* занимала душу свою злобнѣйшими умыслами, и напояла Царицыну подозрѣніемъ. Фіялочки изъ цвѣтовъ *Гориславиныхъ* продолжали вянуть; ложная *Анемона* приписывала приключеніе сіе измѣнѣ *Остроиловой*. Отчаянная Царица, вытерпѣвъ всѣ мученія любви, въ коей считала себя измѣненною, рѣшилась побѣдить свою страсть, и взять къ неблагодарному, котораго весьма любила, чувствованія равнодушныя, коихъ считала его достой-

стойнымъ. *Циклоида* торжествовала, вложивъ скорьбь въ грудь своей совмѣстницы; но она имѣла еще причины пріятнѣйшія ненависти своей, коихъ не упускала изъ виду. Она видала *Остроила* каждой вечеръ, и сей нѣжный любовникъ искалъ въ другѣ *Доброгнѣвиномъ* отрады мученію, причиняемому ея уединеніемъ. Съ перваго вечера ложная *Анемона* начала наносить ему безъ пощады несносные удары. Она объяснила ему съ притворнымъ огорченіемъ, что *Доброгнѣва* кажется ей быть очень мало къ нему благосклонною; что говоритъ объ немъ всегда худо; что безъ сомнѣнія думаетъ и того хуже. —— Ахъ! чтожь я ей сдѣлалъ? сказалъ *Остроилъ* съ отчаяніемъ. Я не хочу льстить себѣ, но по благосклонности, съ каковою она со мною разговаривала. Я осмѣлился надѣяться —— Я этому очень вѣрю (подхватила волшебница): но бывъ вамъ искреннею пріятельницею не могу вамъ льстить, и должна, естьли только позволено открыть, что я замѣчаю о склонности Царицыной больше къ *Алмазу*. Повѣрь моему нѣжному дружеству, любезной *Остроилъ*, истреби изъ сердца твоего страсть, клонящуюся къ твоему нещастію; вы много найдете женщинъ столькожь любви достойныхъ, и имѣющихъ вкусъ лучшій, нежели въ *Доброгнѣвѣ*, которой можетъ учи-

нить

нить васъ щастливымъ. --- Какой совѣтъ! отвѣчалъ влюбленный *Остролъ*: я обожаю Царицу, я имѣю къ ней такую любовь. --- Подумай (подхватила волшебница), она забрала въ голову, что ты любишь меня, --- Ахъ! (сказалъ *Остроилъ*, бросясь къ ногамъ ея) выведите ее изъ заблужденія, сдѣлайте милость, увѣрьте ее, увѣрьте, что никогда --- Прозьба ваша справедлива, сказала волшебница съ скрытою досадою, и оставила его. Въ послѣдовавшіе за тѣмъ разговоры уподоблялись сему; я не стану оныхъ описывать, имѣя разсказывать о другихъ важнѣйшихъ вещахъ; довольно лишь вѣдать, что волшебница старалась всегда утверждать *Остроила* въ отчаяніи, и допускать въ сердцѣ своемъ усиливаться любви, столькожъ жестокой, какъ и безразсудной.

Въ продолженіи уединенія Царицына придворные разсуждали, какая бы могла быть причина сему тайному побужденію: одни утверждали, что это угрожаетъ опасною войною сосѣдственному Королю; другіе говорили увѣрительнымъ образомъ, что вскорѣ откроетъ то объ важномъ предпріятіи. Они описывали всѣ подробности, и видѣли неложные успѣхи, боги знаютъ, чего. Господчикъ, *Пустозвякъ*, думалъ, что Ея Величество занимается, выдумкою новыхъ тѣней

ней для шитья; всякъ наконецъ разсуждалъ по своей склонности, по вкусу и по корысти; но чтобъ постигнуть настоящую причину, недоставало имъ безделицы только, благоразумія.

Царица между тѣмъ появилась, и всѣ разсужденія кончились. Тщетно старалась она скрыть тайную печаль ее проницающую; все, что могла она изъ себя учинить, состояло въ томъ, чтобъ казаться угрюмою. Дворъ тотчасъ учредилъ себя по виду своей Царицы; не было лица въ обоихъ полахъ, во всѣхъ возрастахъ, чинахъ и достоинствахъ, которое бы вдругъ не учинилось угрюмо: картина таковая была очень смѣшна, но шло не до шутокъ; всякъ молчалъ, а естьли и говорилъ, то односложными словами. Искатели престола имѣли назначенные дни для пиршествъ, кои по очереди учреждали въ увеселеніе Царицы, но она безъ сомнѣнія забыла, что очередь сія состояла за *Остроиломъ*, безъ чего конечно бы не вышла изъ продолжительнаго своего затворничества. Она прошла къ впадинѣ оконечной; *Остроилъ* приближился съ трепетомъ. Изъ всѣхъ придворныхъ онъ лишь одинъ меньше имѣлъ угрюмости. *Доброгнѣва*, увидѣвъ его близь себя, пришла въ смущеніе, закраснѣлась и отвратила отъ него взоры. — Государыня! сказалъ *Остроилъ* уныло, все видимое мною предвѣщаетъ

объ

объ моемъ нещастіи! —— Какихъ нещастій опасаетесь вы? отвѣчала Царица съ суровостію. —— ужаснѣйшихъ предъ всѣми на свѣтѣ! говорилъ онъ: представьте, сколько оныя страшны и сколько отягчаютъ мою душу! Печаль, оказывающаяся въ очахъ Вашего Величества, не должна ли поразить того, который бы отдалъ тысячу жизней своихъ для успокоенія вашего сердца? —— Вотъ выраженія очень ловкія, чтобъ казаться чистосердечнымъ! сказала Царица. Оныя гораздо слабѣе моего чувствованія, отвѣчалъ *Остроилъ*. Ахъ, Государыня! сколько буду я злощастенъ! ибо не сомнѣваюсь, что изъ всѣхъ вашихъ искателей не нравлюсь вамъ всѣхъ больше, и прещастливый *Алмазъ* —— Я имѣю свободу (подхватила быстро Царица) предпочитать того, кто покажется мнѣ меня достойнѣе —— Но кто бы то былъ? (подхватилъ *Остроилъ* въ свою очередь). Тотъ, кто къ испытаннымъ чувствованіямъ присоединяетъ характеръ, любви достойный. Разсмотрите (продолжала она, бросивъ на него гнѣвный приведшій его въ трепетъ взоръ), что послѣ таковаго объясненія имѣете ли вы право требовать? — Какой ужасной взоръ! возопилъ *Остроилъ*; обожающее васъ сердце могло ли сдѣлать столь лютое преступленіе которое бы оный заслужило? —— Онъ умолкъ *Доброгнѣва* вскинувъ нечаянно взглядъ и

лице его, усмотрѣла оное орошенно слезами; она смягчилась, вздохъ измѣнилъ тайнѣ ея сердца.

Въ сію минуту *Остроилъ* почувствовалъ великое щекотанье за лѣвую его ногу; онъ тотчасъ забрыкалъ ногою; по тому что былъ щекотливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ. Проклятой *Сафагой* надѣлалъ это. По движенію ноги духъ узналъ, что онъ щекотливъ, и съ радостію тѣмъ возпользовался; бывъ невидимъ, усугубилъ онъ свою жестокую шутку. Руки его имѣли проворство невообразимое, и удобны были учинить щекотливымъ человѣка, ни мало тому неподверженнаго. По мѣрѣ того, какъ прогуливались по немъ проклятыя *Сафагосвы* руки, и подвигались къ мѣстамъ чувствительнѣйшимъ, безпокойство и брыканье *Остроилово* умножались: онъ призывалъ на помощь всѣ силы души своей, чтобъ удержаться; но *Сафагой* не давалъ ему ни малаго отдыху. Принужденъ былъ *Остроилъ* покориться своему чувствованію. Сей нѣжный любовникъ, пронзенный до внутренности словами Царицыными, имѣлъ лице, покрытое слезами, хотѣлъ оправдаться; *Доброгнѣва* сама того надѣялась, слушала его съ нетерпѣливостію: уже смягчалась, какъ вдругъ захохоталъ онъ дурацкимъ смѣхомъ, безпрестанно умножающимся, и сопровождаемымъ

мымъ нѣкоторымъ корченьемъ; все то усугублялось смѣшнѣйшими тѣлодвиженіями. Весь Дворъ обратился, устремилъ глаза на *Остроила*, и какъ бы сговорясь, поднялъ вдругъ громкой смѣхъ, разлившійся, подобно по скачкамъ текущему водопаду, изъ комнаты въ комнату, до крыльца и на улицу. Въ одну минуту Трантараранъ, находившійся въ угрюмѣйшемъ на свѣтѣ видѣ, началъ оказывать знаки глупой радости; всѣ въ немъ захохотали, начиная отъ Царицы до послѣдняго конюха.

При утишеніи перваго грому, *Остроилъ* находился почти при смерти, и упалъ безъ чувствъ: отнесли его домой, проходя мимо шутовъ, въ которыхъ чрезъ смѣхъ обратились всѣ придворные. Врачи созваны, они сбѣжались, узнавали, щупали руки, разсуждали, приказали пустить ему кровь, и заключали рѣшительно, что онъ отягощенъ такимъ припадкомъ безумія, которое неисцѣлимо.

Доброгнѣва, не взирая на всѣ причины, для которыхъ, думала она, надлежитъ ненавидѣть нещастнаго *Остроила*, была тронута его состояніемъ, и говорила о томъ съ ложною *Анемоною*. Вашему Величеству всего пристойнѣе (отвѣчала сія) забыть объ немъ; это дуракъ, не заслуживающій

— Это правда (прервала слова ея Царица, вздохнувъ); какъ жаль!

Представьте о смятенiи, соединенномъ съ бѣшенствомъ, въ каковомъ находился *Остроилъ*; всѣ разсужденiя приводили его въ отчаянiе. Его презрѣнная любовь, глупость, учиненная имъ въ глазахъ Царицы, и притомъ обожаемой отъ него; сiе жестокое щекотанье, коего причины не могъ онъ постигнуть, составляли для него смертельные удары, раздирающiе его душу, и смущающiе разумъ. Какъ великой философъ, къ преодолѣнiю несноснаго своего положенiя, заключилъ онъ умереть. Готовъ онъ былъ взять таковое богатырское намѣренiе; но при первомъ словѣ, которое онъ объ томъ сказать хотѣлъ, часы его готовились зазвѣнѣть: въ самое то мгновенiе ока ощутилъ онъ себя подхваченна невидимою силою. Вскорѣ увидѣлъ онъ себя на высотѣ воздуха въ безмѣрномъ отъ земли удаленiи; и сколько ни былъ отваженъ, но смертный хладъ разпростерся по его жиламъ; онъ лишился чувствъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, чтобъ это похищенiе не было дѣло *Циклоидино*; ненависть ея къ Царицѣ, и страсть къ *Остроилу*, достигли крайнѣйшаго степени; цвѣты *Гориславины* приводили ее въ безпрестанное смятенiе: она не могла больше сносить виду своей совмѣстницы, и не можно было ей жить безъ *Остроила*. Учинившись невидимою, пе-

перенесла она его въ замокъ прелестной, находящійся въ государствѣ волшебницы *Обрады*.

Она поспѣшала, и путь конченъ не больше, какъ въ три минуты; она положила *Остроила* на софѣ, и поднесши подъ носъ къ нему чуднаго бальсаму, привела его въ память. Онъ очнулся и пришелъ въ крайнее изумленіе.

Нечаянное отсутствіе *Остроилово* произвело на другой день великое волненіе при Дворѣ Транпарaранскомъ; мнимая *Анемона* пропала въ одно съ нимъ время, и волшебница старалась, чтобъ настоящая *Анемона* не освободилась съ башни: такимъ образомъ заключено, что вѣроломецъ сей похитилъ подругу Царицыну, которую онъ обожалъ; и что составляло то преступленіе, для котораго нѣтъ приличной изъ жесточайшихъ казней. Сдѣлали тысячу другихъ столь же глупыхъ разсужденій, коими отягощали нещастную *Доброгнѣву*; она принуждена была то слушать, приходя въ отчаяніе; потому что выраженія ихъ были тѣмъ для нее несноснѣе, что благопристойность принуждала ее притворяться. Она могла овладѣть собою столько, что не показала могущаго открыть ея чувствованіе: она являлась не больше принимающею въ томъ участія, сколько требовало правосудіе и польза Ея Величества,

и приказала съ хладнокровіемъ учинить погоню за похитлелемъ *Анемонинымъ*, кского не удостоила назвать имянемъ. По томъ съ терзаемою душею удалилась во внутренніе чертоги для свободнаго размышленія о своихъ нещастіяхъ.

Между тѣмъ волшебница *Горислава* видѣла все происходящее: правда то, что власть ея не простиралась до возможности разрушать дѣла другой равной ей волшебницы; не позволено ей было силою вырвать внука своего изъ рукъ *Циклоидиныхъ*: но позволялось ей взять всякія предосторожности, кои проворливость ея представляла средствами къ освобожденію *Остроила*. Она съ поспѣшностію начала перебирать лучшія свои книги, и нашла, что помощь волшебницы *Малущи*, старинной ея пріятельницы, можетъ быть ей полезною. Она не мѣшкавъ сѣла въ колесницу, запряженную четырью крылатыми зміями, и поскакала къ оной.

Малуша была самая благонравная, честная и ласковѣйшая волшебница на свѣтѣ; лучшая забава ея состояла въ томъ, чтобъ во весь день мыкаться по свѣту въ видѣ бѣлой кошки съ черными и желтыми пестринами. Она имѣла проворность невѣроятную, видъ прелестной, забавлялась безпрестанно, колола только въ шутку, и дѣлала почти ежедневно невинныя проказы. Она была зла толь-

только противу людей порочныхъ, которыхъ изъ презрѣнія къ законамъ и добрымъ нравамъ терпятъ въ обществѣ, и которые составляютъ вредъ и стыдъ для онаго. Кой часъ усматривала она таковаго человѣка, спѣшила къ своей добычѣ, и безъ всякой пощады замѣчала онаго на самой срединѣ лба литерою Б. Сей родъ наказанія сначала былъ дѣйствителенъ; убѣгали какъ яду замѣчанныхъ таковою буквою. Но въ послѣдствѣ найдено средство закрывать сей стыдъ небольшею мушкою золотаго цвѣту. Привыкли мало по малу; наконецъ вышло то, что сочли оную и за прикрасу; старались налѣплять, и пренебрегали людей никогда на себѣ оной не имѣвшихъ. Волшебница видѣла произходящее, много сердилась, но дѣло шло своею дорогою. Она сказывала, что не ея вина въ томъ, что человѣки не осмѣливаются ненавидѣть людей безчестныхъ; что къ ней не отваживаются они приближаться; и что она всегда замѣчаетъ ихъ на лбу въ славу добродѣтели, кой часъ попадутся они ей въ когти.

Малуша лишь возвратилась съ радостною побѣдою домой, ей удалось замѣтить двухъ таковыхъ особъ, какъ волшебница *Горислава* прибыла къ ней. Обѣ волшебницы обнялись; причина путешествія немедленно объяснена, и въ тотъ же часъ опредѣлено, какое из-

брать средство. *Малуша* велѣла *Гориславѣ* вырвать три волоска изъ кошечьяго хвоста своего; она сказала ей, что надлежитъ сожечь оныя на головѣ *Остроиловой*, такъ, чтобъ *Циклоида* не видала, и больше бы не безпокоилась. Или я весьма обманываюсь (говорила она), или всѣ способы, кои она предпріиметъ ко удовольствованію любви своей, будутъ недѣйствительны и обратятся напротивъ ей. Желаніе вредить всегда ослѣпляетъ порочныхъ; они въ заблужденіи подвергаются страстямъ своимъ; но честныя души находятъ помощь защитить себя отъ ихъ сѣтей. Повѣрьте мнѣ (продолжала она), что три волоска, изъ хвоста моего сожженные, надѣлаютъ хлопотъ *Циклоидѣ*. Я очень люблю вашего *Остроила*; я видѣла его еще маленькаго; онъ былъ такъ благонравенъ, любезенъ; *Доброгнѣва* весьма для него кстати. Надобно соединить ихъ, я на то согласна. Сія бѣдная дѣвица претерпитъ нѣсколько досадныхъ опытовъ; я васъ въ томъ предъизвѣщаю. Но ежели судьба не воспротивится, мы достигнемъ желаемаго.

Послѣ сихъ достопамятныхъ словъ и благодарности, *Горислава* отъѣхала, очутилась невидимою въ замкѣ *Циклоидиномъ*, возпользовалась способною минутою для сожженія трехъ чудныхъ волосковъ, поплакала не

немножко надъ своимъ внукомъ, препоручила онаго всѣмъ добрымъ духамъ, и оставила его преданна всѣмъ горестямъ любовнымъ, но не взирая на то покорна предпредѣленiямъ судьбины.

Изумленiе, въ каковомъ нашелся *Остроилъ*, пришедъ въ себя, и очутившись въ палатахъ незнакомыхъ, принудило его встать поспѣшно; онъ торопно переходилъ изъ комнаты въ комнату, выскочилъ въ садъ, и пробѣгалъ по оному. Всѣ встрѣчающiеся ему предметы мѣлькали мимо глазъ его, и не остановляли на себѣ оныхъ. Наконецъ въ скрытой дорогѣ повстрѣчался онъ съ мнимою *Анемоною*; онъ находился отъ нее шагахъ въ шести, но она его не видала. Напослѣдокъ (вскричалъ онъ, бѣжавъ къ ней) гдѣ мы? гдѣ Царица? что сдѣлалось со мною? -- Я не вѣдаю, въ какомъ мы мѣстѣ, (отвѣчала волшебница съ притворною невинностiю): но этотъ Дворецъ и сады удивительны. Но здѣсь мнѣ кажется прекраснѣйшее мѣсто на свѣтѣ. ---- *Доброгнѣва* здѣсь ли? ---- Не думаю, отвѣчала *Циклоида*; я очень ее люблю, и жалѣю, что съ нею разлучена; но когда я нахожу васъ, то вы мнѣ лучше Царицы и всѣхъ придворныхъ. Великодушная *Анемона*! (сказалъ *Остроилъ*) послѣ *Доброгнѣвы* я люблю васъ больше всѣхъ. Любовь влечетъ меня къ ней,

 не

но къ вамъ чувствую я великое дружество.

Разговоръ сей прерванъ былъ пріятнѣйшею послышанною тогда музыкою. Нѣжнѣйшіе голоса, сопровождаемые звукомъ разныхъ орудій, пѣли хоромъ слѣдующія слова:

Въ семъ жилищѣ столь прекрасномъ
Всѣ согласно воспоемъ,
Ощущая въ сердцѣ страстномъ
Огнь любовный мы своемъ.
Воспоемъ для *Остроила*
Анемонины красы,
Чтобъ ихъ страсть соединила
Навсегда въ сіи часы;
Чтобъ они любовью тлѣли:
Такъ судьбы то повелѣли. (*)

Слышите ли, что поютъ? сказала волшебница *Остроилу* съ пристрастнымъ изумленіемъ; что думаете вы объ этомъ? —— То, что музыка хотя стариннаго вкусу (отвѣчалъ *Остроилъ*), но довольно хороша, а слова ни куда не годятся. —— Но ежели ме-

(*) Сочинитель проситъ извиненія въ томъ, естьли стихи сіи не будутъ найдены довольно прекрасными; волшебница сочиняла ихъ на скорую руку и не когда ей было обокрасть старинныхъ добрыхъ Авторовъ.

между тѣмъ (сказала волшебница) судьбина не шутя повелѣваетъ намъ любиться? —— Вотъ тебѣ разъ! (говорилъ *Остроилъ*) это дурачество; я увѣренъ, что судьба о томъ и не думывала. Успокойтесь, я люблю *Доброгнѣву* въ тысячу разъ больше моей жизни, и не думаю, чтобъ самая судьба могла быть въ силахъ охладить мою къ ней нѣжность.

Волшебница догадавшись, что не должно вдругъ нападать, перервала проворно разговоръ, и пригласила *Остроила* итти прогуливаться съ нею; она показывала ему красоты сего очарованнаго жилища, прозрачность водъ его, прохладность рощей, разположенiе садовъ, великолѣпiе зданiй, богатство украшенiй и всюду господствующiй вкусъ. Таковымъ родомъ разсѣянiя чувствъ изгнано было на малое время воспоминанiе о ея соперницѣ изъ ума его; однако онъ безпрестанно возвращался къ предмету, владычествующему его сердцемъ. *Циклоида* тогда слушала его, сострадала, проливала ложныя слезы объ его нещастiи, говорила о своей привязанности, нѣжномъ участiи прiемлемомъ ею въ его печали: сiе польстило ему; скорбь его уменьшилась; довѣренность и дружество постепенно раждались въ душѣ его. *Циклоида* была его прибѣжище, отрада, вѣрной другъ: въ печа-

ча-

чали его являлось нѣкое удовольствіе о томъ, что Небо, удаляя его отъ *Доброгнѣвы*, оставило съ нимъ *Анемону*.

Таковымъ образомъ прошли первые дни; любовь волшебницу ухитрила: она узнала средство, что можно ослабить величайшую печаль, когда являть, что принимаешь въ оной участіе. Она ничего не упустила могущаго облегчить *Остроилово* уныніе, выдумала ежедневно новыя увеселенія, празднества, пляски, и позорищи всѣхъ родовъ занимали собою всякой день и часть ночи. Въ тѣ минуты, когда уныніе *Остроилово* было въ совершенствѣ, *Циклоида* тотчасъ начинала говорить о *Доброгнѣвѣ*: одно сіе имя его пробуждало, разговоръ оживлялся, лице развеселялось, печаль его исчезала; пріятные предметы, представляющіеся тогда глазамъ его, привлекали его вниманіе: онъ могъ видѣть и слышать произходящее вокругъ его; и душа его, не столь понуренная, могла принимать пріятное впечатлѣніе прелестныхъ забавъ, не подозрѣвая о томъ, что всѣ они для него учреждались.

Искусная выдумка, употребленная волшебницею для истребленія изъ души *Остроиловой* горестныхъ чувствованій, имѣла нѣкоторой успѣхъ; задумчивость его стала не такъ сильна: онъ началъ заниматься

игрою

игрою волшебницыныхъ комедіянтовъ, хотя посредственно ловкихъ по тогдашнему времяни. Онъ улыбался въ комедіи и взиралъ на *Анемону* почти безъ скуки: въ оперѣ, хотя въ тогдашнее время пѣли еще непосредственно плохо, приставалъ онъ иногда съ своимъ голосомъ. Мало помалу наконецъ попеченіемъ ложной *Анемоны* и съ помощію времяни, горесть его обратилась въ сладостную задумчивость, и страсть *Циклоидина* учинилась жесточайшею.

Между тѣмъ, какъ *Остроилъ* становился терпѣливѣе, жесточайшая печаль возмущала нѣжную *Доброгнѣву*: по мѣрѣ того, какъ предметы удалялись, подозрѣнія, внушенныя вѣроломною волшебницею, отчасти теряли свою силу. Разговоръ *Остроиловъ*, его чистосердечной видъ, страстные взоры, безпокойства и его почтеніе, изображались въ душѣ ея въ сильнѣйшихъ чертахъ любви. Похищеніе *Анемоны* было обстоятельство жестокое, котораго не могла она согласить съ понятіемъ, каковое объ немъ имѣла: одно только сіе мѣшало совершенному его оправданію; но со всемъ тѣмъ, не взирая на роптанія разума, не возможно ей было считать его ни измѣнникомъ, ни вѣроломнымъ. Страсть *Доброгнѣвина* торжествовала надъ догадками: *Остроилъ* нѣжной, страстной и невинной, былъ обожаемъ, и она не могла

ла не чувствовать, что любитъ его, хотябы онъ и виновенъ былъ.

Таковыя помышленія слѣдовали повсюду за *Доброгнѣвою*; ревность, печаль, страданіе, всѣ жестокія чувствованія, обыкновенно сопослѣдствующія страсти нещастной, попеременно терзали ея сердце; красота ея участвовала въ семъ болѣзненномъ состояніи, цвѣтъ лица ея не живѣе былъ души ея, глаза ея учинились томны; и за сею пріятною веселостію, умножавшею красоту ея, послѣдовало безпрестанное уныніе, навлекшее разные досадные переговоры. Сказки *Алмазовы*, бандора *Тюлпанова*, драгоцѣнности *Пустозвяковы*, и превозходныя дарованія *Кузнецикoвы*, не дѣйствовали къ разогнанію ея печали. Когда сіи придворные начинали съ нею говорить, жасмины изъ цвѣтовъ ея испускали запахъ несносной; а *Сафагой* съ самаго похищенія *Остроилова*, переселившійся во Дворецъ, забавлялясь въ угодность свою безпрестанно, дѣлалъ придворнымъ пакости. Весь свѣтъ тому смѣялся, но Царица не находила ничего забавнаго. Но пакостливой духъ дѣлалъ шалости не для пріобрѣтенія рукоплесканій; онъ продолжалъ ихъ въ свое удовольствіе. Какъ онъ не забывалъ пребывать невидимымъ, всякой изъ осмѣянныхъ слагалъ шутку, претерпѣнную на стоящаго близь его, и отшучивалъ равномѣр-

мѣрно. Сіе еще больше смѣшнымъ представляло позорище: по всякую четверть часа произходили забавныя ссоры между самыми важными придворными. Царица была тѣмъ обезпокоена, ничто не утѣшаетъ, когда утратится вкусъ къ забавамъ; она повелѣла уняться отъ таковыхъ шутокъ. Не понимали, кто онымъ причиною, и подозрѣніе упало на пажей. Ея Величество повелѣла оныхъ наказать; они учинились жертвою всеобщаго заблужденія. и приказъ сей исполненъ со всякою строгостію при звукѣ въ сковороды. Не заслуженное наказаніе возбудило въ нихъ мщеніе, старики изъ нихъ ударяли тревогу, средняго набору и новички къ нимъ пристали, и единодушно заключено пристать къ сторонѣ *Сафагоевой*. Чрезъ короткое время учинились они столькожъ проворны, догадливы и шалостливы, какъ и онъ; духъ разсерженъ былъ ихъ успѣхами, и оставилъ Дворъ; онъ долженъ можетъ быть только своему безсмертному существу, что не лопнулъ съ досады; однако на нѣсколько лѣтъ учинился совершеннымъ глупцомъ. Въ семъ промѣшкѣ времяни пажи отправляли его должность, и присвоили оную себѣ навсегда.

Между тѣмъ надежда оживляла *Циклоиду*, страсть *Остроилова* была равно нѣжна, чистосердечна и постоянна, но учинилась спокойнѣйшею. Всѣ разговоры его

съ

съ мнимою *Анемоною* клонились до невольничества, въ коемъ принуждены они жить; онъ всегда возпоминалъ о странномъ своемъ похищенiи, приписывалъ оное чрезъестественной силѣ, но не постигалъ причины. Чего отъ него требуютъ? Что намѣрены съ нимъ дѣлать? Кому надлежитъ сей замокъ? Для чего прекрасная *Анемона* была жертвою и участницею его нещастiя? Что она сдѣлала? за какую вину ее наказываютъ? были его безпрестанные вопросы. --- Вы бы меньше обо мнѣ жалѣли (отвѣчала ему мнимая *Анемона*], естьлибъ знали, сколько я васъ люблю. Я ни о чемъ не жалѣю, находясь съ вами. Таковымъ образомъ всегда оканчивались разговоры ихъ, доказательствами о живѣйшемъ участiи, которое прiемлютъ они другъ въ другѣ. Волшебница, какъ женщина остроумная, не старалась достигать усилiемъ: она вводила его постепенно въ ослѣпленiе и лестилась наконецъ достигнуть своей мѣты. Имѣя важные успѣхи, уповала она, что можно уже довершить остальное помощiю искусства. Она призвала на помощь всю силу власти своей; учинила таинственнѣйшiя заклинанiя и страшныя волхвованiя; призвала всѣхъ влюбленныхъ волшебницъ со всего свѣта; приступила съ ними къ дѣйствiю, и истощила всѣ возможныя средства, кои можетъ внушить велн-

личайшая страсть, подкрѣпляемая почти безпредѣльнымъ могуществомъ.

Вдругъ Дворецъ ея, и безъ того великолѣпный, воспріялъ новой видъ. Чертоги, большія и малыя покои, обои, картины, истуканы премѣнились; всѣ оныя представляли, вдыхали и возжигали сильный пламень утѣхъ любовныхъ. Сады, древа и цвѣты, украсившись дыханіемъ самыхъ нѣжныхъ Зефировъ, являли прельщающій видъ первыхъ весеннихъ дней; тысяча дорогъ, скрывшихся новымъ листомъ, указывали убѣжище въ очарованныхъ бесѣдкахъ; пріятнѣйшая зелень, пѣніе птицъ, благовоніе цвѣтовъ, шумъ упадающихъ водъ, оживающая природа; словомъ сказать, все въ прекраснѣйшемъ семъ жилищѣ возбуждало въ чувствахъ сладостное вожделѣніе и нѣжное впечатлѣніе роскоши.

Какое очарованіе! любезная *Анемона*, (вскричалъ *Остроилъ*, влекомый волшебницею для прогулки въ рощахъ) видалиль вы что нибудь пріятнѣйшее? Какъ сады сіи прекрасны! какое зрѣлище! я восхищенъ! — Я также, какъ и вы (отвѣчала волшебница) ощущаю крайнее удовольствіе; привлекаетъ ли васъ сія любезная прохладность рощей? Ахъ! какъ красива долина сія! — Говоря это, они шли далѣе. Они достигли на площадку, обсаженную миртами и померанцами, наполняющими воздухъ ароматнымъ испареніемъ, виденъ среди оныя былъ порфир-

ный водоемъ, наполненный прозрачною водою, изъ которой выходила богиня любви, высѣченная изъ бѣлаго мармору, окруженная радостьми и младенцами, изображающими *Леля* и *Полеля*: самая *Лада* находилась въ положенiи столь благопрiятномъ, что взоры не могли потерять ни одной черты изъ тѣхъ заразъ, кои составляютъ блаженство самыхъ боговъ. *Остроилъ*, пораженный изображенiемъ совершеннѣйшаго художества, алчно пробѣгалъ взорами по прелестямъ сего истукана; чувства, овладѣвъ его взорами, прилѣпляли оные къ привлекательнѣйшимъ чертамъ *Лады*, какъ вдругъ возбужденъ онъ былъ сладостнымъ согласiемъ музыки. *Циклоида*, и онъ, схватившись руками, и равномѣрно бывъ очарованы тѣмъ прелестнымъ звономъ, обратились къ тому мѣсту, откуда оный произходилъ.

На берегу водовода, коего поверьхность представляла хрустальные ковры, младыя дѣвицы изъ служительницъ волшебницыныхъ, собравшись по ея приказанiю, составили при звукѣ сладкогласныхъ орудiй ту обворожающую игру, кою изобрѣлъ вкусъ къ вожделѣнiю, и которая оное производитъ. Одежды ихъ, разположенныя искусно по характерамъ, кои онымъ представлять надлежало, на однихъ щеголеваты, на другихъ легки и всѣ сработаны прелестно, были устроены мень-

меньше для того, чтобъ скрывать отъ глазъ ихъ прелести, чемъ удовлѣтворять нѣжному любопытству. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали разбросавшись на цвѣтущей муравѣ, и присоединяли голоса свои къ музыкальнымъ орудіямъ: онѣ воспѣвали любовь, и присоединяли свои прелести, пристрастіе къ выраженію своего пѣнія. Другія резвились съ любовниками, возпламененными и живыми; шутливыя усмѣшки одушевляли тѣнь лицъ ихъ, и учиняли зрѣніе на нихъ тѣмъ больше прельщающимъ; онѣ кончили игру свою, связавши другъ друга цѣпями изъ цвѣтовъ. По томъ побѣжавъ въ запуски, удалялись отъ своихъ подружекъ; любовники старались ихъ догнать, готовились уже схватить: но онѣ увернувшись, ускользали изъ рукъ простертыхъ; напослѣдокъ ихъ ловили: поцалуй, данный съ пріятностію и принятый съ восхищеніемъ, былъ наградою побѣдителя. Многіе изъ нихъ живѣйшею пляскою изображали полетъ дышущихъ любовію бабочекъ. какъ оныя при возхожденіи солнца поправляютъ свои крылышки, летятъ, кружатся, перескакиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; ищутъ тѣхъ, съ коими надлежитъ имъ сцѣпиться; находятъ, остановляются, цалуютъ, играютъ, и улетаютъ. Тѣ же дѣвицы начали послѣ того, схватившись руками, веселой танокъ; толпа пастушковъ, предводимыхъ

богомъ любви, спѣшила присоединиться къ нимъ. Тогда легкіе ихъ ноги начали летать по муравѣ съ живостію, внушаемою вожделѣніемъ, которое они изображали и вдыхали; ихъ повороты, нѣжные взоры, усмѣшки представляли невинное искусство, соблазняющее душу и возпламеняющее новымъ огнемъ. Онѣ побѣжали за тѣмъ, чтобъ ихъ догоняли, и чтобъ получить время къ выбору. Вскорѣ любовь ихъ разпредѣлила: онѣ пошли томно съ объятіями, распростертыми для нѣжности, и взорами удовольственными: это было изображеніе утѣхи, роскоши и щастія. Танокъ кончился, прекрасный хороводъ мало по малу пропалъ изъ виду въ бесѣдкахъ и тѣняхъ, находившихся вдоль по водоводу.

Ахъ! какъ они щастливы, прекрасная *Анемона*! (вскричалъ тогда разтроганный *Остроилъ*) *Циклоида* отвѣтствовала ему вздохомъ; ея взоры на него устремленные, были исполнены той плѣняющей томности, которая открываетъ чувства, произходящія въ душѣ, и всегда на глазахъ оныя изображаетъ. Впечатлѣніе предметовъ, коими они занимались, желаніе, ея нѣжность, появляющаяся на лицѣ, составляли видъ разительной; ея уста, глаза, румянецъ, всѣ черты представляли любовь и самую роскошь. Движенія *Остроиловы* уподоблялись смущенію вол-

волшебницыну, которая шла повалиться на дерновой софѣ. Онъ держалъ ее за руку, и приходилъ въ одинакое съ нею состояніе; руки ихъ сплелися, взоры повстрѣчались, смутились, вся вселенная въ оныхъ изчезла: они видѣли только себя во всей природѣ.

Циклоида достигла минуты побѣды своей, ея желанія достигли высоты, равно и *Остроиловы* въ жестокомъ восхищеніи; всѣ чувства его объяты были огнемъ любовнымъ . . . Вдругъ смертной хладъ разпростерся въ его жилахъ; онъ ослабѣлъ, какъ бы бездушной въ объятіяхъ волшебницы; она обнимала токмо тѣнь *Остроилову*. Въ смятеніи своемъ земѣтилъ онъ однако, что часы его не звенѣли и кольцо не сжималось. Между тѣмъ чувства его уступили мѣсто разсужденію и самолюбію; онъ взглянулъ на мнимую *Анемону*. Безпорядокъ, въ которомъ она находилась съ прочими обстоятельствами, укоряли его въ слабости, и доказывали о его стыдѣ. Онъ съ досадою почувствовалъ свое нещастіе.

Можетъ быть льзя сказать, что *Циклоида* привыкла къ неудачамъ. *Частохватъ* составлялъ первый ея союзъ въ жизни, но не весьма соотвѣтствующій ея намѣренію. — успокойтесь, мой дражайшій *Остроилъ* (сказала она, подавъ ему руку съ нѣжнымъ взоромъ); это маленькое приключеніе случайное

въ свѣтѣ; я не сержусь, это не нарушаетъ дружества. ---- Ахъ, сударыня! я въ отчаяніи (отвѣчалъ *Остроилъ* съ холодностію): испыталъ ли кто нибудь таковую перемѣну? Естьлибъ вы знали . . . Могъ ли бы я опасаться? . . . Нѣтъ, таковое нещастіе не можетъ быть со мною!

Циклоида, которая для успокоенія его могла бы разсказать нѣсколько примѣровъ, удовольствовалась усмѣшкою, и обратила случай сей въ шутку. Таковое снизхожденіе уменьшило нѣсколько стыдъ *Остроиловъ*, но безпокойство его совсѣмъ тѣмъ было велико; въ самомъ дѣлѣ случай его въ основаніи не такъ былъ обыкновененъ, какъ мнила волшебница; ему потребно было нѣсколько времяни для уединенія. Онъ оставилъ волшебницу, удалился въ темную листвяную дорогу и предался разсужденіямъ. Оныя касались до прошедшаго приключенія предстоящей опасности и страха о предбудущемъ. Онъ не постигалъ, что его предохранило. Какъ можно было ему угадать, что три волоска изъ хвоста волшебницы *Малуши* были того причиною? Обѣ покровительницы его имѣли свои виды: часы и кольцо его лишены ими дѣйствія.

Сей вечеръ кончился безъ особливыхъ замѣчаній со стороны *Избора*: Сказывальщикъ утомясь, попросилъ отдохновенія.

ВЕ-

ВЕЧЕРЪ XXIII.

Острдилъ, не постигая объ силѣ его предохранающей, видѣлъ только одно свое нещастіе. Что подумаетъ обо мнѣ прекрасная *Анемона*? вскричалъ онъ: но что подумать мнѣ и о самомъ себѣ? Какъ! я не могъ возпротивиться! . . . . Любопытство привлекло меня сдѣлать новое испытаніе; но возможноль, что ничто мнѣ не препятствовало? . . . Ахъ! я пропалъ! (вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ по маломъ размышленіи). Любовь меня наказала; безъ сомнѣнія это была невѣрность . . . . Но развѣ меня любятъ? вѣдь лишь въ такомъ случаѣ можно учиниться невѣрнымъ. . . . Увы! я самъ причиною моего нещастія. Часы мои не звенѣли и кольцо не сжималось, въ этомъ случаѣ я правъ; имъ бы надлежало меня необходимо увѣдомить; по крайней мѣрѣ невѣрность не иное что, какъ глупость. . . . Нѣтъ! совсѣмъ не то; невольное заблужденіе чувствъ не можетъ быть препятствіемъ любви; надлежитъ, чтобъ измѣнило сердце, а мое сего не дѣлало, и всегда одинаково; я всегда обожаю и люблю прекрасную *Доброгнѣву*.

Сіи тонкія разсужденія не коснутся можетъ быть общаго мнѣнія въ цѣломъ

свѣтѣ; вкусы почти всѣ различны, и мысль одного съ другимъ несогласна. Я самъ признаюсь (говорилъ Сказывальщикъ *Избору*), что моя любовница не очень бы меня удовольствовала таковымъ извиненіемъ. Но между тѣмъ ежели здраво разсудить, всѣ преступленія, не оскорбляющія душу, сіи заблужденія чувствъ, или сіи ложные виды, отъ которыхъ сердце отрекается, не суть невѣрности настоящія; есть то слабости невинныя, которыя надлежитъ поставлять на ряду съ пріятными сновидѣніями, и которыхъ не ищемъ мы съ намѣреніемъ. Виноватъ ли тотъ, кто заснулъ? Я отношу разсужденія мои къ женщинамъ совершенно нѣжнымъ, оныя найдутъ у нихъ одобреніе. Мы живемъ въ вѣкѣ просвѣщенномъ, гдѣ нѣтъ иныхъ вопросовъ, какъ только объ душѣ; тѣло за ничто считается. Какая въ самомъ дѣлѣ надобность надзирать за таковою мѣлочью? тонкость царствуетъ во всемъ; не требуютъ, опричь ее во всякихъ сочиненіяхъ, на театрѣ и въ обществѣ. Достовѣрно дѣйствуютъ по сему правилу, и вѣкъ нашъ для отличія можетъ назваться вѣкомъ чувства.

Вѣкъ, въ которомъ жила *Циклоида* былъ меньше тонокъ; тогда во вкусѣ было наслажденіе, и не считалось за неблагопристойность: можно по тому замѣтить,

что смущенie *Остроилово* не приводило ее въ отчаянie. Надобно лишь было дать время поспорить ему съ самолюбiемъ, и ожидать скораго его возвращенiя. Она не обманулась; день кончался уже, какъ вышелъ онъ изъ темнаго лѣску, въ которомъ онъ забылся, и вошелъ въ палаты. Вступая, спросилъ онъ, гдѣ *Анемона*? увѣдомили его, что она дожидается его въ своихъ покояхъ; онъ увидѣлъ ее и закраснѣлся.

Вы очень поздно возвратились (сказала ему *Циклоида*); довольны ли вы вашею прогулкою? Что надлежитъ до меня, я утомилась. Я мало участвую въ вашихъ трудахъ нынѣшнихъ (отвѣчалъ *Остроилъ*, еще больше закраснѣвшись); вы безъ сомнѣнiя должны имѣть обо мнѣ мнѣнiе странное. ---- Наилучшее въ свѣтѣ (подхватила она); забудемъ всѣ наши шалости. Вѣрите ли вы, что я не очень довольна тѣмъ, что мнѣ не въ чемъ укорить себя? Я не отпираюсь (продолжала она, кинувъ на него нѣжнѣйшiй взглядъ), что вы могли возторжествовать надъ моею слабостiю, естьлибъ похотѣли обмануть меня.

Это значило напомянуть ему о его слабости собственной, способомъ удобнымъ возбудить его тщеславiе. Онъ почувствовалъ всю силу сего впечатлѣнiя: готовъ былъ ей отвѣчать, но вошли сказать, что кушать поставили. Они сѣли за столъ; ужинъ былъ

довольно веселъ, ничего не упоминили о проступкѣ *Остроиловомъ*; празднество происходившее днемъ, и балъ, назначенный въ сей вечеръ, составляли предметъ ихъ разговоровъ. --- Вы всю ночь намѣрены занять баломъ? сказалъ *Остроилъ* волшебницѣ съ безпокойствомъ, когда они изъ застола встали. Не чего больше дѣлать, отвѣчала она. --- Что до меня (сказалъ *Остроилъ*), танцы и пляска наводятъ мнѣ скуку. --- А мнѣ кажется (говорила волшебница съ лукавою усмѣшкою), вы ничего лучше не сдѣлаете, вы танцуете такъ прекрасно. Повѣрьте мнѣ, что надобно любить вещи, въ которыхъ кто искусенъ. --- Ваша досада еще не кончилась (отвѣчалъ онъ съ жаромъ); я оную заслуживаю, но всегда, сударыня, извиняютъ первую погрѣшность, когда въ оной чистосердечно извиняются; это значитъ, что можно исправиться. --- Будьте довольны (сказала лукавая волшебница), что вамъ добровольно въ этомъ вѣрятъ; вы жестоки въ размышленіяхъ: я замолчу, чтобъ не подать вновь вамъ къ онымъ причины.

Насмѣшка сія не кончилась тѣмъ: на балѣ не было ни одной мазки, которая бы не подходила къ нему и не шутила надъ нимъ. А особливо одна весьма ему надоѣла; она спрашивала у него, каковъ онъ находится послѣ давешняго приключенія. Насмѣшка

сія кольнула его, и тѣмъ больше, что мазка сія была женщина. Онъ не имѣлъ совершеннаго понятія о свойствѣ погрѣшности своей; но нѣкое предчувствованіе обьясняло ему, что приключеніе его удобно возмущать духъ прекраснаго пола. — Э! кстати ли молодому мущинѣ (сказала мазка) судить такъ строго о цѣнѣ вещей, чтобъ не трогало его одобреніе, каковое можно получить отъ женщины? Она учинилась прекраснѣе обыкновеннаго отъ своихъ желаній; самолюбію бы твоему надлежало искать славы. — Сказавъ то, она отъ него побѣжала. *Остроилъ* тронутый со стороны любочестія погнался за нею, и достигъ: онъ старался ничего не упустить къ своему оправданію, но ни чему не вѣрили: держались обстоятельствъ его приключенія, описывали оное подробно съ тонкою насмѣшливостію. Слыша то, онъ опустилъ руки, смутился и сталъ пристыжденъ. Старался онъ сыскать глазами мнимую *Анемону*; увидѣлъ оную; она то примѣтила, и показала видъ, что хочетъ скрыться. Онъ хотѣлъ поспѣшить за нею: нѣсколько неугомонныхъ мазокъ пристали къ нему, завели его въ разговоръ; съ превеликимъ трудомъ онъ свободился отъ нихъ, и пришелъ въ спальню къ *Циклоидѣ* въ самую

мую ту минуту, какъ она ложилась въ постелю, совсѣмъ раздѣвшись.

Что васъ такъ принудило, мой любезной *Остроилъ*? (сказала она, притворившись весьма изумленною.) Какъ вы думаете, которой бы часъ? —— Ахъ, сударыня! (подхватилъ онъ) вѣдаете ли вы, что наше приключенiе всему свѣту извѣстно? Всѣ на балѣ —— Но я не имѣла никакого приключенiя (отвѣчала волшебница); за чемъ мнѣ вмѣшиваться —— Это правда, я говорю объ своемъ (продолжалъ *Остроилъ*, застыдясь). Я заслуживаю это —— Да, оно пронзаетъ! (сказала волшебница насмѣшливымъ голосомъ) —— Ахъ! оставьте ваши жестокiя шутки (отвѣчалъ онъ съ досадою). Вы одни могли объ томъ сказать —— А что бы такое могла я сказать? Вѣдь вы не требовали отъ меня, чтобъ я о томъ таила. Тайна касается до какой нибудь вещи, а между нами ничего не было. Подите, успокойтесь (продолжала она, подавая ему прекрасную руку, и движенiе которой необходимо должно было открыть нѣсколько другихъ прелестей), не помышляйте больше о сей глупости, и дайте мнѣ уснуть; я устала. . . . А я (сказалъ *Остроилъ* съ жаромъ) готовъ отмстить вамъ за нескромность. —— Выговоривъ это, бросился онъ въ объ-

объятія волшебницы. Что за дурачество? вскричала она; но постой! тебѣ не удастся —— Дѣло сбыточное! (говорилъ отважившійся *Остроилъ*); но отъ васъ зависитъ, чтобъ изъ доброй воли. . . . Я обижен, надобно отмстить —— Но къ чему вы намѣрились? время ли для разговоровъ? (сказала волшебница) Я никогда не думала. —— Между тѣмъ, какъ она говорила къ нему сіи обыкновенно употребительныя слова, онъ былъ уже на постелѣ, и взошелъ какъ побѣдитель, коему ничто не могло противиться. Думаете ли вы (сказалъ онъ гордо), что могу быть я всегда нещастливъ? . . - Вы не говорите ни слова. О! это значитъ, что вы согласны. Сказавъ то, схватилъ онъ ея руку. Она противилась, или притворялась сопротивляющеюся; обстоятельство не имѣло слѣдствій. *Остроилъ* находясь въ спокойномъ положеніи, лишь говорилъ о прошедшемъ приключеніи. Вспомните о дерновой софѣ . . . Но не будемъ больше говорить о томъ; бываютъ въ жизни злыя минуты. Послѣ таковаго смѣшнаго предисловія храбрый *Остроилъ* не зналъ что дѣлать. Ему оставался лишь одинъ шагъ, которой бы могъ оправдать его —— Но онъ опустилъ ея руку изъ руки своей, вздохнулъ, и началъ громогласно проклинать свое нещастіе. Ложная *Анемона* захохотала, и тѣмъ довершила его смяшеніе. Хоро-

рошо вамъ смѣяться (сказалъ *Остроилъ* съ досадою), но что лежитъ до меня, мнѣ не до шутокъ. Онъ вскочилъ потомъ со стыдомъ, бѣшенствомъ, и проливая съ серцовъ слезы. --- Это что значитъ? сказала ему тогда волшебница съ нѣжностію. Какъ! ты плачешь? бездѣлица тебя огорчаетъ, и приводитъ въ отчаяніе? Безъ сомнѣнія, ваше безпокойство составляетъ источникъ всего нещастія . . . Успокойся, мой любезной (продолжала она, цалуя его): это случилось не отъ вашей погрѣшности; можетъ быть я причиною. Таковой разговоръ, ласки и поцалуи волшебницыны, вдругъ перемѣнили обстоятельство; онъ воспылалъ снова; но въ тужь минуту упалъ въ прежнюю слабость и безмолвное отчаяніе. Вся ночь прошла въ таковыхъ перемѣнахъ, которыя взбѣсили волшебницу. Что скажеше вы о семъ произшествіи? (говорилъ наконецъ смущенный *Остроилъ* волшебницѣ отчаянной). --- То (отвѣчала она), что вы имѣете руки прекрасныя, но чрезмѣрно слабыя. --- Охъ, сударыня! (кричалъ онъ съ досадою) не къ мѣсту шутки; я утверждаю, что есть въ семъ нѣчто чрезъестественное. --- Подите почивать (сказала волшебница сухо)! вамъ нуженъ сонъ; вы можете завтра разсуждать и постигать, сколько вамъ угодно, естьли чаеше, что это исцѣлитъ васъ. ---

Онъ

Онъ не смѣлъ противиться, отдалъ низкой поклонъ, пошелъ въ свою спальню, кусая губы, и оставилъ волшебницу въ несносной досадѣ.

ВЕЧЕРЪ XXIV.

Циклоида пробудившись (это слово доказываетъ, что она спала, хотя то и сомнително), начала размышлять о потерянномъ времяни, не съ тѣмъ, чтобъ сожалѣть, но чтобъ изыскать средства, могущія поправить оное. Ей вспала мысль, приведшая ее въ стыдъ, что такъ поздно пришла оная къ ней! Гдѣ дѣвался умъ мой? (вскричала она) любовь меня весьма ослѣпила. Я люблю, и подъ видомъ другой думала восторжествовать. Таковое размышленіе послѣдуемо было всѣми выгодными воображеніями, которыя внушаетъ самолюбіе. Она не сомнѣваясь далѣе сложила на видъ *Анемонинъ* неудачу претерпѣнную, и льстила себѣ, что въ своемъ собственномъ видѣ не будетъ оной подвержена. Вотъ въ чемъ дѣло! сказала она; эта *Анемона* вдыхаетъ въ него предразсудки. Отъ того-то онъ приходилъ въ отчаяніе, которому причины я не постигаю и въ чемъ обвиняю его не-

несправедливо. Ахъ, бѣдной мальчикъ! это не твой проступокъ; я справедливо говорила ему вчерась, что можетъ быть я того причиною.

Она въ то время стояла противу зеркала. Въ самомъ дѣлѣ (продолжала она), *Анемона* ничего въ себѣ такого не имѣетъ. Какой видъ! въ ней нѣтъ пріятностей; станъ ея неловокъ; походка гадка; цвѣтъ въ лицѣ годился бы, но самое лице ничего не обѣщаетъ; словомъ сказать, она не важна. Послѣ таковаго изслѣдованія оставила она немедленно образъ *Анемонинъ* и приняла свой собственной; и какъ уже не имѣла надобности въ чертахъ ей неравныхъ, то отослала ихъ къ хозяйкѣ. *Анемона* приняла ихъ съ удовольствіемъ, не желая промѣняться тѣмъ ни съ какою волшебницею на свѣтѣ.

Послѣ того не оставалось о чемъ думать, кромѣ того, какъ бы показаться на глаза *Остроилу*. Величественное явленіе казалось ей къ тому удобнѣйшимъ. Она знала, что человѣки, рабы ихъ волшебнаго могущества, имѣютъ слабость унижаться предъ онымъ, упреждать ихъ и самые незаконныя желанія, удовлетворять съ покорностію ихъ своенравію, и считать за славу, служа ихъ утѣшеніямъ. По симъ-то понятіямъ, каковыя имѣютъ и всѣ великія особы о низкихъ человѣ-

ловѣкахъ, волшебница учредила свои разположенія. Она поднялась на воздухъ, и окружила себя всею пышностію своего достоинства. Громъ и молнія возвѣстили прибытіе ея въ замокъ; она сидѣла въ колесницѣ, осыпанной бриліантами и везомой осмью какъ снѣгъ бѣлыми лебедями: величественное ея одѣяніе серебряной парчи блистало отъ другихъ камней. Я сказалъ уже, что она была прекрасна: сія новая Лада подражала казаться тою, которая привлекла на себя взоры *Остроиловы* въ порфирномъ водоемѣ. Выступка ея была величественна, глаза живые, нѣсколько важные, но прелестные, когда наполнялись нѣжности; цвѣтъ лица ея имѣлъ всю нѣжность младости; и платье ея, подобраное выше колѣнъ яхонтовыми запонами, сказывало прелестныя ножки. Прибывъ, окружена была она всѣми своими придворными.

Остроилъ, отягощенный печальными размышленіями, и съ сердцемъ наполненнымъ любовію, прохаживался тогда въ саду. Онъ помышлялъ только объ одной *Доброгнѣвѣ*, и былъ изъ задумчивости выведенъ послѣдовавшимъ громовымъ ударомъ, которой предшествовалъ прибытію *Циклоиды*; прибѣжали увѣдомить его о томъ, и что она хочетъ его видѣть. Наконецъ (сказалъ онъ) узнаю я о судьбѣ моей. Таковая наде

жда произвела въ душѣ его лучь радости: онъ побѣжалъ поспѣшно, вшелъ веселъ, приближился къ волшебницѣ, и сказалъ голосомъ, наполненнымъ почтенія и важности, что безъ сомнѣнія находится онъ въ замкѣ семъ по ея волѣ; что онъ осмѣливается просить, чтобъ увѣдомили его, по какой это причинѣ; что онъ сочтетъ себя щастливѣйшимъ человѣкомъ, когда услуги его ей могутъ быть полезны; но что праздность, каковой онъ предоставленъ, не предсказываетъ ему таковой чести: почему дерзаетъ просить объ своемъ увольненіи; ибо честь и слава его требуютъ присутствія его въ другомъ мѣстѣ.

Циклоида отвѣтствовала ему величественно, что имѣетъ нѣкоторое въ разсужденіи его намѣреніе, о которомъ объявитъ ему; что впрочемъ отданы были ею строгія повелѣнія, чтобъ во время отсутствія ея ничего не недоставало къ веселію провожденнаго имъ здѣсь времяни. Но что касается до вашей праздности (продолжала она съ усмѣшкою и взглядомъ, разстроившимъ *Остроила*), я довольно предувѣдомлена, что нѣтъ причины вамъ упрекать въ томъ себя.

Послѣ сего перваго разговора, которой въ честь чина ея произходилъ въ присутствіи всего Двора ея, пошла она во внутренніе

ніе покои, приказавъ *Остроилу* слѣдовать за собою; тамъ сѣла она на самой мягкой софѣ. *Остроилъ*! (сказала она ему потомъ) я не знаю, что подумаете вы о снизхожденіи, которое я дѣлаю для васъ? ибо я волшебница: существо наше столько возвышено надъ человѣческимъ, что нѣтъ изъ нихъ столь дерзкаго, которой бы осмѣлился возвести глаза свои на носъ, естьли мы не удостоимъ ихъ снизхожденія. Наше возвышенное достоинство даетъ намъ право дѣлать съ благопристойкостію таковыя низступленія; мы можемъ и должны въ разсужденіи васъ оказывать тѣ же поступки, кои вы употребляете съ обыкновенными женщинами. Я люблю тебя, *Остроилъ*, и тебѣ оное открываю: могу ли я ожидать признанія за таковую къ тебѣ милость?

Остроилъ не ожидалъ таковаго нахальнаго объявленія; онъ имѣлъ только превозходное (какъ уже видѣли) понятіе въ обхожденіи съ простыми женщинами, но ни малѣйшаго, какъ поступать съ волшебницами. Онъ выдумывалъ, что отвѣчать; *Циклоида* его предупредила. Что надлежитъ мнѣ предчувствовать изъ твоего молчанія? (сказала она съ строгостію) Не къ неблагодарному ли имѣла снизхожденіе? Не должно ли вооружиться мнѣ всею моею властію — — Ахъ, сударыня! (подхватилъ *Остроилъ*

бросясь на колѣни), я ничего не видывалъ васъ прекраснѣе; душа моя тронута вашими милостьми; и, естьли угодно, я жертвую вамъ моею жизнію; но. . . . . . По щастію шумъ часовъ его зажалъ ему тогда ротъ. Чистосердечіе его готово было не кстати вымолвить глупость тѣмъ величайшую, что оная разстроила бы намѣреніе обѣихъ покровительствующихъ его волшебницъ.

Я вѣдаю (сказала ему *Циклоида*), что вы имѣете нѣкоторую склонность къ Царицѣ Трантараранской Она довольно прекрасна; но пора уже ею забыть. Я не говорю ни слова объ *Амарантѣ*. Союзъ вашъ былъ такъ кратокъ; *Анемона* скоро заняла ихъ мѣсто. . . . . . Какъ, сударыня (перебилъ слова ея *Остроилъ*) вы думаете... О! (подхватила волшебница) я надѣюсь что намъ не будетъ препятствія. Она позвонила въ колокольчикъ; пришли. Она повелѣла начать все, что можетъ доставить увеселеніе, и въ то мгновеніе ока началась музыка; волшебница между тѣмъ вязала узелки, а придворныя госпожи ея зевали со скуки. Музыка не утѣшала *Остроила*. Онъ ушелъ въ свой покой предаться печальнымъ размышленіямъ, стѣсняющимъ его душу; казалось, что любовь его къ *Доброгнѣвѣ* возросла отъ новаго сего препятствія, которымъ угрожала ему волшебница. Онъ не ви-

видэлъ другаго средства противу ея гоненія, кромѣ немедленнаго бѣгства; онъ хотѣлъ удалиться на край свѣта, чтобъ не измѣнить клятвамъ, даннымъ Царицѣ, имъ обожаемой. Но какъ можно было вытти? Стѣны сего очарованнаго замка не охраняемы ли были волшебствомъ *Циклоидинымъ*? Чтобъ ни было (вскричалъ онъ съ отчаяніемъ), подвергнемся всему для избавленія себя изъ сего несноснаго жилища. Говоря сіе, онъ вставалъ итти; но почувствовалъ свой палецъ, сжимаемой кольцомъ, почти стольможъ больно, какъ у *Амаранты*. Я не понимаю (вскричалъ онъ остановясь), чего хочетъ кольцо мое? Что мнѣ здѣсь дѣлать? Для чего не позволяется мнѣ бѣжать? Какъ мнѣ защищаться? чегожъ и опасаться? Останемся до тѣхъ поръ, сколько можно - - - Предамъ себя покровительству *Гориславину*; но что бы ни послѣдовало, я, не взирая на усилія всѣхъ волшебницъ на свѣтѣ, пребуду вѣренъ.

По долгомъ размышленіи показалось ему, что нашелъ онъ самый хитрый способъ въ пользу любви своей. Оный состоялъ въ томъ, чтобъ повергнуться на колѣна предъ волшебницею, и открыть чистосердечно чувствуемое имъ къ ней равнодушіе, и всю нѣжность, которую имѣетъ онъ къ *Доброгнѣвѣ*. Безъ сомнѣнія (говорилъ онъ самъ себѣ) мое чистосердечіе, мое почтеніе, мои

слезы, возъимѣютъ дѣйствіе надъ ея сердцемъ; естьли она любитъ меня, она тронется. Притомъ же *Циклоида* волшебница, и слѣдственно должна быть великодушна. Занявшись таковою мыслію, былъ столь оною предубѣжденъ, что не слыхалъ, какъ во все продолженіе его разговора съ собою часы его безпрестанно звенѣли. Онъ пошелъ для произведенія сего хитровыдуманнаго способа въ дѣйство; но боль, произведенная ему кольцомъ, противу воли принудила его остановиться.

Что за нещастіе? (вскричалъ онъ) Я не говорю и не дѣлаю нынѣшняго дня ничего, кромѣ глупостей. Но между тѣмъ кажется мнѣ, что я разсуждаю основательно. О! я довольно полагаюсь на мой разумъ. Позволяетъ ли благоразуміе, чтобъ я склонился на предложеніе волшебницыно? Какое дурачество! возможноль! развѣ *Доброгнѣва* не полновластно господствуетъ надъ моимъ сердцемъ?

Въ недоумѣніи, бывъ мучимъ страстью собственною, и приводимый въ отчаяніе *Циклоидиною*, не вѣдая, что начать, сошелъ онъ въ садъ, не помышляя о томъ. Скоро приведенъ онъ былъ въ изумленіе, послышавъ, что въ ближнемъ лѣску явственно произносятъ его имя. Онъ побѣжалъ въ ту сторону; увидѣлъ на липовой вѣтьви

пре-

прекрасную бѣлочку, и приближался къ ней. Бѣлочка безпрестанно кликавъ его по имяни, прыгала съ дерева на дерево до тѣхъ поръ, какъ завела его въ густоту лѣса. Тогда дала она себя поимать безъ сопротивленія. *Остроилъ* восхищенъ былъ тѣмъ, что поималъ столь прекраснаго зверка. Могу ли я тебѣ чемъ служить? (сказалъ онъ, поглаживая ее рукою) говори, бѣлочка другъ мой? чего ты хочешь? —— Вразумить тебя (отвѣчала она ему); твои часы и кольцо ясно припоминали тебѣ, что ты глупецъ; я хочу научить тебя, не взирая на то, что я только зверокъ. —— Таковое намѣреніе (сказалъ изумленной *Остроилъ*) не очень вѣжливо, но я готовъ слушать; я не люблю лести, и имѣю нужду въ совѣтахъ: не рѣдко и скоты бываютъ, кои научаютъ человѣка. —— Изрядно! когда такъ (говорила бѣлка), ты думаешь благоразсудно, и во весь день лучшаго еще не говорилъ. Ты находишься въ великомъ замѣшательствѣ: волшебница тебя любитъ, какое нещастіе! ты обожаешь *Доброгнѣву*; малая тѣнь невѣрности возмущаетъ твою душу. Тонкость таковой нѣжности удивительна, жаль лишь того, что нѣтъ въ ней общаго смысла. —— По чему бы это? (подхватилъ *Остроилъ*) могу ли я вдругъ любить *Циклонду* и *Доброгнѣву*? Для тебя непонятно — вы-

слу-

слушай (сказала бѣлка), я увѣрена, что ты влюбленъ въ Царицу Трантараранскую, нѣжность твоя можетъ довести тебя на престолъ, и я согласна, что любовь, приносящая хотя на одинъ день царствованіе, гораздо благоразумнѣе той, которая не приноситъ во всю жизнь. Но сія твоя полезная страсть можетъ ли мѣшать тебѣ выслушивать предложенія волшебницы? Поступай съ нею такъ, какъ поступаютъ во всемъ свѣтѣ, то есть люби по необходимости для пользы своей. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что глупость, оказываемая въ сопротивленіи женщинѣ, учиняетъ ее врагомъ опаснымъ, и нѣжнѣйшая любовь въ ея сердцѣ превращается тогда въ ненависть непримиримую; рано, или поздно учинишся оныя жертвою. Тонкомысліе дѣлаетъ много щастливыхъ, но всего больше дураковъ — По чести... (подхватилъ простосердечный *Остроилъ*) не осердись бѣлочка, другъ мой, ты разсуждаешь какъ скотинка — Скажи лучше (перебила она), какъ человѣкъ, знающій свѣтъ. Въ ономъ не есть въ существѣ то, что таковымъ намъ быть кажется — Я вѣрю (подхватилъ *Остроилъ*); но какъ можно жить съ женщиною, которую не любишь? — Прекрасной вопросъ! (сказала бѣлка) развѣ ты любилъ *Амаранту*? Развѣ имѣлъ ты страсть къ *Анемонѣ*? — Согласенъ

(от-

(отвѣчалъ *Остроилъ*, котораго сей доводъ вразумилъ въ нѣкоторой части его сомнѣнія); я не любилъ ни той ни другой, но обстоятельство очень различное. Волшебница требуетъ любви, и слѣдственно вещи невозможной. Тебѣ не льзя не разумѣть; потому что ты все знаешь —— Но научайся ты, которой ничего не знаешь, что волшебница въ состояніи удержать тебя здѣсь на всю жизнь, естьли ты не будешь соотвѣтствовать ея нѣжности: между тѣмъ *Доброгнѣва* должна будетъ необходимо избрать себѣ супруга; и когда она выдетъ за мужъ, къ чему нужна будетъ твоя любовь? Не останется тебѣ надежды, по законамъ Трантараранскимъ; тамъ Царицы во всю жизнь любятъ своихъ супруговъ. Что послѣдуетъ съ тобою, естьли ты и послѣ того останешься съ своими чувствованіями? Сопротивленіе твое еще больше воспалитъ желанія волшебницыны. Препятствія не удерживаютъ особъ великихъ; они лишь раздражаютъ ихъ и дѣлаютъ упрямѣе: одна сія вещь можетъ придать имъ ложной видъ постоянства. Гдѣ сила и вольность безполезны, или опасны, позволяется безъ зазрѣнія совѣсти употреблять хитрость. Повѣрь мнѣ: покорись обстоятельствамъ, дай дѣйствовать волшебницыну легкомыслію. Тебѣ не чего бояться, между нами сказано, ты скоро наскучишь

ей по нѣкоторому обстоятельству. —— Но могу ли я (сказалъ *Остроилъ*, почувствовавшій всю силу послѣдняго слова), могу ли я имѣть требованія на прекрасную *Доброгнѣву*, естьли покорюсь волшебницѣ? Могу ли говорить, что ее люблю, когда между тѣмъ —— Вотъ еще глупость! (говорила бѣлка) какая нужда до такихъ мѣлочей? Волшебницы требуютъ дѣйствія, а слова считаютъ за ничто. —— Тѣмъ хуже, бѣлочка, другъ мой (отвѣчалъ нѣжной *Остроилъ*) я такъ хладнокровенъ —— Это правда, вотъ главной твой порокъ (сказала бѣлка]; хладнокровіе съ волшебницею! Старайся, ежели можно, быть живѣе; это нужно. Ты молодъ, волшебница прекрасна; надобно преодолѣть препятствія, противящіяся любви твоей; нѣтъ другаго способу. Помышляй скорѣе выходить изъ замѣшательства; ты всегда останешься съ правомъ на *Доброгнѣву*. Похожденія твои въ семъ замкѣ не будутъ имѣть опаснаго. Успокойся сколько можно; я обнадеживаю тебя бѣлочьею честью. —— Сказавъ ему таковое нравоученіе, она изчезла. —— —— ——

Окончаніе сей Сказки будетъ въ третьей Части.

Изборъ очень развеселенъ былъ сею Сказкою; но не взирая на то, хотѣлъ учинить на оную нѣкоторыя примѣчанія, естьлибъ

либъ не помѣшалъ тому случившійся притомъ *Славомiръ*. Ваше Величество! сказалъ онъ, чрезъ примѣчанія свои хотите сіе время препровожденіе ваше учинить полезнымъ. Конечно; слушать повѣсти, или сказки безъ всякаго намѣренія предосудительно человѣческому разуму; но извлекать изъ того полезное и нравоучительное, есть должность онаго. Я самъ хотѣлъ истребовать позволенія вашего, учинить мои собственныя примѣчанія на сказку *Уклонову*, но не прежде конца оныя; безъ чего не можно заключить о намѣреніи Сочинителевомъ. —— Ты очень изрядно играешь дядьку, сказалъ *Изборъ* усмѣхнувшись; но чтобъ не зайти въ дальніе разговоры, я согласенъ представлять твоего ученика. — Сказавъ сіе, онъ удалился; *Славомiръ* почесалъ въ головѣ, и пошелъ не перемѣняя своего заключенія быть къ нему усерду.

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.